

Прагматизм и его история

Современные интерпретации

**АКАДЕМИЧЕСКИЙ
ПРОЕКТ**

PRAGMATISM AND ITS HISTORY

RECENT INTERPRETATIONS

«Academic project»
Moscow, 2018

Российская академия наук
Институт философии

ПРАГМАТИЗМ И ЕГО ИСТОРИЯ СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

«Академический проект»
Москва, 2018

УДК 1/14
ББК 87
П 68

Редакционный совет серии:

*А.А. Гусейнов (акад. РАН), В.А. Лекторский (акад. РАН),
А.В. Смирнов (акад. РАН), В.С. Степин (акад. РАН,
председатель совета), П.П. Гайденок (чл.-корр. РАН),
В.В. Миронов (чл.-корр. РАН)*

Рецензенты:

Д. Иванов — д. филос. н., В. Филатов — д. филос. н.

Прагматизм и его история: Современные интерпретации / Отв.
П 68 ред. И. Джохадзе / Пер. с англ.: А. Веретенников, И. Джохадзе,
А. Жаворонков, Г. Золотков, Е. Коростиченко, Ю. Россиус, А. Чи-
кин. — М.: Академический проект, 2018. — 231 с. — (Философские
технологии: Современная философия).

ISBN 978-5-8291-2307-9

Чему учит история прагматизма? Какую роль могли бы сыграть прагматисты в диалоге-противостоянии аналитической и континентальной философских традиций? Какое понятие является ключевым для современного прагматизма: «опыт», «социальная практика» или «язык»? На вопросы международного интервью, организованного сектором современной западной философии Института философии РАН, отвечают ведущие философы-прагматисты и исследователи прагматизма из США, Канады, Австралии, Германии, Франции, Швейцарии, Финляндии, Австрии, Испании, Италии, Польши, Китая, Японии, Сингапура, Бразилии и России.

What does the history of American pragmatism teach us? Which term, «experience», «language» or «social practice», best expresses the central motivation of late pragmatism? What positive role, if any, could pragmatists play in «settling» current analytical-continental controversy? Leading contemporary pragmatists and scholars of pragmatism from the USA, Canada, Australia, Germany, France, Switzerland, Finland, Austria, Spain, Italy, Poland, China, Japan, Singapore, Brazil and Russia give answers to these questions in a series of interviews organized by the Department of Contemporary Western Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

УДК 1/14
ББК 87

- © Кол. авторов, 2018
- © Веретенников А., Джохадзе И., Жаворонков А., Золотков Г., Коростиченко Е., Россиус Ю., Чикин А., перевод, 2018
- © Джохадзе И., вступ. ст., 2018
- © Оригинал-макет, оформление. «Академический проект», 2018

ISBN 978-5-8291-2307-9

Содержание

<i>И. Джохадзе. Прагматизм и его история.</i>	9

СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Дуглас Андерсон (США)	23
Паскаль Анжель (Франция)	26
Брайан Батлер (США)	28
Ричард Бернстайн (США)	33
Раймонд Бойсверт (США)	36
Корнелис де Вааль (США)	39
Василий Ванчугов (Россия)	43
Андрей Веретенников (Россия)	48
Джим Гаррисон (США)	53
Питер Годфри-Смит (Австралия)	61
Роберт Дэниш (Канада)	62
Масато Ишида (США)	64
Сузана де Кастро (Бразилия)	65
Эрkki Килпинен (Финляндия)	66
Анатолий Колесников (Россия)	69
Брюс Куклик (США)	78
Джеймс Ливингстон (США)	81
Евгений Логинов (Россия)	83
Даниэль Макбет (США)	85
Дуглас Макдермид (Канада)	95
Джон Макдермотт (США)	98
Войцех Малецки (Польша)	99
Стивен Малуа (США)	105
Сарин Маркетти (Италия)	107
Мишель Марсоне (Италия)	114
Шерил Мисак (Канада)	115
Александр Мишура (Россия)	116
Людвиг Нагель (Австрия)	117
Роберт Невилл (США)	120
Хайме Нубиола (Испания)	121
Питер Окс (США)	128

Рэндалл Оксьер (США)	134
Сами Пилстрём (Финляндия)	137
Джон Райдер (США)	139
Николас Решер (США)	145
Хенрик Риденфельт (Финляндия)	146
Карлин Романо (США)	150
Шеннон Салливан (США)	152
Дэвид Сидорски (США)	154
Роберт Талисс (США)	164
Роселла Фаббрикези (Италия)	170
Михаэль Фестль (Швейцария)	178
Стэнли Фиш (США)	179
Пол Форстер (Канада)	180
Сьюзан Хаак (США)	199
Джеймс Э. Хакет (США)	204
Тан Сор Хун (Сингапур)	211
Ванг Ченгбинг (Китай)	212
Пол Шерлин (США)	214
Ульф Шуленберг (Германия)	219
Указатель имен	225

Contents

<i>I. Dzbohbadze. Pragmatism and Its History</i>	9

RECENT INTERPRETATIONS

Douglas ANDERSON (USA)	23
Pascal ENGEL (<i>France</i>)	26
Brian BUTLER (USA)	28
Richard BERNSTEIN (USA)	33
Raymond BOISVERT (USA)	36
Cornelis DE WAAL (USA)	39
Vasily VANCHUGOV (<i>Russia</i>)	43
Andrey VERETENNIKOV (<i>Russia</i>)	48
Jim GARRISON (USA)	53
Peter GODFREY-SMITH (<i>Australia</i>)	61
Robert DANISCH (<i>Canada</i>)	62
Masato ISHIDA (USA)	64
Susana DE CASTRO (<i>Brazil</i>)	65
Erkki KILPINEN (<i>Finland</i>)	66
Anatoly KOLESNIKOV (<i>Russia</i>)	69
Bruce KUKLICK (USA)	78
James LIVINGSTON (USA)	81
Evgeny LOGINOV (<i>Russia</i>)	83
Danielle MACBETH (USA)	85
Douglas McDERMID (<i>Canada</i>)	95
John McDERMOTT (USA)	98
Wojciech MALECKI (<i>Poland</i>)	99
Steven MAILLOUX (USA)	105
Sarin MARCHETTI (<i>Italy</i>)	107
Michele MARSONET (<i>Italy</i>)	114
Cheryl MISAK (<i>Canada</i>)	115
Alexander MISHURA (<i>Russia</i>)	116
Ludwig NAGL (<i>Austria</i>)	117
Robert NEVILLE (USA)	120
Jaime NUBIOLA (<i>Spain</i>)	121
Peter OCHS (USA)	128

Randall AUXIER (<i>USA</i>)	134
Sami PIHLSTRÖM (<i>Finland</i>)	137
John RYDER (<i>USA</i>)	139
Nicholas RESCHER (<i>USA</i>)	145
Henrik RYDENFELT (<i>Finland</i>)	146
Carlin ROMANO (<i>USA</i>)	150
Shannon SULLIVAN (<i>USA</i>)	152
David SIDORSKY (<i>USA</i>)	154
Robert TALISSE (<i>USA</i>)	164
Rossella FABBRICHESI (<i>Italy</i>)	170
Michael FESTL (<i>Switzerland</i>)	178
Stanley FISH (<i>USA</i>)	179
Paul FORSTER (<i>Canada</i>)	180
Susan HAACK (<i>USA</i>)	199
James E. HACKETT (<i>USA</i>)	204
Tan Sor HOON (<i>Singapore</i>)	211
Wang CHENGBING (<i>China</i>)	212
Paul CHERLIN (<i>USA</i>)	214
Ulf SCHULENBERG (<i>Germany</i>)	219
Name Index	225

Прагматизм и его история

За 150 лет своего существования американский прагматизм прошел через несколько трансформаций. Основы движения были заложены Чарльзом Сандерсом Пирсом в конце 1860 — начале 1870-х гг., однако долгое время о его существовании ничего не было известно. Расцвет прагматизма пришелся на 1900-е. В течение последующих десятилетий он определял лицо американской философской культуры, пользуясь популярностью и в Европе.

Рождение традиции и ранний, «латентный», период ее истории связаны с деятельностью так называемого «Метафизического клуба» — сообщества философов и ученых, возникшего в Кембридже в 1872 г. Документальных свидетельств о клубе сохранилось немного. Его членами были молодые интеллектуалы, друзья и коллеги Пирса: Ч. Райт, О. Холмс, Ф. Эббот, У. Джеймс и др. «Метафизики» встречались нерегулярно, записей не вели. Обсуждали идеи Дарвина, Милля и французских позитивистов. В 1875 г., после отъезда Пирса в Европу и смерти Райта, клуб фактически перестал существовать.

Прагматизм, писал Уильям Джеймс в 1907 г., «возник неожиданно, словно с неба свалился»¹. Это, конечно, преувеличение. Вряд ли можно считать неожиданным то, что подготавливалось целым поколением мыслителей, работавших более-менее независимо друг от друга, — американских² и европейских³. Уже в 1868 г. в цикле статей, опубликованных в «Журнале спекулятивной философии», Пирс выступает с критикой интуитивизма и картезианского скептицизма, формулирует ряд краеугольных для прагматистской традиции теоретических положений. «Всякая мысль, — пишет он, предвосхищая семиотический, лингвистический, историцистский и прочие “повороты” западной философии, — обозначает то, что мыслилось в предыдущей мысли»

---

¹ *James W. Pragmatism: A New Name for Some Old Ways of Thinking*. N.Y.: Longman's, Green & Co, 1907. P. VII.

² К прагматистам иногда причисляют Дж. Ройса, Дж. Сантаяну и Дж. Аддамс.

³ Джеймс в своих лекциях о прагматизме упоминает, в частности, Ф.К.С. Шиллера, Дж. Папини и Э. Леруа.

(CP 5.285)¹; «слово... употребляемое человеком, есть сам человек» (CP 5.314); «идеальное совершенство знания, которое составляет реальность, должно принадлежать сообществу» (CP 5.356).

Джеймс и сам, если судить по его ранним текстам, начиная с дебютной публикации 1878 г. все в том же «Журнале спекулятивной философии», *был* прагматистом задолго до того, как стал *называть* себя этим именем. В работе, посвященной Г. Спенсеру, впервые в развернутом виде представлена теоретическая позиция, которую возьмут на вооружение прагматисты второй половины XX в., такие как Р. Рорти, Р. Брэндом, Р. Шустерман, Х. Прайс. Речь идет об антирепрезентационизме. Наивно-позитивистской модели познания как репрезентации (*spectator's point of view*) Джеймс противопоставляет идею взаимодействия с реальностью в процессе ее исследования и преобразования (*agent point of view*). Познающий субъект, говорит он, не просто фиксирует истины, которые находит в готовом виде, но «создает» их. Постигая мир, мы изменяем его².

Получивший известность, а затем и признание в профессиональном философском сообществе благодаря У. Джеймсу, Дж. Дьюи и Ф. К.С. Шиллеру, прагматизм в 1930–1940-е гг. оказался вытеснен с авансцены академической жизни неопозитивизмом и лингвистической философией, «экспортированными» в США из Европы. Эта интеллектуальная (контр)революция в некоторой степени была подготовлена самими прагматистами. Как отмечает Д. Уилсон, классики прагматизма, в особенности Пирс и Дьюи, ратовали за «реконструкцию» философии, ее очищение от метафизических спекуляций, интеллектуализма и трансцендентализма, придание ей большей научности и методологической строгости. Близость аналитической философии к прагматизму, сходство методологий (эмпиризм, фаллибилизм, представление о научно-исследовательской работе как коллективном процессе) и взаимодополняемость философских подходов обеспечили воз-

---

¹ Здесь и далее при цитировании произведений Пирса ссылки в скобках относятся к тому и номерам параграфов издания: *Collected Papers of Charles Sanders Peirce* / Ed. by C. Hartshorne, P. Weiss, A.W. Burks. Cambridge: Harvard University Press, 1931–1958 (сокр.: CP).

² См.: *James W. Remarks on Spenser's Definition of Mind as Correspondence* // *Journal of Speculative Philosophy*. 1878. Vol. 12. № 1. P. 17.

возможность конвергенции двух традиций¹. Сыграло свою роль и то обстоятельство, что молодое поколение американских философов (Э. Нагель, С. Хук, А. Блумберг, Ч. Моррис), воспитанных в традиции прагматизма, но знакомых с европейским позитивизмом (некоторые учились в Австрии и Германии), в полной мере созрело для усвоения и переработки новых философских идей. «Логический позитивизм и аналитическая философия рассматривались в то время как очередной — после прагматизма — шаг в направлении к идеальной философии как науке»².

Как бы то ни было, к 1950-м гг. в университетской среде закрепилось суждение о прагматизме (особенно в джеймсовской вариации) как о философии «мягкой» и несистемной, без твердого теоретического ядра и методологии. «Прагматисты, — вспоминает Р. Бернштейн, — превратились в маргиналов... Их сочинения если и продолжали штудироваться, то уже не философами, а историками идей»³. Попытки отдельных энтузиастов (И. Эдмана, Х. Калена, В. Дюрана) адаптировать прагматистскую классику к интеллектуальным запросам и вкусам массовой публики только играли на руку критикам У. Джеймса и Дж. Дьюи, вели к дискредитации их идей и к подрыву престижа прагматизма в научном сообществе⁴.

---

¹ См.: *Wilson D.J. Fertile Ground: Pragmatism, Science, and Logical Positivism // Pragmatism: From Progressivism to Postmodernism / Ed. by R. Hollinger, D. Depew. Westport: Praeger, 1995. P. 122–123, 130–133.* В частности, Сидней Хук, по свидетельству Р. Рорти, «рассматривал логический эмпиризм — движение, представленное Расселом, Карнапом и Айером, — как многообещающее и имеющее немало общего с прагматизмом Дьюи. Подобно своему другу Эрнесту Нагелю, он надеялся, что общее уважение к естественным наукам сделает возможным своего рода союз между этими двумя философскими движениями» (*Рорти Р. Вспоминая Джона Дьюи и Сиднея Хука / Пер. с англ. В. Кувакина, А. Митрофановой // Прагматический натурализм в американской философии / Ред. П. Куртц. М.: РГО, 2003. С. 50*).

² *Wilson D.J. Fertile Ground: Pragmatism, Science, and Logical Positivism. P. 124.* См. также: *White M. Toward Reunion in Philosophy. Cambridge: Harvard University Press, 1956. P. VII; Marsonet M. Different Pragmatist Reactions to Analytic Philosophy // New Perspectives on Pragmatism and Analytic Philosophy / Ed. by R.M. Calcaterra. Amsterdam; N.Y.: Rodopi, 2011. P. 103.*

³ *Bernstein R.J. The Pragmatic Turn. Cambridge: Polity Press, 2010. P. 12.*

⁴ См.: *Kloppenber J.T. Pragmatism: An Old Name for Some New Ways of Thinking? // The Revival of Pragmatism: New Essays on Social Thought, Law, and Culture / Ed. by M. Dickstein. Durham; L.: Duke University Press, 1998. P. 89–90.*

В редакторском предисловии к сборнику «Философия в американском образовании» Б. Бланшард, анализируя ситуацию, сложившуюся с преподаванием философии в его стране, указывал на «двойное размежевание» в профессиональном философском сообществе: между прагматистами, ратующими за инструментализацию знания, и их оппонентами «метафизиками» и между позитивистами и антипозитивистами. Второе противостояние, по мнению Бланшарда, нанесло американской философии наиболее ощутимый урон: в отличие от прагматистов, охотно обсуждавших метафизические проблемы со своими оппонентами, позитивисты объявили всю метафизику бессмысленной и «ушли с головой в разработку частных философских вопросов, таких как вопрос о статусе чувственных данных, о значении значения, о базовых пропозициях дедуктивной логики и т. д.»¹. Критическое отношение Бланшарда к такому узкому профессионализму в философии разделяли многие его коллеги по Йельскому университету: П. Вайс, Дж. Смит, Ч. Гендель и студенты, в том числе Р. Рорти и Р. Бернштейн.

В 1960–1970-е гг., на фоне кризиса академической философии, замкнувшейся «в жесткие дисциплинарные и профессиональные рамки»², погрязшей, по выражению К. Уэста, в «расслабляющей и отупляющей изоляции»³ и, как следствие этого, «лишившейся аудитории»⁴, обозначилось возрождение интереса к классикам прагматизма. «Наметилось более тонкое и сложное понимание истории философии в США, стала прослеживаться преемственность, не прерывавшаяся жизнь прагматической традиции»⁵. По признанию Бернштейна, в те годы, когда, после защиты докторской диссертации «Метафизика опыта Джона Дьюи», он занялся из-

---

¹ *Blanshard B.* Climate of Opinion // Philosophy and American Education: Its Tasks and Opportunities / Ed. by B. Blanshard. N.Y.: Harper and Brothers Publishers, 1945. P. 32.

² *Borradori G.* The American Philosopher: Conversations with Quine, Davidson, Putnam, Nozick, Danto, Rorty, Cavell, MacIntyre, Kuhn. Chicago: University of Chicago Press, 1994. P. 20.

³ *West C.* The American Evasion of Philosophy: A Genealogy of Pragmatism. Madison: University of Wisconsin Press, 1989. P. 207.

⁴ *Smith J.E.* The Spirit of American Philosophy. Albany: SUNY Press, 1983. P. 201.

⁵ *Bernstein R.J.* The Pragmatic Turn. P. 13.

учением аналитической философии, его не покидало ощущение *déjà vu*. Многие в концепциях Куайна, Селларса, Дэвидсона и Гудмена — мыслителей, выступивших с критикой «догм эмпиризма» (тезиса о независимом языке наблюдения, дихотомий аналитического и синтетического, факта и ценности, схемы и содержания) — казалось созвучно идеям Пирса, Джеймса и Дьюи. Философы-аналитики уловили и по-своему оригинально выразили некоторые основополагающие идеи и интуиции прагматизма. Эти идеи были восприняты американскими, а позднее европейскими авторами сквозь призму аналитической методологии, экзистенциализма и структурализма. В частности, аргументация Селларса против «мифа о данных», по мнению Бернштейна, в точности воспроизводит критику интуитивизма, развернутую антикартезианцем Пирсом. Теории социальной коммуникации Хабермаса и Апеля восходят к символическому интеракционизму Мида, а также семиотике Пирса и социально-философским исследованиям Дьюи. Что же касается французских постмодернистов и Рорти, бросивших вызов западной метафизике с ее большими нарративами и систематизмом, то эти недавно столь модные теоретики, как считает Бернштейн, лишь повторили путь, пройденный задолго до них классиками прагматизма¹.

Своей атакой на эмпиризм У. Куайн «разбудил», по выражению Р.А. Патнэм, американских философов, вывел их из «аналитического анабиоза». И тогда семена прагматизма, зароненные в души вчерашних студентов философских факультетов их преподавателями, знакомыми с трудами национальных классиков, начали давать всходы². Случилось то, что Рорти назвал «прагматизацией»³ академической философии. Все, что полностью игнорировалось или подавлялось господствующей аналитической «идеологией», а именно проблемы исторического развития, этики и политики, герменевтики и самой метафизики, стало

---

¹ См.: *Bernstein R.J.* The Pragmatic Turn. P. 26–29.

² См.: *Putnam R.A.* Reflections on the Future of Pragmatism // Putnam H., Putnam R.A. Pragmatism as a Way of Life: The Lasting Legacy of William James and John Dewey / Ed. by D. Macarthur. Cambridge: The Belknap Press of Harvard University Press, 2017. P. 114–115.

³ *Rorty R.* Consequences of Pragmatism. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1982. P. XVIII.

возвращаться в американскую философию — на страницы научных журналов и сборников, в программы образовательных курсов и конференций¹. Таким образом, констатирует Д. Уилсон, прагматизм в лице Пирса и Дьюи, способствовавший в 1930–1940-е гг. укоренению аналитической философии на американской почве, сыграл важную роль и в ее последующей трансформации, в расширении проблемного поля философских исследований — в так называемой постаналитической революции 1970–1980-х гг.²

Тогда же активизировалась работа по переизданию классиков — Джеймса и Пирса, затем Мида, Ройса и Дьюи. Проект многотомного собрания сочинений Дьюи (*The Collected Works of John Dewey*. Carbondale, 1972–1985) финансировался правительством США и Национальным фондом гуманитарных наук. Значительная часть текстов Пирса и Мида публиковалась впервые. В 1965 г. появился журнал «*Transactions of the Ch.S. Peirce Society*», с которым сотрудничали С. Розенталь, Дж. Макдермотт, Р. Слипс, Дж. Смит, С. Хаак и др. Созданное в 1974 г. Общество по продвижению американской философии (*Society for the Advancement of American Philosophy*) ставило главной задачей популяризацию прагматизма³.

Новые прагматисты (Р. Рорти, Х. Патнэм, К. Уэст, Р. Бернстайн и др.) выдвинули лозунг «регуманизации» философии, возвращения ее человеку. Показательна в этом отношении книга Р. Шустермана «*Practicing Philosophy: Pragmatism and the Philosophical Life*» (1997). Между действительными — «жизненно важными» — человеческими проблемами и потребностями, с одной стороны, и «схоластической» проблематикой высоких философских дебатов — с другой, между жизнью и кабинетным

---

¹ См. об этом: *Bernstein R.J.* Pragmatism, Pluralism, and the Healing of Wounds // *Pragmatism* / Ed. by A. Malachowski. L.: SAGE Publications, 2004. Vol. II. P. 41–42; *Dickstein M.* Pragmatism Then and Now // *The Revival of Pragmatism: New Essays on Social Thought, Law, and Culture*. P. 10–11; *Margolis J.* Pragmatism's Future: A Touch of Prophecy // *Contemporary Pragmatism*. 2010. Vol. 7. № 2. P. 194–196.

² См.: *Wilson D.J.* Fertile Ground: Pragmatism, Science, and Logical Positivism. P. 139.

³ Подробнее см.: *McDermott J.* The Renaissance of Classical American Philosophy // *The Blackwell Guide to American Philosophy* / Ed. by A. Marsoobian, J. Ryder. Malden: Blackwell Publishing, 2004. P. 397–406.

академическим мудрствованием пролегает целая бездна, сетует Шустерман. Подлинная задача философии в наше время, как и две тысячи лет назад, заключается в том, чтобы связать теорию с практикой. Выбор между двумя установками — *теоретической* и *практической* — не составляет дилеммы. Философия-как-теория лежит в основании жизненной практики, практика же является ее выражением и осуществлением. Именно так мыслили греки — «прото-прагматисты» сократики, стоики и эпикурейцы. Они рассматривали теорию не иначе как инструмент «практического» философствования — искусства разумной и праведной жизни (*techne tou biou*). Прагматизм, по мнению Шустермана, возвращает западную философию к этой традиции¹.

Критический пафос Р. Шустермана в отношении «институализированной» философии, оторванной от экзистенциальной реальности, разделяет и Х. Патнэм. «Если в прежние времена, — говорит он, — метафизика находилась в прямой жизненной связи с культурой и с потребностями эпохи, благодаря чему имела возможность влиять на образ жизни людей, причем не всегда в худшую сторону, то метафизика наших дней не связана ни с чем и не основана ни на чем, кроме сомнительных “интуиций” горстки философов»². Академической философии, по мнению Патнэма, еще предстоит заново обрести себя в «жизненном мире» человеческих отношений и экзистенциального опыта³. От бесконечного и бесплодного problem-solving она должна перейти к исследованию актуальных проблем человека и общества, от *схоластически-институционального* (Schulbegriff) — к *мировому* (Weltbegriff) «формату» философствования⁴. Для Хилари и Рут Анны Патнэмов прагматизм — не академическая традиция и не школа, а нечто большее — «образ жизни»⁵.

---

¹ См.: Shusterman R. *Practicing Philosophy: Pragmatism and the Philosophical Life*. N.Y.; L.: Routledge, 1997. P. 3–6.

² Putnam H. *Renewing Philosophy*. Cambridge: Harvard University Press, 1992. P. 197.

³ См.: Putnam H. *Realism with a Human Face*. Cambridge: Harvard University Press, 1990. P. 52.

⁴ Ibid. P. XXIV–XXXII.

⁵ См.: Putnam H., Putnam R. A. *Pragmatism as a Way of Life: The Lasting Legacy of William James and John Dewey*. Cambridge: The Belknap Press of Harvard University Press, 2017.

За исключением Пирса, американские прагматисты первой волны были в высшей степени (социально и политически) ангажированными мыслителями, активно участвовали в публичных дебатах и общественной жизни. Инструменталист Дьюи считал, что наука — через философию — должна служить обществу, людям. Сто лет назад это мнение почти никем не оспаривалось. Для современного аналитического философа оно звучит уже странно, если не сказать дико. К XXI в., отмечает Б. Куклик, американская философия (безвозвратно?) утратила «гражданскую функцию», уступив пальму первенства социологии и литературной критике¹. «Академия», соглашается с Кукликом Р. Якоби, уничтожила публичную философию в США. «Новая генерация интеллектуалов — университетских профессоров — не нуждается более в широкой образованной публике, откровенно гнушается ею. Кампусы — их среда обитания; коллеги по факультету — целевая аудитория; научные монографии и специализированные издания для узкого круга — средства коммуникации... Профессионализм торжествует, а публичная культурная жизнь деградирует»². С возрождением прагматизма многие современные авторы связывают перспективу восстановления общественного авторитета и публичного статуса философии, ее социальной «миссии»³.

Как справедливо отмечает Н. Юлина, живучесть прагматизма во многом объясняется его минусами: размытостью теоретических оснований, нередуцируемостью к общим гносеологическим принципам, отсутствием строгой и ясной методологии. Прагматизм (как ранний, классический, так и средний, «аналитический») был «не систематической философией, а скорее набором противоречивых установок, что позволяло его последователям безболезненно выбирать одни установки и отказываться от других»⁴. «Аморфный, расплывчатый прагматизм представляет собой плохую мишень для критики: здесь, в сущности, не во что целить;

---

¹ См.: *Kuklick B. American Philosophy and Its Lost Public // Pragmatism: From Progressivism to Postmodernism. P. 147–149.*

² *Jacoby R. The Last Intellectuals. N.Y.: Basic Books, 1987. P. 6, 8.*

³ См., напр.: *West C. The American Evasion of Philosophy: A Genealogy of Pragmatism. P. 230–231; Putnam H. Philosophy Should Not Be Just an Academic Discipline. A Dialogue with J. Boros // Common Knowledge. 2005. Vol. 11. № 1. P. 135.*

⁴ *Юлина Н. Философская мысль в США. XX век. М.: Канон+, 2010. С. 488.*

...с другой стороны, под знаменами прагматизма трудно маршировать»¹. Сто лет назад американский философ Артур Лавджой насчитал 13 разновидностей прагматизма². Сегодня, иронизирует Бернштейн, мы можем с известной долей уверенности сказать, что он преуменьшил³. Значение терминов «прагматистский» и «прагматический» размылось до полной неопределенности. Рорти рекрутировал в прагматисты Хайдеггера, Витгенштейна и Дэвидсона, Уэст — Эмерсона и Нибура, Брэндом — Фреге, Куайна и самого Гегеля. В одном философском «плавильном котле» оказались идеалисты и научные реалисты, экзистенциальные и аналитические философы, модернисты и постмодернисты⁴. По мнению Дж. Клоппенберга, о прагматизме XXI в. лучше не скажешь, чем перефразируя Джеймса: *старое имя для новых* — и очень разных — способов рассуждения⁵.

Что же связывает «новых» со «старыми», задается вопросом Дж. Марголис. Настолько немного, что впору говорить о «пере рождении» (а не «возрождении») прагматизма⁶. Одно из принципиальных отличий заключается в спецификации отношения философии к другим дисциплинам: классики прагматизма, особенно Пирс, Дьюи и Льюис, имея в виду инструментальный успех и практическую направленность естественно-научных программ, рассматривали современную им технонауку как модель-образец для философии и культуры, в то время как «новые» прагматисты поднимают на щит науки о духе, поэзию и гуманитарные

---

¹ *Fish S.* Truth and Toilets: Pragmatism and the Practices of Life // The Revival of Pragmatism: New Essays on Social Thought, Law, and Culture. P. 424.

² *Lovejoy A.O.* The Thirteen Pragmatisms // Journal of Philosophy, Psychology and Scientific Methods. 1908. Vol. 5. № 1. P. 5–12.

³ *Bernstein R.J.* The Pragmatic Turn. P. 5.

⁴ См.: *Rockmore T.* On Classical and Neo-Analytic Forms of Pragmatism // Metaphilosophy. 2005. Vol. 36. № 3. P. 259–260; *Menand L.* An Introduction to Pragmatism // Pragmatism: A Reader / Ed. by L. Menand. N.Y.: Vintage Books, 1997. P. XXVI–XXVII; *Cavell S.* What's the Use of Calling Emerson a Pragmatist? // The Revival of Pragmatism: New Essays on Social Thought, Law, and Culture. P. 72–80; *Skowronski K.P.* Values and Powers. Re-reading the Philosophical Tradition of American Pragmatism. Amsterdam; N.Y.: Rodopi, 2009. P. 8.

⁵ См.: *Kloppenber J.T.* Pragmatism: An Old Name for Some New Ways of Thinking? P. 83–84.

⁶ См.: *Margolis J.* Reinventing Pragmatism. Ithaca: Cornell University Press, 2002. P. 131–132.

дисциплины, отвергая позитивизм/физикализм/натурализм как пережиток сциентистской эпохи. «Эпистемологические проблемы обоснования, верификации, научно-экспериментального подтверждения и опровержения, занимавшие классиков, отходят на второй план, уступая место проблематике диалога, коммуникации, описания и консенсуса»¹. По словам Рорти, новый (постаналитический) прагматизм отличается от классического в двух отношениях: «Первое, мы говорим о языке вместо опыта, сознания или разума; второе, относимся с подозрением к “научному методу”»². Следовательно, все, что «ниже уровня» лингвистической практики, «непропозициональное, недискурсивное измерение»³ опыта, оказывается вне фокуса Рорти и тех, кто разделяет его подход. В их словаре не находится места понятию «опыт», ключевому для Пирса, Джеймса и Дьюи⁴; взамен ему вводится понятие «дискурс». Такая *лингвистификация*, убежден Бернштейн, пришлось бы совсем не по вкусу классикам прагматизма. В особенности их возмутило бы заявление Рорти о том, что мы, «пользователи языка», ничем в своих действиях и мышлении не ограничены, кроме «разговорных правил». Думать так — значит игнорировать факты («элементы противодействия

¹ Hickman L. A. Truth Deflationism, Technology, and Classical Pragmatism // Acta Philosophica Fennica. 2009. Vol. 86. P. 59.

² Rorty R. Philosophy and Social Hope. N.Y.: Penguin Books, 1999. P. 95.

³ Shusterman R. Pragmatism and Cultural Politics: Variations on a Rortyan Theme // Richard Rorty: From Pragmatist Philosophy to Cultural Politics / Ed. by A. Gröschner, C. Koopman, M. Sandbothe. L.: Bloomsbury, 2013. P. 169.

⁴ «Философия ограничивается теми истинами, которые могут быть выведены из общего опыта» (Peirce C.S. An Outline Classification of the Sciences // The Essential Peirce: Selected Philosophical Writings. Vol. 2 / Ed. by Peirce Edition Project. Bloomington: Indiana University Press, 1998. P. 259). «Мы нуждаемся в таком понятии, как “опыт”, обозначающем то, что ведет нас в жизни и предупреждает о рисках, не позволяет забыть, что последнее слово в наших делах всегда остается за миром, который постигается не только разумом, но и чувственно, ощущается и проживается» (Dewey J. Experience and Nature // Dewey J. The Later Works. Vol. 1 / Ed. by J.A. Boydston. Carbondale: Southern Illinois University Press, 1981. P. 372). «Пока мы продолжаем говорить, интеллектуализм остается непрекращаемым господином положения. Возвращение к жизни достигается не путем разговора. Необходимо действие» (James W. A Pluralistic Universe. Cambridge: Harvard University Press, 1977. P. 131). См. также: McDermott J. The Culture of Experience: Philosophical Essays in the American Grain. Prospect Heights: Waveland Press, 1976. P. IX.

в опыте» (СР 1.336)) и путать ценное с ценным, желаемое с желательным, субъективное удовольствие, доставляемое решением проблематической ситуации, с удовлетворением ее объективных требований. Крайней формой этого интеллектуалистского отвлечения от реальности является «лингвистический идеализм»¹.

* * *

Как философское направление прагматизм сегодня представлен концепциями Р. Рорти («антирепрезентационизм»), Х. Патнэма («прагматический реализм»), Р. Брэндома («инференциализм»), Н. Решера («прагматический идеализм»), Дж. Марголиса («конструктивистский прагматизм»), С. Розенталя («спекулятивный прагматизм»), Х. Прайса («экспрессивизм»), К. Уэста («профетический» прагматизм), Ф. Китчера («прагматический натурализм»), С. Малуа («риторический прагматизм»), С. Хаак («фаундгерентизм»), Р. Шустермана («сомаэстетический» прагматизм), Р. Невилла («палеопрагматизм»), К. Купмана («транзациональный» прагматизм) и др. Не стоит удивляться такому многообразию. Вся история прагматизма — от ранних его истоков, связанных с кембриджским «Метафизическим клубом», до постмодернистских экспериментов, поиска новых революционных идей и непрекращающихся попыток «развести» классиков по разным углам — представляет собой историю пролиферации и столкновений альтернативных подходов, методологий, интерпретаций. «Конфликты и разногласия всегда присутствовали в прагматизме, прибавляя ему витальности, — отмечает Бернстайн. — ...Наше представление о традиции станет богаче и адекватнее, если мы будем рассматривать ее как продолжающийся диалог, в котором участвует несколько очень разных и порой диссонирующих “голосов”»².

Если прогресс философии оценивать не монолитностью взглядов приверженцев направления или школы, а интенсивно-

---

¹ *Bernstein R.* The Pragmatic Turn. P. 134. См. также: *Koopman C.* Pragmatism as Transition. Historicity and Hope in James, Dewey, and Rorty. N.Y.: Columbia University Press, 2009. P. 126–128; *Shusterman R.* Pragmatist Aesthetics: Living Beauty, Rethinking Art. Oxford: Basil Blackwell, 1992. P. 258.

² *Bernstein R.J.* The Resurgence of Pragmatism // *Social Research*. 1992. Vol. 59. № 4. P. 831, 824.

стью и открытостью профессиональных дебатов, критикой принятых моделей исследования, соперничеством различных программ и теорий — тогда современное состояние прагматизма, характеризующееся расширяющимся многосторонним диалогом и концептуальными новациями, следует рассматривать как свидетельство его жизненности и внутренней силы. Сегодня, в контексте интеллектуальной поляризации англо-американской и континентальной традиций, философия прагматизма (наверное, неожиданно для самих прагматистов) оказывается востребованной — как положительная альтернатива аналитизму, с одной стороны, и деконструктивизму — с другой. В отличие от европейского постмодерна и родственных ему современных течений прагматический вариант критики «метаповествований», эссенциализма и фундаментализма позволяет уйти от абстрактного теоретизирования и схоластики, не впадая в противоположную крайность релятивистского произвола и нигилизма. Прагматизм, убеждены его нынешние сторонники, мог бы внести решающий вклад в сближение и взаимообогащение аналитической и континентальной философии, в преодоление «раскола» между двумя традициями¹. Такие авторы, как Рорти, Брэндом и Шустерман, уже многое для этого сделали.

Сегодня наследие Пирса, Джеймса и Дьюи пользуется спросом на рынке философских идей едва ли не большим, чем при жизни классиков. И обращаются к нему далеко не только историки философии или социологи знания. Настоящая книга — одно из многочисленных подтверждений этого.

В международном интервью, организованном сектором современной западной философии Института философии РАН, приняли участие философы-прагматисты и исследователи прагматизма из США, Канады, Австралии, Германии, Франции, Швейцарии, Финляндии, Австрии, Испании, Италии, Польши, Китая, Японии, Сингапура, Бразилии и России. Некоторые ответы, с согласия респондентов, публикуются в сокращенной редакции.

И. Джохадзе

---

¹ См.: *Rorty R. Consequences of Pragmatism. P. 223–229; Dickstein M. Pragmatism Then and Now. P. 11, 16; Rescher N. Realistic Pragmatism. Albany: SUNY Press, 2000. P. 238–240.*

СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

1. Классический прагматизм существенно отличается от его более поздних версий. Можно ли говорить о преемственности в развитии этой философской традиции в XX в.? Чему учит история прагматизма?

2. «Опыт», «социальная практика» или «язык» — какое из этих понятий является ключевым для позднего (современного) прагматизма?

3. Уильям Джеймс определял прагматизм как «метод улаживания споров» между философами. Какую роль могли бы сыграть прагматисты в диалоге-противостоянии двух философских традиций — англо-американской аналитической и континентальной?

Дуглас Андерсон

(Университет Северного Техаса, США)

1. Современный прагматизм, бесспорно, отличается от прагматизма классического. Уже Ч.С. Пирс был серьезно обеспокоен тем, как его «последователи» У. Джеймс и Ф. К.С. Шиллер трактовали некоторые важные для него идеи. А концепции многих нынешних «прагматистов» он, скорее всего, даже не опознал бы как прагматистские. То, что Пирс когда-то назвал «похищением» термина, в конце концов обернулось его конфискацией. Любопытно, что в первом вопросе говорится о преимущественности в *развитии* (progress) американского прагматизма. Кое-кто назвал бы это не столько прогрессом, сколько *регрессом* в определенных аспектах, или стагнацией, начавшейся в конце прошлого века.

История прагматизма, несомненно, учит нас тому, о чем говорил Джеймс. Новую теорию сначала высмеивают, затем находят в ней что-то полезное, а потом начинают утверждать, что создали ее сами. Как бы то ни было, я полагаю, что история прагматистской традиции открывает нам своеобразную истину, вытекающую из руководящей идеи прагматизма, а именно: «истины» историчны, они рождаются в мир, растут и умирают. «Прагматизм» как школа мысли тоже не вечен; быть может, отдельные его элементы, особенно в качестве метода, сохранятся, но это не отменяет главного принципа, заложенного Пирсом и Дьюи: следует мыслить в категориях той культурной системы верований, к которой принадлежишь. В своих поздних работах Дьюи, кстати, почти не пользовался термином «прагматизм». Это показательно. Думаю, прагматизм останется с нами как эпизод истории западной мысли, но, как и любой другой способ мышления, он обречен на изменения и устаревание. Нельзя сказать заранее, приведут ли изменения к лучшему или к худшему: опыт постепенно расставит все по местам, если мы будем продолжать задавать вопросы и искать ответы на них.

2. Если под «поздним», или современным, прагматизмом понимается американский и европейский прагматизм после У. Селларса и Р. Рорти, моим ответом на вопрос о ключевом термине будет «язык». Полагаю, язык всегда был в центре внимания — начиная с попыток Селларса преодолеть разделение лингвистического и эмпирического миров (в оправданности которого его отец Р.В. Селларс ни секунды не сомневался) и заканчивая «словарями» Рорти, а также логическими системами Брэндома. Здесь можно увидеть прямую преемственность по отношению к различным программам лингвистического анализа начала XX в. Брэндом открыто заявляет, что не интересуется опытом. Несмотря на попытки отдельных комментаторов «политизировать» его инференциализм, мне трудно увидеть здесь связь с социальными практиками. Селларс и Рорти, каждый по-своему, говорили о социальных и культурных практиках, но оба не выходили за рамки лингвоцентризма. Подобная сфокусированность на языке (конвенциональных символических языках в особенности) показалась бы «ранним» прагматистам слишком узкой. Коммуникация и семиозис происходят различными способами. По крайней мере, для Пирса и Дьюи это было вполне очевидно. В ряде случаев отмечается, что наше использование языка является составной частью опыта, неотъемлемой его компонентой. Рорти помещает язык между миром и человеком: лингвистическая «завеса» отделяет нас от реальности. Напротив, Пирс, Джеймс и Дьюи считали язык не преградой, а естественным каналом коммуникации, связывающим человека с миром. По мнению Рорти, природа молчит. По мнению Пирса, она говорит все время, и человек находится в постоянном контакте с ней, в непрерывном (семиотическом) общении с миром. Это полярные точки зрения.

3. Смысл противостояния аналитической и континентальной философских традиций для меня остается загадкой. Несколько лет назад Американская философская ассоциация организовала дебаты о плюрализме: философы, ориентированные на континентальную мысль и получившие соответствующее образование, совместно с американистами выступили против представителей аналитического мейнстрима. Мнения о том,

что следует понимать под философией, конечно же, разделились. В чем прагматисты могли бы помочь, так это в прояснении исходных позиций и предпосылок спора. С точки зрения прагматизма никто не вправе претендовать на окончательное суждение о «философии, какой она должна быть». Лингвистический анализ XX в. имеет мало общего с греческой Академией, в которой наставники и студенты, неспешно прогуливаясь во время занятий по цветущему саду, вели дружески-доверительные беседы о счастье (*eudaimonia*). «Профессиональная» философия XX в. скована нормативными представлениями о «пригодности к публикации» текстов, умении выдвигать «сильные» аргументы и контраргументы, схватывать и разрабатывать горячие темы, дебатлируемые в рецензируемых журналах. Некоторые философы конца XX в. считали, что изучение интеллектуальной истории бесполезно и даже вредно, что существует одна философия — современная, и никакая другая не заслуживает внимания. Ныне подобного фанатизма стало меньше. Классики прагматизма сочли бы абсурдом предположение, что единственно правильным способом философствования является, скажем, аналитический метод Уилларда Куайна или экзистенциальный анализ Мартина Хайдеггера. И Куайн и Хайдеггер полезны, каждый по-своему; оба метода чем-то хороши. В представлении Пирса, не существует «единственно правильной» философии, как не существует идеального рецепта яблочного варенья или вишневого пудинга. На «вкус» философии бывают такими же разными, как пироги. Вопросы, которые поднимаются прагматизмом, пересекаются с проблематикой философских исследований, ведущихся как аналитическими философами, так и их континентальными коллегами. Однако они не рассматриваются ни первыми, ни вторыми по причине того, что не укладываются в прокрустово ложе их представлений о «подлинной философии». Такой образ мысли я нахожу нелепым. Пирс говорил: «первое правило разума — желание учиться». Всякому, кто защищает лишь собственный метод и практики, это желание незнакомо.

Паскаль Анжель

(Высшая школа общественных наук,
Франция)

1. Основоположник прагматизма Ч.С. Пирс был логиком, математиком и метафизиком, защищавшим сильную версию реализма универсалий. Он подчеркивал роль деятельности (action) в апробировании понятий и оценке теорий, но не отказывался от объективистской теории истины и лучшим типом знания признавал научное знание. Философия Пирса повлияла на Джеймса, Дьюи и других мыслителей, которые существенно трансформировали ее в направлении волюнтаризма и инструментализации знания (через переопределение истины как полезности). В дальнейшем прагматизм стал ассоциироваться с эмпиризмом и логическим позитивизмом. Благодаря Дьюи он интерпретировался как доктрина, постулирующая примат социального над индивидуальным, а еще позднее, благодаря Рорти, как разновидность антиобъективизма и релятивизма. Между ранней версией Пирса и теми многочисленными концепциями, которые ассоциируются сегодня с прагматизмом — весьма беспорядочными и зачастую идеологическими, — крайне мало общего. На мой взгляд, чем прагматизм эпистемологически строже, чем теснее он связан с логикой, тем лучше. Поэтому самые интересные прагматисты, в моем понимании, это Ч.С. Пирс, Ф. Рамсей, К.И. Льюис, А. Бёркс, Г. Харман, возможно также Р. Брэндом и Х. Прайс.

2. «Опыт», «язык», «социальная практика» — расплывчатые понятия. С точки зрения прагматистов, опыт дается через язык, а он по природе социален. Мне кажется, ядром прагматизма является идея о том, что человеческие концепты, значения и теории определяются практиками, с которыми они связаны. Это — *социальные* практики. Наше мышление, выражаясь

более точно, определяется действиями (actions) в социальном мире, в котором мы существуем.

3. Пафос Джеймса был в основе своей антиметафизическим. Сегодня философы-аналитики (Куайн, Крипке, Льюис, Файн, Уильямсон и др.) в значительной мере практикуют метафизику (в отличие от их предшественников). Вместе с тем они по-прежнему используют логические методы и инструментарий естественных наук (например, когнитивных). Напротив, современная континентальная философия (Хайдеггер, Деррида, герменевтика, посткантианство) преимущественно антиметафизична, антилогична и антинаучна. Поэтому бывшие «аналитические» философы, отвергающие метафизику, логику и науку, такие как Витгенштейн, Патнэм, Брэндом, Кавелл и Рорти, ближе к континентальной, нежели аналитической философии. Названные мною философы и те, кто разделяет их идеи, демонстрируют подход, в корне отличный от аутентичного прагматизма Пирса — научного, метафизического, логицистского. Они чем-то напоминают экс-коммунистов, сделавшихся апостолами экономического либерализма.

Брайан Батлер

(Университет Северной Каролины, США)

1. Прагматизм возник и продолжает существовать как плюралистическая традиция. Было бы ошибкой рассматривать его через узкую призму какого-то ограниченного набора необходимых и достаточных элементов. «Идентичность» прагматизма задается множеством составляющих; их сочетание и развитие определяет преемственность философской традиции. В числе этих базовых составляющих я бы выделил экспериментализм, который имеет ключевое значение для прагматизма и является вызовом другим философским течениям и доктринам. В современном прагматизме на экспериментализм часто не обращают внимание. Последнее не удивительно, учитывая предрасположенность академической философии в целом к абстрактному теоретизированию (*armchair reasoning*) и ее ностальгию по метафизической достоверности. Во многом западная философия XX–XXI вв., как аналитическая, так и континентальная, пропитана духом этой философской традиции, ее спекулятивным характером, трансцендентализмом и т. д. Поэтому совершенно логично, что именно Ричард Рорти, отвергающий сциентизм и акцентирующий поэтические аспекты философского творчества, оказался центральной фигурой современного, возрожденного, прагматизма.

С другой стороны, пренебрежение экспериментализмом выглядит странным, учитывая научные корни прагматизма. Ч.С. Пирс и У. Джеймс были передовыми учеными своего времени и хорошо понимали, что такое эксперимент. Дж. Дьюи ученым не был, однако предметный анализ экспериментальной научной практики занимает важное место в его работах. Все трое признавали возможным применение научно-экспериментального метода к исследованиям в таких традиционно считавшихся не- или сверх-научными областях, как религия, этика и метафизика.

Джон Шук предложил картину прагматизма, которая отражает как изменения, так и преемственность в развитии традиции, — как внутри академической философии, так и за ее рамками. Причем успех прагматизма наиболее явен «по ту сторону» философии. Это заставляет задуматься о контрпродуктивности узкодисциплинарного взгляда на философию, неизменно обращенного вспять, ищущего «эталонные образцы» и «каноны» в мыслительных практиках прошлого и отворачивающегося от всего, что не укладывается в старые схемы. Даже классики прагматизма ныне подгоняются под шаблон аналитической философии (больше всего достается Пирсу). Вымывается эксперименталистская составляющая прагматизма, игнорируется контекст, не принимается в расчет изменчивость философской проблематики. И мы получаем искаженное, однобокое представление о традиции.

Например, в области философии права, которую я считаю исключительно важной, юридическому прагматизму приходится иметь дело с теоретическими конструктами и вопросами, навязываемыми ему «традиционной» философией. Адекватное — эксперименталистское — применение инструментария прагматизма оказывается в этом случае невозможным. От философа-прагматиста, как профессионала в своем деле, ждут помощи в разработке *теории* (или *философии*) права. Однако по логике прагматизма такой теории быть не может: права и законы, так же как «истины» философии, не задаются или предписываются — они «случаются» (согласно Джеймсу, истина «есть то, что случается, происходит с идеей»). Закон не дается, а создается, даже если законодательная система *как институт*, вне всяких сомнений, может и очевидно должна быть объектом эмпирического исследования.

Конструктивный прагматистский подход к юридико-правовым вопросам имеет важные следствия не только для понимания права, но и для применения юридических норм. В своих работах я пытаюсь показать это.

Итак, все основания говорить о преемственности и восходящем развитии американского прагматизма имеются, только нужно правильно смотреть, чтобы видеть это. Как уже было сказано, наибольшие результаты были достигнуты прагматиз-

мом за рамками академической философии в сферах, которые представителями аналитической и континентальной традиций рассматриваются в лучшем случае как околофилософские. Но достижения прагматизма не становятся от этого менее значимыми.

2. Важным моментом трактовки прагматизма как плюралистической традиции, определяемой множеством составляющих, является отсутствие универсального основания, позволяющего выделить какое-то одно магистральное направление развития. Даже экспериментализм не следует трактовать как такое основание. Ни опыт, ни социальную практику, ни язык нельзя назвать ключевыми для современного прагматизма, все они чрезвычайно важны, но в разных исследованиях они могут играть разные роли. Так, например, в философии права акцент на языке является настолько сильным, что затмевает социальную практику и опыт, — и *как раз поэтому* опыт и социальная практика нуждаются в более пристальном рассмотрении и учете.

Как бы то ни было, прагматизм многогранен и несводим к одной, двум или трем интенциям. Возьмем Дьюи. Ключевое понятие его философии — «демократия». Для него демократия была и мотивом, и целью исследования. И это совершенно естественно, если учитывать и конструктивный, и реконструктивный аспекты прагматизма. Важно не забывать, что понятия «опыт», «язык» и «социальная практика» сами по себе философски нагружены. Прагматисты не должны принимать ни одно из них как нечто само собой разумеющееся.

3. И аналитическая, и континентальная традиции могут многое предложить. Теоретические инструменты, используемые ими, по-своему ценны и не исключают друг друга. Но обе они — прежде всего академические традиции. В этом нет ничего плохого, даже наоборот, только американскому прагматизму всегда было тесно в стенах академии. Мне кажется далеко не случайным, что книга Джеймса «Прагматизм» написана не академически-философским, а разговорным языком и что ее автор так много внимания уделяет примерам из жизни (вспом-

ним хотя бы дискуссию о белке на дереве). Иногда складывается впечатление, что современные профессиональные философы, как аналитические, так и континентальные, чрезмерно привязаны к текстам и слишком заботятся о чистоте дисциплины. Еще раз подчеркну: это нормально. Проблема лишь в том, что культивируемый аналитиками и их оппонентами из континентальной Европы философский подход препятствует обсуждению широкого круга экзистенциальных проблем, которые были и, несомненно, остаются в центре внимания прагматистов.

Конечно, и философы-прагматисты нередко попадают в эту ловушку. Но даже в своих наиболее рортианских, текстуалистских версиях прагматизм отличается от кабинетного мудрствования по крайней мере тональностью. Если не в практике, то в подходе (*attitude*) он преодолевает школьные рамки и устремляет свой взор на происходящее в мире. Помогает ли это «улаживать» философские споры? Когда как. Открывает ли новые горизонты, новые цели и «мета»-правила? Безусловно.

С философскими (метафизическими) дискуссиями я время от времени сталкиваюсь в области естественного права. Как мне кажется, прагматизм располагает инструментарием, позволяющим «приземлить» метафизический спор, перевести его в более конкретную плоскость дебатов о том, как существующие законы и юридико-правовые нормы влияют на практики в эмпирическом мире. Прагматистский анализ бывает полезен и в выявлении как положительных, так и отрицательных следствий применения метафизических принципов в области права. Мне кажется это важным, поскольку в юридической сфере идеи нередко оказываются шорами, мешающими трезво смотреть на вещи. Люди часто не обращают внимания на последствия действий, совершаемых в соответствии с правилами, которые они привыкли считать справедливыми и разумными.

Как прагматист, я должен признаться, что с легкой душой и без малейшего сожаления переложил бы все нерешенные метафизические проблемы на других философов или другие философские школы. Для меня неоспоримым достоинством прагматизма является то, что *физическую* реальность (со всем, что может быть в ней исследовано человеческим разумом) он предпочитает *метафизической*. И я с удовлетворением кон-

статирую, что прагматизм (каким я его знаю и практикую) отнюдь не считает «глубокие метафизические проблемы» настолько серьезными и насущными, чтобы тратить на них драгоценное время и силы.

Ричард Бернстайн

(Новая школа социальных исследований,
США)

1. Важно понимать, что американский прагматизм как движение мысли никогда не отличался концептуальным единством, его ведущие представители — Ч. Пирс, У. Джеймс, Дж. Дьюи — часто спорили между собой. Их исходные установки и интеллектуальные интересы существенно различались. Молодой Пирс штудировал Канта; Джеймс находился под сильным влиянием британского эмпиризма; Дьюи начинал как гегельянец. Это многообразие интересов, исследовательских перспектив и источников, откуда классики черпали вдохновение, в последующем чрезвычайно обогатило традицию прагматизма. Но при всех расхождениях в сочинениях американских философов-прагматистов присутствует ряд общих тем. Хилари Патнэм выделяет четыре рубрики: «(1) *антискептицизм*: с точки зрения прагматистов, сомнения нуждаются в обосновании (*justification*) ничуть не меньше, чем убеждения (вспомним Пирсово различие “настоящего” и “придуманного” сомнений); (2) *фаллибилизм*: прагматисты считают, что метафизическими гарантиями того, что наши убеждения не придется пересматривать, мы никогда не располагаем (следовательно, можно быть *одно-временно* и антискептиком, и фаллибилистом; осознание этого — главная интуиция американского прагматизма); (3) отрицание эпистемологической дихотомии фактов и ценностей; (4) тезис о том, что практика, в определенном смысле, играет решающую роль в философском исследовании»¹. Какие сюжеты и темы ни стали бы далее разрабатывать прагматисты, они, вне всяких сомнений, будут пересекаться с патнэмовскими рубриками. Да, конфликты и разногласия, порой достаточно

---

¹ Putnam H. Words and Life. Cambridge: Harvard University Press, 1994. P. 152.

острые, присутствуют в современном прагматизме, но так было всегда. Я бы воспользовался метафорой Рорти и назвал это живым разговором, в котором участвует множество голосов.

2. По второму вопросу современные прагматисты далеки от консенсуса. Например, Р. Рорти и его ученик Р. Брэндом считают, что введение в лексикон прагматизма размытого термина «опыт» принесло больше вреда, чем пользы. Они уповают на лингвистический поворот в прагматизме. Брэндом также акцентирует роль «социальных практик» (для него это ключевое понятие). Я не стал бы, однако, проводить слишком жестких демаркаций внутри прагматизма по линиям, разделяющим «опыт», «социальную практику» и «язык». С прагматической точки зрения самым правильным было бы попытаться, ни от чего не отказываясь, объединить эти концепты. Что, собственно, и стараются делать новые прагматисты, если я верно сужу по их публикациям.

3. Я не согласен с Джеймсом, что прагматизм — это прежде всего метод улаживания метафизических споров. Конечно, все зависит от того, что мы понимаем под метафизикой. Если имеется в виду метафизика трансцендентного, то прагматизм ее отвергает. Однако есть и другое, более нейтральное и широкое понимание метафизики, подразумеваемое всегда, когда нас интересует, как та или иная теория описывает реальность — объекты, их отношения и процессы, из которых состоит мир. Любая развитая философская теория должна иметь метафизические импликации, а значит, может считаться метафизической во втором из указанных смыслов. Но все это не относится ко второй части вопроса, которая требует уточнения. Думаю, нам следует говорить не о каком-то одном глобальном противостоянии или конфликте традиций (континентальные и аналитические философы могут спорить между собой по многим частным вопросам), а о разных, *очень* разных стилях мышления. Впрочем, по-настоящему интересным представляется мне не само это различие, а то, как оно преодолевается, с одной стороны, континентальными философами вроде Ю. Хабермаса, обратившегося к наследию американского прагматизма, а так-

же лингвистической философии, чтобы развить и усилить свою теорию коммуникативного действия и рациональности, а с другой стороны, аналитическими философами вроде Р. Брэндома и Дж. Макдауэла, не менее плодотворно воспользовавшихся ресурсами немецкого идеализма и герменевтики. Надо понимать, что так называемый «континентально-аналитический раскол» в философии — изобретение XX в. Он имел скорее идеологическое, нежели философское значение. Я всегда говорил и продолжаю утверждать, что существуют только два вида философии: хорошая и плохая. По обе стороны Атлантического океана хватает примеров того и другого. Прагматизм целиком сфокусирован на проблемах, которые выходят за рамки этих искусственных разделений и вызванных ими споров. В этом одно из его действительных преимуществ.

Раймонд Бойсверт

(Колледж Сиены, США)

1. Американский прагматизм всегда был многоликим. Пирс, Джеймс и Дьюи не копировали друг друга. Но их объединяло твердое убеждение в том, что картезианская диспозиция, в особенности ее ключевые диады (сознание/тело, человеческое/природное), имеет мало общего с действительной ситуацией, в которой находится человек. Они также разделяли понимание того, что эволюционная теория Дарвина напрочь разрушила старое представление о человеке как созерцателе мира вещей и их отношений, которым он противостоит как познающий субъект познаваемым объектам. С точки зрения прагматизма люди не столько исследуют или описывают реальность, сколько взаимодействуют с ней, и происходит это *на практике*, в жизненном опыте. Не следует поэтому удивляться дивергентности современного прагматизма.

Чему учит история нашей традиции? Конечно, в первую очередь тому, как трудно, если не невозможно, контролировать собственное наследие. Ученики следуют за учителем, адепты за миссионером, но каждый своей дорогой. Во-вторых, особенно в свете последних тенденций в развитии гуманитарных наук, в частности прагматического поворота в социологии и истории, мы убеждаемся в том, что прагматистский акцент на *практическом* все еще актуален. В-третьих, если говорить о так называемых неопрагматистах, мы видим, что влияние эпистемологически ориентированной философии, влияние, которое прагматизм стремился ослабить, все еще сильно и распространяется даже на тех, кто заявляет о своей принадлежности к прагматистской традиции.

2. «Поздний» прагматизм — термин-ярлык, который предполагает, что существует единое течение в философии, называемое прагматизмом. Да, сегодня много пишут и спорят о Рор-

ти, с его именем связывают прагматизм ХХI в. Эпистемологически ориентированную философию представляют Брэндом и Патнэм. Но есть еще и Бруно Латур во Франции, и Ричард Шустерман с его «сомаэстетикой», и много других прагматистов, о которых я, возможно, даже не знаю. Поэтому вопрос о «позднем» прагматизме требует уточнения: о каких философах или группе философов идет речь? Латур делает акцент на социальных практиках, тогда как Рорти и Брэндом — на языке. Не знаю, как охарактеризовать Хилари Патнэма. Четкие определения и демаркации, конечно, важны, но гораздо важнее само присутствие прагматизма в интеллектуальном пространстве и растущий интерес к нему за пределами собственно философии. Достаточно назвать книгу Джойс Аплби, Линн Хант и Маргарет Якоб «Правдиво об истории»¹, весьма показательную в этом отношении.

3. Философы-прагматисты отказываются от целого ряда базовых допущений и предположений философии модерна (1500–1900) — в особенности ее дуалистического наследия. Одной из характерных черт этой (модерной) традиции является практически тотальная колонизация философского поля эпистемологией, превращение философии в своего рода «эпистемологический конвейер» (*epistemological industry*), по выражению Дьюи. Классики прагматизма во многих отношениях были еще укоренены в традиции, о чем свидетельствует, например, то исключительное значение, которое они придавали «методу». Однако поиски метода, не зависящего от предметного содержания (*subject-matters*) исследования, не могли привести к успеху. Метод в философии и предмет неразделимы.

В свете сказанного на третий вопрос интервью я бы ответил так: не существует какого-то специфического универсального метода, который позволил бы примирить аналитическую и континентальную философию. У прагматизма много общего с философией обыденного языка и мышлением, вдохновленным феноменологией. Это, прежде всего, подчеркнутое внимание

---

¹ *Appleby J., Hunt L., Jacob M. Telling the Truth about History. N.Y.: W.W. Norton & Company, 1994.*

к конкретному, признание того, что философия не должна заниматься только абстракциями и искусственными вещами вроде «идеального языка». Когда исследование в рамках аналитической или континентальной парадигмы начинается с *праксиса*, с погружения в конкретную ситуацию человеческого существования, точек схождения оказывается множество. Когда же человека рассматривают лишь как эпистемологического субъекта (искушение, которому подвержена большая часть философов-аналитиков), согласие едва ли возможно.

Корнелис де Вааль

(Университет Пердью, США)

1. Не думаю, что когда-либо существовало нечто похожее на «оригинальную версию» прагматизма. Джеймса часто критикуют за неверное толкование философии Пирса. Это справедливо, только если рассматривать автора «Прагматизма» как лжетолкователя *Пирса*, а не *прагматизма* как такового. Изначально оба философа расходились во взглядах, и достаточно сильно. Представление о некоем аутентичном, первозданном, так сказать, прагматизме, отвергнутом или извращенном теми, кто ложно интерпретировал идеи классиков, есть историко-философский миф, против которого я решительно возражаю.

Прагматизм возник как результат брожения умов узкой группы исследователей, собравшейся в начале 1870-х гг. в Кембридже (Массачусетс). Он оказался живой и чрезвычайно живучей доктриной, чему способствовали разногласия между Пирсом, Джеймсом, Грином и другими его адептами. С тех пор прагматизм распространялся стремительно, как бацилла, заражая восприимчивых к ней людей. Так было, например, с Ф.К.С. Шиллером, который к моменту знакомства с прагматизмом Джеймса уже опубликовал свою первую книгу «Загадки Сфинкса». Замечу попутно, что сравнение философских идей с болезнями очень точное. Иногда «заражение» меняет жизнь человека, иногда же симптомы неощутимы или вовсе отсутствуют, и вы можете даже не знать, что болеете. К тому же мутации, которые производятся вирусами-идеями, совершенно непредсказуемы и контролировать их практически невозможно. В случае же с прагматизмом дело усугубляется тем, что это не какой-то один легко обнаруживаемый и диагностируемый недуг, а целый ансамбль по-разному проявляемых и не обязательно связанных между собой синдромов.

Если подходить прагматически к истории этого смешанного явления, называемого прагматизмом, то прежде всего надо

задуматься о практических следствиях определенных идей, как актуальных, реализованных, так и потенциальных, не реализованных. Не забывая притом, что идеи могут порождать и действия и другие идеи. Одним словом, требуется изучить патогенез прагматизма и выяснить, настолько ли сильно мутировала традиция за обозримый период времени, чтобы известные взгляды, теории и доктрины, ныне ассоциируемые с прагматизмом, считались его полноценными и законными версиями.

Можно ли называть прагматистами Рамсея, Витгенштейна, Дэвидсона, или это слишком сильно расширяет понятие, лишая его смысла? Каковы основные симптомы, позволяющие выявить («диагностировать») прагматиста? Возьмем Хилари Патнэма. Влияние на него Джеймса и Дьюи очевидно, однако не менее очевидно влияние, оказанное на Патнэма мыслителями, придерживавшимися иных, порой враждебных прагматизму взглядов. Почему мы должны считать Патнэма прагматистом, а его философию прагматистской?

Шиллер однажды заметил, не без иронии, что количество прагматизмов более-менее совпадает с количеством прагматистов. Даже если это и так, мы вправе предполагать, что между разными прагматизмами существует нечто общее, напоминающее неуловимые сходства, по которым узнают близких родственников. Такие семейные сходства, утверждал Витгенштейн, слагаются из множества черт, среди которых, однако, нет ни одной, присущей всем без исключения членам семейства. Идея семейного сходства помогает Витгенштейну объяснить, что такое игра. Это слово применяется к широкому спектру занятий, и очертить границы его невозможно, так же как невозможно выделить какие-то существенные характеристики, определяющие значение игры и позволяющие отличить ее от того, что ею не является. Однако это не мешает нам пользоваться словом «игра» и понимать его. С прагматизмом примерно так же. Что делает философа-прагматиста прагматистом? Алгоритм ответа на этот вопрос совершенно аналогичен алгоритму ответа на вопросы типа: что делает Смита Смитом? или Джонса Джонсом? или игру игрой? Наша задача — выделить черты семейного сходства для философского прагматизма. Эти черты, разумеется, не будут присущи всем прагматистам; ка-

кие-то окажутся более распространенными, какие-то менее; кроме того, черты сходства могут отличаться по степени значимости (одинаковое телосложение или форма черепа определенно важнее одинаковой формы мочки уха). Но взятые вместе, они станут достаточным основанием для отнесения того или иного воззрения к прагматистской традиции.

Полный перечень общих характеристик, конечно, превышает формат данного интервью, поэтому я ограничусь самыми основными. Некоторые прагматисты разделяют убеждение в том, что все философские утверждения берут начало и укоренены в практике. Кто-то придерживается максимы прагматизма, соглашаясь с тем или иным ее толкованием (часто необоснованно вольным) или с определенными вытекающими из ее применения следствиями, например, с прагматистской теорией истины или с выводами прагматической этики. Кто-то развивает идеи классиков прагматизма, вдохновляясь антикартезианскими интуициями Пирса, радикальным эмпиризмом Джеймса или проектом реконструкции философии Дьюи. Кто-то проповедует мелиоризм, а кто-то — плюрализм или фаллибилизм. Одни позиционируют себя неоклассиками, другие просто декларируют свою принадлежность к якобы существующему сообществу («мы, прагматисты» Ричарда Рорти). Ни одна из перечисленных черт семейного сходства не является обязательной; даже *отсутствие* их ни о чем не говорит (вы можете *отрицать*, что являетесь прагматистом, не переставая быть им). Труднее всего определить тот минимум общих признаков и условий, которые будут достаточны для идентификации прагматизма.

На этих маршрутах историка философии подстерегает масса ловушек и подводных камней. Стоит ли, например, учитывать мнение человека, утверждающего, что он прагматист, однако пренебрегающего известным «канонам» (искажающего или «переписывающего» классиков)? Как в этом случае — если определять прагматизм как живую и развивающуюся, но все же *традицию* мысли — отделить «творческую» интерпретацию, имеющую право на существование, от интерпретации ложной и неприемлемой? История прагматизма — это не эстафета, в которой один и тот же снаряд, эстафетная палочка,

передается от одного спортсмена другому. Наверное, было бы странно рассчитывать, что участие прагматистов в дебатах по гендерному вопросу, активизировавшееся в 1990-е гг., окажет трансформирующее воздействие на феминизм, но никак не отразится на самом прагматизме (подобно тому, как использование плотником молотка и стамески должно отражаться на обрабатываемом материале, но не на самих инструментах). Вообще говоря, то, что делало философа прагматистом вчера, должно существенно отличаться (и отличается) от того, что делает философа прагматистом сегодня и будет делать его таковым завтра. Конечно, чтобы защищать традицию, нужно быть консерватором, но лишь до известной степени: жизнь не стоит на месте, вслед за изменением интеллектуального климата меняются способы идентификации и классификации традиций. Американский прагматизм не исключение. Факторы, определяющие его историческую преемственность, множественны и переменчивы, что необходимо, как я уже говорил, учитывать.

Василий Ванчугов

(Московский государственный университет,
Россия)

1. «Классический прагматизм» сам разнолик и разнообразен в своих проявлениях, его представители «существенно отличны» друг от друга, а со временем прагматизм становится еще более разнородным, не поддающимся рубрикации. Мы имеем дело со множеством философских «проектов», авторы которых причисляют себя к прагматистам, используя историческое наследие по своему усмотрению, выбирая из него под свои текущие дела отдельные положения.

Чуть подробнее хотел бы я поговорить на тему «Чему учит история прагматизма?». Давайте локализуем, так сказать, проблему: посмотрим, что случилось с ним, на примере России, начиная с момента первичной рецепции. Как мною выяснилось в ходе давнего исследования, золотой век американской философии предстал перед российскими мыслителями именно в формате прагматизма, причем в большей степени в изложении Джеймса. Знакомство с основными произведениями прагматической ориентации произошло в России одновременно с Европой. И наряду с своевременностью реакции, одновременно с Европой в постижении прагматизма, можно отметить также несомненную быстроту распространения его идей в интеллектуальном сообществе России. При этом успех был не в смысле множества последователей, а в обилии его оппонентов. Занимающихся философией привлекала тогда сама программа прагматизма, точнее, декларация о намерениях — то, что не отбрасывая прошлое мысли, Джеймс не только призывал «обратиться к самому себе», но и обещал при этом практическую пользу индивиду и обществу. Именно этот аспект вызвал мгновенный интерес к новому направлению мысли.

Распространение прагматизма в России облегчалось еще и тем, что он был представлен здесь преимущественно лишь

работами Джеймса. Если бы прагматизм пришел в многообразии имен, во всей полноте, во всех своих видоизменениях (гуманизм, прагматизм, инструментализм), то его шествие было бы не столь легким. Появись в России первыми Пирс или Дьюи, судьба прагматизма была бы тяжелой. В создавшихся же условиях российский читатель имел возможность сосредоточиться лишь на одном варианте прагматизма. Точкой отсчета для него стал Джеймс, и на периферии сознания китаец Ху Ши, англичанин Шиллер, итальянец Папини и прочие неофиты.

Изучив различные свидетельства, мы находим следы влияния Джеймса на философскую общественность, но не последователей. Из этого не следует, что (а) прагматизм оказался слишком простым и скоропреходящим учением, или что (б) он сложный, и отечественные философы — посредственные, не соответствующие высокой ментальной планке, интеллектуальному уровню учителя ученики. Джеймс в итоге не предстал у нас пророком, потому что наши мыслители оказались готовыми к его предложениям. Его многие читали, часто цитировали, тем самым озвучивая его словами собственные убеждения. Извините за игру слов, но все же скажу так: Джеймс был созвучен нашим философам, но не воспринимался ими как учитель, наставник.

При изобилии читателей не было изобилия заявленных прагматистов, в то время как были феноменологи, неокантианцы, гегельянцы, гуссерлианцы. В момент наибольшего погружения в золотой век американской философии со стороны русского философского сообщества осталось едва заметным осторожное примыкание к Джеймсу профессора В.М. Хвостова (на основе принятия плюралистического мировоззрения), да разрабатывалась по ходу дела дилетантом в философии, в контексте «Овладевания временем», «философия действия» В. Муравьева, в которой заметны поздние отголоски давно высказанных идей Дьюи.

В дореволюционный период из золотого века американской философии русская мысль узнала лишь Джеймса, а остальные были замечены, отмечены в сносках и примечаниях, иным повеило отдельной статьей, но не более того. Изучение их не соответствовало духу того времени. А вот позже, в период

СССР, как это ни странно, представление фигур золотого века американской философии оказалось не только более равномерным (устранено доминирование Джеймса как в дореволюционный, так и в постреволюционный периоды), но и более полным. Однако целью усилий советских историографов, библиографов, переводчиков, редакторов и прочих было не понимание, а показ реакционного характера буржуазной мысли. Произошло существенное увеличение информации относительно золотого века, но не улучшение понимания. Если в начале XX в. информации не хватало и высказывающиеся о прагматизме кое-что додумывали, то в советское время при относительном достатке информации многое выдумывали в угоду принятой на вооружение идеологии. Разница последствий огромная: в первом случае философия если и не оплодотворилась, то укрепилась за счет достойно организованной полемики; во втором же случае произошло ее оскудение, деградация философского сообщества, скрываемая количеством кандидатов и докторов, аспирантов и профессоров.

Что касается нашего времени, то мы имеем специалистов по прагматизму, но не прагматистов. У нас изучают тот или иной формат прагматизма, но в реальной философской практике не в состоянии его применить. Говоря другими словами, знают, как летать, но сами не летают.

2. Отвечая на второй вопрос, также сразу хочу оговориться, что как классический, так и современный прагматизм разнообразен и несводим к приемлемой для всех конструкции. Тем не менее, удерживая на первом плане старый «завет» о связи между мыслью и действием, современный прагматизм оказывается удобным инструментом для ряда прикладных направлений, таких как государственное управление, международные отношения, конфликтология, теория и практика политических процессов. Прагматизм стал не только инструментом для междисциплинарных исследований, но и сам вобрал в себя множество новых тем и проблем. При этом на первом месте, как мне видится, ставится проблема языка общения с представителями другим исследовательских практик. Не без влияния аналитической философии современный прагматизм уделяет повы-

шенное внимание языку. Но и опыт и социальная практика для него не вторичны, а включены в рассуждения о языке, присутствуют в самом языке исследователя и «практикующих прагматизм» мыслителей.

3. Удалось ли Джеймсу убедить наших мыслителей в том, что его философия и есть тот искомый ими «срединный, примиряющий путь»? Оказавшись между нео-западниками (неокантианцы разных оттенков) и нео-славянофилами («идеалисты» с вариациями от «конкретного идеализма» до софиологии), прагматизм подвергся критике с той и другой стороны. Отвергнутый первыми, частично принятый вторыми, он мог быть взят последними в философские «спутники», в попутчики, но не путеводители. Его установка сознания на улаживание споров показалась привлекательной, но она не была оригинальной, новой. Кто только в истории философии не пытался воспарить над спорящими и примирить их, владея «новым методом». Джеймс оказался очередным из благонамеренных. Да, он показался при этом все же достойным, привлекательным, однако число спорящих не уменьшилось.

Если оставить отечественные реалии и посмотреть на другие регионы, то мы заметим все ту же установку «все привлечь и всех примирить». Вот, к примеру, онлайн-журнал Центрально-Европейского форума прагматизма (CEPF) «Прагматизм сегодня», присоединившийся к различным тематически родственным ресурсам, таким как «Современный прагматизм» и «Европейский журнал прагматизма и американской философии», уповает на то, что их сеть, совокупность цифровых площадок позволят создать условия для общения и сотрудничества, внося вклад в решение имеющихся проблем. Это традиционные благие пожелания на новый лад. Внесут ли они ценный вклад в общее дело? Сомневаюсь. Поскольку вместо декларируемого многими диалога имеется противостояние различных философских традиций. Противостояние оказывается более удобным состоянием духа, чем диалог. Опять же оговорюсь, что привычная для многих демаркация — англо-американская аналитическая и континентальная философия — удобна для расположения материала при написании учебников, но при

детализации, конкретизации она оказывается в наше время фикцией, поскольку чаще всего мы имеем множество ментальных симбиозов. Нынче споры ведутся лишь для приличия, диалоги — по академическому принуждению и образовательной необходимости, а в повседневной практике каждый философ гнет свою линию, вбирая в свою программу элементы из имеющегося материала.

Из интересных явлений можно отметить, например, работу Майка Сэндбота (Mike Sandbothe), апологета новой отрасли философии СМИ — медиафилософии. Он является одним из активных пропагандистов прагматизма в Европе, опубликовав, в частности, книгу «Прагматический поворот», после чего последовала «Прагматическая медиафилософия. Обоснование новой дисциплины в эпоху Интернета» (на немецком и английском). Его медиафилософия позиционируется как искусство консультирования исследователей в целом и медиапрактиков в частности как соответствующая современности научно-теоретическая дисциплина, которая будет внедрена в жизнь, а также упование на то, что философы должны принимать активное участие в работе сложившегося медиамира...

Вот вам пример современного прагматиста, которого трудно отнести к той или иной сфере привычного противостояния аналитической и континентальной философии. Вряд ли кто сегодня не позволит кому-либо претендовать на роль судьи, примирителя спорящих о философии субъектов. Прагматисты всего лишь одни из участников философского процесса, с долгой историей и традицией, но не в состоянии формировать повестку дня. Однако они — временами и местами — более других соответствуют современному тренду на практикоориентированность и междисциплинарность.

Андрей Веретенников

(Российский государственный гуманитарный университет, Россия)

1. Ответ на вопрос о непрерывности прагматической традиции зависит от того, насколько широко историк философии готов очертить границы прагматизма. Вне всякого сомнения, если проводить последовательную линию преемственности от Пирса, Джеймса и Дьюи через Куайна и Селларса к Патнэму и Рорти, то ответ должен быть положительным. Да, прагматическая традиция непрерывно развивалась в своих разнообразных формах, в частности, через контакт с аналитической философией. Однако, отвечая таким образом, историк философии жертвует слишком многим, в частности, он переходит границу исторического, вступая в сферу конструирования образа предшественников, что типично для представителей собственно философских школ, но никоим образом не должно быть руководящим мотивом для истории философии.

Такого рода конструирование обычно производится посредством выбора нескольких черт или принципов, общих для группы вымышленных предшественников, и проведения единой линии преемственности. Например, легко видеть единую линию философской преемственности от Аристотеля через Августина, св. Фому и Дунса Скота к философам Нового времени и далее до Фреге и Рассела. Все эти философы оперировали с некоторыми базовыми принципами анализа в рамках своих областей, стремились к точности и ясности, некоторые из них являли своим творчеством поворотные этапы в истории логики и не были чужды формальному анализу. Следовательно, аналитическая философия в духе Куайна и Дэвидсона существовала, по сути дела, всегда на протяжении истории западной мысли. То же самое можно сказать о прагматизме, если принимать анализ «следствий из поня-

тий» и «антифундаментализм» в качестве отправных точек. Мне кажется, что с исторической точки зрения это явная нелепость. Ни Селларс, ни Куайн (представители выдуманного среднего этапа, или «потерянного звена», в истории прагматизма), ни даже Хилари Патнэм до очень поздних этапов своей карьеры не называли себя прагматистами, а значит, приписывание им прагматизма или внесение их взглядов в общую прагматическую линию преемственности будет неверным. Да, Куайн неоднократно ссыался на «красоту» или «прагматические следствия» в качестве критериев выбора теории, но этого явно недостаточно для причисления его к прагматистам. То же самое касается и экспроприации Селларса, проведенной Брэндомом и Рорти.

Поэтому мне кажется, что наиболее точным ответом на вопрос о преемственности будет такой: несомненную преемственность можно увидеть только у представителей золотого века — Пирса, Джеймса и Дьюи. После смерти последнего наблюдается явный разрыв или забвение прагматизма как философского мировоззрения и как технической философии вплоть до его переоткрытия Рорти, Патнэмом и Брэндомом. Не зря новейший прагматизм называют иногда нео-прагматизмом или «аналитическим» прагматизмом. Уроком истории в этом смысле будет то, что традиции или философские мировоззрения не умирают окончательно и могут быть за просто переоткрыты на каком-то этапе истории, а такое переоткрытие может быть мотивировано чем угодно: поиском «корней» национальной философии, общечеловеческого мировоззрения или ответов на парадоксы зашедшего в тупик анализа. Еще Уильям Джеймс как-то в переписке с Пирсом остроумно заметил, что «лучшим отношением к плохой книге является молчание». Мы, со своей стороны, видим, что «книга» классического прагматизма в этом смысле была не так уж и плоха.

2. Мне кажется, что все три слова очень удачно описывают общее прагматистское мировоззрение. И опыт, и язык, и социальная практика являются (на всем протяжении не-непрерывной истории прагматизма) по очереди выходящими на

передний план «последними основаниями». Однако если было бы возможным выделить нечто общее в новейшем прагматизме, то я бы обратился к другому понятию. Не уверен, что могу подобрать правильное слово, но имею в виду нечто, что опосредует или не опосредует вывод, — то, что относится одновременно к антифундаментализму и антирепрезентационизму Рорти и к инференциализму Брэндома. Это нечто одновременно либо формирует социальную и языковую практику, либо само вырабатывается ею, наподобие правила у Витгенштейна и Крипке, делающего и то и другое. Оно же имеет отношение к человеку и его существованию в мире, затрагивая новейшие проблемы этики животных, микросообществ и определения границ собственно «человеческого». Проблема наличия или отсутствия этого «среднего звена», а следовательно, непосредственности или опосредования знания, практики или языка была бы центральным мотивом в схематической характеристике всей широкой пестроты неопрагматистских взглядов.

3. В связи с третьим вопросом интерес представляет история исследования и интерпретации прагматизма в Советском Союзе, а затем в России. Каждый исследователь подходил к наследию и даже к живой еще философии и мировоззрению прагматизма со своими средствами и оценочными установками. Марксистский критик буржуазной философии, а по сути, один из выдающихся ее исследователей и ценителей Ю. Мельвиль исходил в своей работе о Пирсе из перспективы, которую мы теперь можем легко назвать «континентальной». Однако стилистические, а возможно, и методологические черты его исследования находились под сильным влиянием социально-политических факторов того времени. Он принадлежит к эпохе, когда постепенно происходила реабилитация прагматизма в лице Дж. Дьюи, репутация которого в глазах советских исследователей была изрядно подмочена скандальным слушанием по «делу Троцкого». Вряд ли возможно сегодня представить себе такую характеристику классических прагматистов со стороны серьезного историка философии:

«Если логические работы Пирса делали его несоизмеримой величиной по сравнению с иррационалистом и проповедником алогизма Уильямом Джемсом, то по своей естественнонаучной эрудиции и компетентности он стоял намного выше Джона Дьюи, осведомленность которого в естественных науках и действительно применяемых ими методах едва ли достигала уровня дилетантизма»¹.

Такого рода характеристики уже сложно встретить у более поздних советских историков американской философии, таких как Н. Покровский² или Н. Юлина³, которых также можно записать в «континентальный» лагерь исследователей. Из известных сегодня историков философии к такому лагерю (существует он или нет вообще — это уже отдельный вопрос) можно легко причислить В. Кирющенко⁴ или Т. Дмитриева⁵, анализирующих в своих книгах и статьях прагматизм и его основных представителей вполне из определенной перспективы. Новейшее же направление или поколение исследователей, скорее, принадлежит к аналитическому лагерю. Это и С. Никоненко⁶, и И. Джохадзе⁷, и (не издавший еще своей книги о прагматизме) Е. Логинов⁸. Такая моя классификация вполне может являться предметом дискуссии или опровержения со стороны этих моих коллег, объединенных общим интересом и осознанием значимости своего предмета исследования — философии праг-

¹ Мельвилъ Ю. Чарлз Пирс и прагматизм. М.: Изд-во Московского университета, 1968. С. 10.

² Покровский Н. Ранняя американская философия. М.: Высшая школа, 1989.

³ Юлина Н. Философская мысль в США. XX век. М.: Канон+, 2010.

⁴ Кирющенко В. Чарльз Сандерс Пирс, или Оса в бутылке. Введение в интеллектуальную историю Америки. М.: Территория будущего, 2008.

⁵ Дмитриев Т. Нельсон Гудмен; Уиллард Куайн // Философы двадцатого века. Кн. II / Ред. И. Вдовина, Л. Макеева, Г. Тавризян. М.: Искусство XXI век, 2004. С. 103–122, 158–179.

⁶ Никоненко С. Аналитическая философия. Основные концепции. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2007.

⁷ Джохадзе И. Прагматический реализм Хилари Патнэма. М.: Канон+, 2013; Он же. Аналитический прагматизм Роберта Брэндома. М.: ИФРАН, 2015.

⁸ Логинов Е. Прагматизм и аналитическая философия: основные этапы взаимодействия. Дис. ... канд. филос. наук. М.: МГУ, 2017.

матизма. Таким образом, да, Уильям Джеймс вполне прав: само существование классического и неопрагматизма является точкой, поводом или местом объединения двух далеко разошедшихся в своих методах, стилях и позициях философских традиций.

Джим Гаррисон

(Политехнический университет Виргинии,
США)

1. История прагматизма учит нас тому, что это своего рода *вечная философия*. В узкопрактическом смысле прагматизм является, как и в прежние времена, философией жизни большинства людей, даже если они не считают себя прагматистами. Удовлетворение практических нужд и запросов всегда будет главной заботой живых существ, решающим фактором их поведения — наряду с инстинктом самосохранения. Вечен прагматизм и в более широком философском смысле. Элементы прагматического этоса, о которых пойдет речь ниже, в той или иной мере присущи любой культуре.

Как сказано в третьем вопросе, Джеймс в своем манифесте 1907 г. называл прагматизм «в первую очередь методом улаживания метафизических споров». Однако его книга имела подзаголовок: «Новое название для некоторых старых способов мышления». Вне всяких сомнений, прагматическая установка в узком практическом смысле доминирует на протяжении всей истории человечества. Я нахожу этот практицизм скорее похвальным, хотя и вижу его ограниченность. Прагматизм часто критикуют за грубо инструменталистский подход к познанию, под чем понимают ориентацию на достижение поставленных целей наиболее удобными средствами при полном или частичном пренебрежении ценностями, теориями и идеями. Хотя это не соответствует действительности, прагматистам не стоит преувеличивать значение критики и защищаться настолько усердно, чтобы отрицать важность взаимодействия (transactions) между организмом и средой и необходимость его координации.

Нет ничего более полезного, чем хорошая теория, а еще лучше — хорошая философия. Джеймс полагал, что следы прагматического этоса всегда присутствовали в западной мысли.

Конечно, такие позиции, как антифундаментализм, случайность и плюрализм, никогда не разделялись всеми философами, а некоторые философские школы и направления прямо несовместимы с прагматизмом. Одним из достоинств подлинно плюралистической философии является то, что она остается неизменно открытой к различиям и *иному* не только в мышлении, но и в области чувств и практической жизни. Выражаясь более современным языком, прагматизм — глобалистская философия, совместимая как с западноевропейской, так и с восточной, арабской и даже африканской мыслью. По моему мнению, прагматизм чрезвычайно зависит от контекста. Восточные, ближневосточные, западные и африканские версии его, скорее всего, будут весьма отличаться от прагматизма американского. В свою очередь, южноамериканский прагматизм должен отличаться от североамериканского.

Американский прагматизм начинается с максимы Пирса, предписывающей рассмотрение связи между условиями идеи и следствиями ее применения в качестве наилучшего способа прояснения смысла последней. Несмотря на протесты Пирса, прагматизм в интерпретации его друга Джеймса распространился по всему философскому полю.

Как традиция философской мысли прагматизм напоминает семью, разбросанную по свету, все члены которой, принадлежащие к одному поколению (и даже к разным), определенно похожи друг на друга. Я перечислю ряд характерных черт прагматизма, которые делают его *вечной* философией и обеспечивают преемственность между прошлыми и нынешними его разновидностями, а также возможными будущими инкарнациями.

Как было отмечено выше, прагматизм антифундаментален, плюралистичен и делает акцент на случайности. Все это вместе взятое выливается в утверждение жесткого фаллибилизма даже по отношению к его собственным основным положениям. Большинство прагматистов также подчеркивают социальную природу индивида и важность сообщества и культуры как исторических целостностей. Философия для прагматизма — такой же культурный артефакт, как религия, политическая система, наука и т. д. По этой причине прагматистская установка иде-

ально подходит для диалога, преодолевающего культурные, национальные, политические, расовые, этнические, гендерные, сексуальные и иные различия.

Думаю, абсолютное большинство философов прагматистской ориентации согласились бы с выделенными мною ключевыми характеристиками прагматизма *perennis*, благодаря которым сохраняется преемственность традиции с ранних дней до настоящего времени. Добавлю к этому несколько соображений, отражающих мои собственные философские взгляды (которые, впрочем, наверняка разделяют многие современные прагматисты).

Приверженность прагматизма идее сообщества придает ему социально-конструктивистскую направленность: знания и значения не находятся нами в «готовом к употреблению» виде, а производятся в социальных практиках наших сообществ. Используемые прагматизмом методы делают его генеалогическим и междисциплинарным: попытки блюстителей чистоты дисциплины ограничить философию кампусом философского факультета кажутся нам нелепыми и контрпродуктивными. Прагматизм противопоставляет себя кабинетному философствованию и ценит лабораторию как место контролируемой проверки идей. Он демократичен, однако не считает демократию чем-то универсальным и равным себе; прагматизм признает, что в зависимости от исторического, культурного, национального и прочих контекстов, форма, которую демократия принимает, может варьироваться весьма существенно. Сторонники прагматизма, наконец, культивируют философию в ее классическом понимании как любовь (*philia*) к мудрости (*sophia*). Для них мудрость *выше* знания, хотя и не может существовать без него.

2. Если под поздним прагматизмом имеется в виду прагматизм после так называемого «лингвистического поворота», тогда очевидным ответом будет язык, связанный с социальными практиками. Но если вопрос о «позднем прагматизме» считать все еще открытым для интерпретаций, я бы ответил «опыт». Ведь социальная практика и язык являются эмерджентными фазами опыта. Любимым примером Дьюи была вода (H₂O):

водород легко воспламеним, кислород поддерживает горение, а вода гасит огонь. Язык также обладает эмерджентными свойствами. В этом вопросе я полностью разделяю позицию классиков прагматизма Ч. С. Пирса, У. Джеймса, Дж. Дьюи и Дж. Г. Мида, равно как и современных (поздних?) прагматистов-дьюианцев — Л. Хикмана, Т. М. Александера, М. Джонсона и др. В дальнейшем своем рассуждении я буду опираться на Дьюи.

Все существующее, полагал Дьюи, состоит из событий-транзакций, каждое из которых имеет какие-то следствия. То, что получается в результате столкновения или взаимодействия разумных (*sentient*) существ с этими следствиями, мы называем «опытом». Критерии разумности (*sentieny*) биологических организмов в постдарвиновской науке очень размыты. Одним из удобных и часто используемых нейрофизиологами критериев является обладание спинным мозгом. Согласно ему губки не могут классифицироваться как разумные существа. Однако нас интересует в первую очередь *человеческий* опыт.

Всякий опыт связан с существованием. Невозможно иметь опыт не-существования, хотя легко ошибиться в логическом рассуждении. Дьюи строго разделяет непосредственный опыт существования и любые его опосредования — языковые значения или логические сущности, которые мы конструируем (или реконструируем) из нашего опыта. Язык и логика (т. е. организованный дискурс) представляют собой лишь эмерджентные фазы человеческого опыта. Старое философское различие явления и реальности Дьюи, как и многие другие прагматисты, отвергает. Одно из подтверждений этому мы находим в очерке о «непосредственном эмпиризме»¹ (который является версией джеймсовского «радикального эмпиризма»): реально существующим Дьюи признает все, что явлено в человеческом опыте. Реальны в том числе и иллюзии, например, оптическая иллюзия Цёлнера, которая заставляет людей предполагать, что линии, пересекаемые косыми чертами, расходятся (хотя на самом деле они параллельны). Нет нужды отрицать

---

¹ Dewey J. The Postulate of Immediate Empiricism // Journal of Philosophy, Psychology and Scientific Methods. 1905. Vol. 2. № 15. P. 393–399.

реальность опыта восприятия цёльнеровских линий как расходящихся; важно лишь избегать ложных выводов.

Не менее важно проводить различие между *непосредственным*, прямым контактом с реальностью и когнитивно *опосредованным* опытом. Непосредственный опыт не относится к тому, что Уилфрид Селларс называл «мифом о данном». Этот миф включает в себя понятие непосредственного знания или, по крайней мере, некоторого непосредственного познания (*cognition*), вносящего свой вклад в наше знание. Существование дано непосредственно: в противном случае нам пришлось бы продуцировать знание (и значение) *ex nihilo*. Значение и знание опосредуют непосредственно данный опыт существования.

Рассуждая в терминах «Постулата непосредственного эмпиризма», мы должны разделять два вида непосредственного опыта. Во-первых, мы вправе предполагать наличие опыта непосредственного познания опосредованных продуктов предшествующего исследования. Такое знание кажется непосредственным лишь потому, что обладающий им субъект ничего не знает о предшествующем опосредующем выводе. Этот вид опыта побуждает того, кто не задумывается о нем, к принятию «мифа о данном». Второй вид — непосредственный, некогнитивный, качественный опыт существования, которому обычно сопутствует некоторое смутное чувство. Значительная часть опыта, которым мы непосредственно *обладаем*, никогда не становится предметом нашего непосредственного *знания*.

Дьюи вслед за Джеймсом отвергает «интеллектуализм» с его абсолютизацией когнитивного опыта. С реальной действительностью нас связывает множество отношений; когнитивное отношение лишь одно из них. Задача исследования, равно как и исследования исследования (т. е. логики), заключается в нахождении способов наилучшего согласования этих связей. Отказ от интеллектуализма равноценен отречению от рокового наследия Парменида, уравнившего бытие и мышление, — навязчивой идеи философов, довлевшей над западной мыслью в течение двух с половиной тысячелетий. Непосредственный опыт, существование, значительно шире опосредующего опыт познания с его категориями, значениями, концептами и т. д.

Дьюи, так же как Хайдеггер и поздний Витгенштейн (сходство, отмеченное Рорти), указывал на решающее значение практики в овладении языком. Естественные события всегда находятся в потенциальном или актуальном взаимодействии. Социальные практики, организованные трансакции между индивидами и группами, являются эмерджентным свойством человеческого социального взаимодействия. Язык и логика возникают (*emerge*) из этих практик так, как описано Дьюи, Хайдеггером и Витгенштейном.

Итак, поскольку язык «произведен» от социальных практик, а социальные практики представляют собой один из первичных видов человеческого опыта, опыт является, или должен быть, центральным мотивом позднего прагматизма.

3. Противоречия между аналитической и континентальной традициями в недалеком будущем, скорее всего, исчезнут сами собой. Темы, проблемы и техники аналитической философии слишком ограничены, чтобы позволять ей по-прежнему оставаться доминирующей философской силой, какой она была последние семьдесят пять или около того лет. Я не умаляю ее значения. Приверженность философов-аналитиков ясности и точности аргументации заслуживает уважения, хотя часто в жертву аналитической строгости приносятся содержание и контекст. Мне, проработавшему два года в качестве младшего научного сотрудника по гранту Национального научного фонда вместе с Яакко Хинтикой, легко признать, что аналитические методы математики и логики являются прекрасными инструментами философского арсенала. Однако самих по себе их недостаточно. Не следует забывать, что эти методы представляют собой культурные артефакты, подверженные как самокритике и усовершенствованию, так и внешней критике — со стороны естественных и социальных наук, эстетики, этики и других дисциплин. Разумеется, аналитическая философия может прогрессировать дальше и многое дать интеллектуальной культуре, современной и будущей.

Континентальная мысль имела значительное влияние на ранний прагматизм. Пирс многое почерпнул у Канта. Термин «прагматизм» восходит к кантовскому *pragmatisch* («прагма-

тический»). Экспериментально ориентированный ум американского философа не мог опереться на другое кантовское понятие — *praktisch* («практический»). Пирс надеялся, что слово «прагматический» поможет отделить его новую философию от простого «практикализма» или «практицизма». Прагматизм изначально был «континентальным». Вместе с тем, учитывая профессиональные интересы Пирса и его достижения в области логики, можно сказать, что прагматизм также с самого начала имел аналитический характер (несмотря на то, что анализ был помещен в гораздо более широкий философский контекст, чем в традиционной аналитической философии). Джеймс находился под сильным влиянием современных или почти современных ему «континентальных» мыслителей, таких как Густав Фехнер, Анри Бергсон, Герман фон Гельмгольц, Вильгельм Вундт, Эрнст Мах, Карл Штумпф и многих других. Мы часто забываем о том, что в начале XX в., до Первой мировой войны, философия Джеймса была чрезвычайно популярна в Европе. В свою очередь, Дьюи легко интерпретировать как натурализованного гегельянца. Дж.Г. Мид учился у Джеймса, а затем у Вундта. Таким образом, классический прагматизм вполне можно считать разновидностью континентальной философии.

После Первой мировой войны философию Джеймса в Европе полностью затмили работы Эдмунда Гуссерля (хотя Джеймс оказал значительное влияние на последнего), а позднее и Мартина Хайдеггера. По этой причине мало внимания уделялось тому общему, что роднило «континентальную» философию с прагматизмом. Критически важную роль в профессионализации североамериканской философии в 1930-е гг. сыграли бежавшие из гитлеровской Европы философы: Г. Рейхенбах, Р. Карнап, К. Гемпель, А. Тарский. (Ни Пирс, ни Джеймс не были профессиональными философами; Дьюи одним из первых получил докторскую степень по философии в американском университете.) В 1940–1950-е гг. число философских факультетов в США стало быстро расти; за редким исключением, все они имели модную в то время аналитическую направленность.

Заняв это место, аналитическая философия, поддерживаемая мощью элитных факультетов, полностью доминировала

в США — вплоть до публикации «Философии и зеркала природы» в 1979 г. Многие идеи, высказанные Рорти в этой книге, в том числе его размышления о генезисе языка (подкрепленные ссылками на Витгенштейна, Хайдеггера и Дьюи), шли вразрез с аналитическими философскими установками. Однако так называемый «лингвистический поворот» наложил новые ограничения на североамериканскую профессиональную философию, пусть и менее строгие, чем ограничения логики и математики. Как я указал в ответе на второй вопрос, как только философия начинает работать с человеческим опытом в самом широком смысле, становится ясно, что математика и логика есть лишь его эмерджентные фазы. С осознанием этого будет преодолен не только конфликт между аналитической и континентальной философией, но и раскол в прагматизме. При удачном стечении обстоятельств, прагматизм поможет нам избавиться от наследственной болезни всей современной западной, т. е. посткартезианской, философии — ее одержимости знанием. Если это произойдет, тогда, быть может, после паузы в несколько сотен лет мы вернемся к философии в ее изначальном этимологическом смысле.

Питер Годфри-Смит

(Университет Сиднея, Австралия)

1. Преемственность в развитии прагматизма существует: традиция никогда не прерывалась, но претерпевала определенные, вполне объяснимые трансформации. Конечно, классический прагматизм сильно отличается от современного. Важным сдвигом стало обращение к языку как к основному предмету исследования. Ключевой темой раннего прагматизма была связь между мыслью и действием (в том числе действием невербальным). В середине XX в. заметную роль в вытеснении этой «классической» проблематики сыграл У. Куайн. Влияние, которое он оказал на философию, способствовало переориентации прагматизма на язык.

2. Определение «поздний» не самое подходящее: по историко-философским меркам прагматизм достаточно молод, и никому не дано знать, сколько он еще просуществует — может быть, очень долго. Как я уже сказал, доминантой нового и новейшего прагматизма является язык. Мне кажется, это неудачное развитие событий.

3. Прагматисты (Джеймс, Дьюи) всегда мыслили экзистенциально: их волновало, как философия может «внедряться» в жизнь человека, влиять на нее. Интеллектуальные головоломки и технические философские проблемы отступали у них на второй план. Континентальная мысль также стремилась к тому, чтобы связать философию с жизнью, разрабатывая экзистенциальную проблематику, правда, в несколько ретроградной манере. Прагматизм, бесспорно, полезен тем, что помогает аналитическим философам прийти к более широкому пониманию своей интеллектуальной миссии. Одним из свидетельств этого может служить книга Джона Каага «Американская философия: история любви».

Роберт Дэниш

(Университет Ватерлоо, Канада)

1. Преемственность в развитии прагматизма налицо, по крайней мере, по трем параметрам. Первое — это критическое отношение к философской традиции (Платон, Декарт), которое современные прагматисты унаследовали от Джеймса и Дьюи. Второе — приоритет практики, антиинтеллектуализм, характерный для представителей раннего прагматизма и сохраняющий свое значение сегодня, особенно в работах философов языка и литературоведов прагматистской ориентации. Третье — теоретический плюрализм и разнообразие, всегда приветствовавшиеся прагматистами. История прагматизма учит нас, прежде всего, оценивать интеллектуальную деятельность по ее результатам и по тому, насколько легко наши теории и гипотезы могут использоваться в различных контекстах для достижения целей, которые мы преследуем. Слишком часто философы забывают об этом. Мы спрашиваем, верно ли та или иная теория отражает реальность, вместо того чтобы ставить вопрос о том, какова ее практическая полезность.

2. Важнейшей для позднего прагматизма является проблематика языка. Связь прагматистской теории с риторическими практиками, благодаря С. Фишу и С. Малуа, стала одной из наиболее интересных тем, разрабатываемых прагматистами. В основе этих исследований лежит понимание той роли, которую язык играет не только в современных теориях, но и в интеллектуальных построениях классиков прагматизма.

3. Прагматизм с его критикой дуализмов и метафизического мышления, нагруженного бинарными оппозициями, может оказаться востребован в урегулировании континентально-аналитической контroversы. Бинарные оппозиции суть истории

ческие конструкты, риторические фигуры, которые не дают полноценной картины реальности. Они плохо работают, с точки зрения прагматистов, и должны быть заменены другими, более полезными различиями.

Масато Ишида

(Гавайский университет, США)

1. Разнообразие — часть традиции прагматизма. Идеи основоположников: Пирса, Джеймса, Ройса, Дьюи, Мида существенно различались. Что изменилось, так это отношение к естественным наукам: со временем прагматизм, как мне кажется, стал хуже их понимать. Пренебрежение наукой вредит философии — вот главный вывод, который можно извлечь из истории прагматизма.

2. Для современного прагматизма в равной мере важны и социальная практика и язык. Я бы объединил эти понятия и ответил: «языковая практика».

3. Урегулирование споров между людьми и решение философских проблем — не одно и то же. Джеймса больше интересовало первое, чем второе. Размежевание аналитической и континентальной философии также имеет две стороны: (1) люди, спорящие друг с другом, (2) проблемы как таковые. По идее прагматизм должен был бы решать (2), проблемы, а через это и (1), разногласия. Но Джеймсу представлялось иначе: сначала (1), а затем (2).

Сузана де Кастро

(Федеральный университет Рио-де-Жанейро,
Бразилия)

1. Важный вклад в понимание современного прагматизма, да и всей философии, внес Ричард Рорти. Он показал, как (и почему) философия в XX в. лишилась статуса, которым прежде обладала, и перестала играть определяющую роль в западной культуре, уступив первенство литературе. Какое-то время Философия (с большой буквы) безраздельно властвовала в мире знаний; даже будучи потесненной наукой, она сохранила свою веру в Истину (тоже с большой буквы) и свою экзистенциальную слепоту, безучастность к проблемам людей, их практическим нуждам и устремлениям. Чтобы не становиться жертвами профессиональной самоизоляции, философы должны перестать мечтать о научной истине и посвятить себя критическому интеллектуальному диалогу с современниками, служению обществу. Это — главный урок, который я вынесла из истории прагматизма в целом, за что благодарна Ричарду Рорти в особенности. Пришло время философам спуститься с метафизических эмпиреев на землю, к людям. Я не призываю к упразднению философских факультетов. Вместе с Рорти и многими прагматистами я хочу лишь сказать, что мышление этноцентрично: абсурдно предполагать, что мы можем примерно одинаково рассуждать о примерно одних и тех же проблемах, живя в разных странах. С другой стороны, в основе нашего мышления лежит язык, и задача философии — искать новые, лучшие лингвистические модели и способы описания мира, каким мы его знаем и каким хотели бы видеть. Старые, отслужившие категории языка должны уступать место новым. За развитие языка отвечает воображение, и оно же является двигателем культурного и общественного прогресса.

Эрkki Килпинен

(Университет Хельсинки, Финляндия)

1. По всей видимости, определенная преемственность в развитии прагматистской традиции сохраняется: современные (нео)прагматисты по-прежнему ссылаются на работы отцов-основателей. Впрочем, «второе пришествие» прагматизма, на мой взгляд, обусловлено скорее сменой интеллектуального климата и настроений, преобладающих в философии и гуманитарных науках. Известно, что неопрагматизм возник в контексте более масштабного поворота к так называемому постмодернизму. И мне представляется, что этот новейший прагматизм лучше всего может быть понят как побочное ответвление постмодернизма. Лично я отношусь к такому развитию событий без особого энтузиазма.

Дистанция между постмодернизмом и господствующей платоновско-картезианско-кантовской традицией на самом деле не так велика, как принято думать. Обе традиции принадлежат к «эпистемоцентрическому» мышлению, если воспользоваться немного шуточным термином французского социолога Пьера Бурдьё. Платоновско-картезианско-кантовская традиция трактовала эпистемологию как начало и конец философии (и даже более широко). Однако убеждение некоторых современных прагматистов в том, что эпистемология всего лишь пустяк, столь же эпистемоцентрично. Смена плюса на минус не решает проблемы: «субстанция» остается прежней. Хотя классики прагматизма инициировали радикальную философскую реконструкцию, которая должна была бы затронуть само существо эпистемоцентрического мышления, они не слишком далеко продвинулись в этом направлении. (Думаю, сказанное здесь дает также ответ на вопрос о том, чему могла бы научить нас история прагматизма.)

2. Ответ на второй вопрос зависит от того, что понимать под «поздним прагматизмом». Если речь о неопрагматизме,

ключевым термином, разумеется, будет «язык». Но разве язык (его изучение) не является альфой и омегой поствитгенштейнианской аналитической философии? И разве та же постановка вопроса не справедлива в отношении герменевтической феноменологии Хайдеггера и Гадамера? Если же «поздний прагматизм» входит в состав прагматизма классического, или традиционного, тогда ключевое понятие — «опыт», а вторым (именно вторым, а не первым!) по значимости оказывается «социальная практика». Классический прагматизм подчеркивал, что содержание опыта не исчерпывается восприятиями («перцептивным»). Иными словами, в классической версии прагматизма опыт мыслится как одна из сторон человеческой деятельности (action), охватывающей всю нашу жизнь, определяющей весь ее строй и состав.

3. Сначала несколько слов о Джеймсе. Упомянутое высказывание действительно можно найти в его книге «Прагматизм» (1907), основу которой составила серия лекций, прочитанных им в институте Лоуэлла для широкой неакадемической публики. Наверное, для разрешения философских споров, возникающих в кругу неспециалистов, прагматизм и в самом деле мог бы оказаться полезен. Однако Ч.С. Пирс, близкий друг Джеймса и сооснователь прагматизма, как известно, придерживался диаметрально противоположной точки зрения и утверждал, что прагматизм сторонится метафизических разногласий, имея в виду разногласия *философов*.

Говоря о посреднической роли прагматистского метода в противостоянии аналитической и континентальной философии, нужно отметить, что в разные периоды истории прагматизма он трактовался и как слабая версия позитивизма, и как слабая версия феноменологии. Но подобные мнения высказывались представителями *именно этих* философских течений. Что касается самих прагматистов, то некоторые из них, например, мой хороший друг профессор Сами Пилстрём, живущий здесь, в Финляндии, полагают, что прагматизм способен выступить в роли посредника в «великом расколе» между позитивистской / аналитической философией и феноменологией. Я с уважением отношусь к этим посредническим инициативам,

но считаю возможным и более радикальный подход. С точки зрения классического прагматизма позитивизм и феноменология представляют собой схожие, хотя и не идентичные философские программы. Оба движения рисуют картину реальности как чего-то внешнего, противостоящего субъекту и непрозрачного; философ (ученый) подступает к этой реальности, чтобы познать ее (конечно, взгляды позитивистов и феноменологов различаются в деталях). Однако они не допускают или не замечают, что сама реальность может сближаться с нами — без нашего ведома! Классический прагматизм обратил внимание на эту возможность и даже разработал некоторые описывающие ее теории (очень предварительные).

Подытоживая: с точки зрения классического прагматизма, «великий раскол» в современной философии не нуждается в медиации. Он может и должен быть снят (*aufgehoben*), в классическом гегелевском смысле.

Анатолий Колесников

(Санкт-Петербургский государственный
университет, Россия)

1. Чем привлёк мировую философию прагматизм? Отец-основатель традиции Пирс исходил не из понятия Бога или Абсолюта, как неогегельянцы, а из понятия опыта. Становится ясно, что акценты в западной философии конца XIX в. смещаются к опыту *человека*. Вслед за ним Дьюи заявляет, что главной проблемой философии является ее несоответствие современной социальной и культурной действительности. Другими словами, философия просто устарела и требует значительной модернизации. Это связано с быстротой изменений в современном обществе и их спецификой. Изменения сваливаются на человека, и он не успевает приспособиться даже к части новаций, особенность которых заключается в том, что они, именно в сфере рациональности и мировоззрения, имеют научно-позитивную специфику. «Человек — деятельность — успех» — вот основная тема, проходившая через сочинения основоположника прагматизма, отмечал известный исследователь Ю.К. Мельвиль.

Дьюи указывает на успехи позитивных наук, которые посредством научного метода добыли множество точного и полезного для человека знания. И напротив, такие сферы человеческой жизни, как этика, религия, экзистенциальные проблемы человечества, не отмечены прогрессом, а находятся в состоянии застоя. Вывод его таков: чтобы ускорить прогресс в сфере ценностей и религии, необходимо внедрить в гуманитарные науки методы исследования естественных наук. Подобная реконструкция мировоззрения должна привести гуманистику к запросам современности, с характерными для нее мобильностью, динамичностью и высокой инновационной активностью. Эту реконструкцию должна провести философия, которая и сама обязана радикально реформироваться. (Здесь

напрашиваются сравнения со структурализмом, повторившим эти доказательства.)

История прагматизма показывает постоянное следование этому правилу Дьюи. Так, например, прагматический анализ (У. Куайн, Н. Гудмен) существенное внимание уделяет истолкованию научного знания и средств его логической обоснованности. Вопросы метафизики обретают другое прочтение. Гудмен отстаивает онтологический релятивизм и методологический номинализм, способствующий толкованию физикалистских и феноменологических систем как равно правомерных. Плюралистический подход к миру и познавательный характер эстетического опыта позволяет ему утверждать, что наш горизонт — это способы описания множества, подлежащего описанию. Таким образом, версии мира представлены научными теориями, живописными изображениями, литературными работами и т. п., лишь бы они отвечали стандарту и испытанным категориям. Неопрагматизм Ричарда Рорти где-то близок этой линии в сфере общественных наук, поскольку его позиция могла обеспечить основу для плодотворного увеличения потенциальных человеческих возможностей. Прагматический реализм Хилари Патнэма и аналитический прагматизм Роберта Брэндома вносят свою лепту в развитие как аналитической философии, так и прагматизма.

Главный итог критики прагматизмом классического рационализма — это, скорее, оценочное предписание, как у Пирса, а не система требований, как у Декарта. Хотя принципиальных, т. е. методологически значимых, отличий между ними с точки зрения прагматизма нет. Прагматизм ясно выразил то, что молчаливо подразумевали рационалисты, в частности — незамкнутость логической формы выражения знания. Она обнаруживается в имманентной доступности логической формы для явного вмешательства со стороны оценочного фактора (практики). Для успеха такого подтверждения не стоит игнорировать язык обыденного опыта. Джеймс вовремя напомнил не только о его ценностях, но и значительном его влиянии как на содержание, так и на форму знания. Другими словами, прагматисты принципиально по-иному смотрели на соотношение знания, веры и действия. Они полагали, что уровень познания и теоре-

тической разработки выдвигаемых жизнью проблем ни при каких условиях не может быть исчерпывающе достаточным. Человек постоянно находится в ситуациях поиска эффективных решений, при которых вера оказывается для него не случайным, а определяющим фактором. Именно опора на данные убеждения и была основой для коренного изменения точки зрения на содержание философских проблем, что и позволяло достичь здесь нетривиальных решений.

Оценивая соотношение феноменологии и позитивной философии, можно указать на их дополнительность в аспекте взаимосвязи трансцендентального и прагматического, а также конститутивного и критико-аналитических подходов. Феноменология Гуссерля была бы схожа с мистикой, если бы она не ставила вопрос об обосновании и критической рефлексии условий возможности актов сознания. Вот почему в современной философии техника феноменологической редукции органично дополняется аналитическими процедурами исследования языка. При этом Гуссерль указал на то, что нашим сознанием часто под видом ссылок на трансценденцию управляет частный прагматический интерес. Поля и горизонты, в которых воспринимает мир ученый и метафизик, являются вовсе не универсальными и незаинтересованными. Они неявно задаются прагматическими установками человека. Но эта связь с историей, раскрывающей трансцендентальное как прагматическое, и делает интересным исследование метафизических идей. Вне ее история философии оказалась бы собранием курьезов. Метафизическое мышление не имеет дела с трансценденцией прямо и непосредственно.

Конечно, прагматизм развивается. Есть две интерпретации прагматизма в широкой структуре общих правил философской интерпретации. Ю. Хабермас и Р. Рорти показывают, что оригинальные идеи прагматизма изменены, но они соответствуют философии интерпретации. Есть исследования, анализирующие пути, которые современные прагматически настроенные философы используют в интерпретации и развитии прагматизма «классического». В конечном счете, наблюдается возрождение этой полузабытой ветви американской философии. Так, Х. Йоас отмечает, что многие выдающиеся философы второй половины

XX в. признают свою причастность к прагматизму, среди них Куайн, Гудмен, Кун и Тулмин. Список будет намного длиннее, если мы добавим философов, которые не маркируют себя неопрагматистами, но явно обращаются к определенным прагматическим идеям. Сюда могут быть включены Апель и Хабермас с их прагматикой, основанной на работах Дж. Г. Мида и Ч. С. Пирса, так же как Э. Тугендхат, использующий некоторые понятия Мида для своей интерпретации Хайдеггера. Сам Йоас не только изучил историю прагматизма, но развил интересную теорию действия со ссылками на Мида и Дьюи¹.

Что касается Хабермаса, то сочетая достижения аналитической философии языка, психологии и социологии, он развил критическую теорию, превратив ее сначала в *«теорию коммуникативного действия»* (1981), а затем в *«универсальную прагматику»* («Истина и оправдание: философские статьи», 1999; «Коммуникативное действие и утративший свою трансцендентальность разум», 2001).

Хабермас раскрывает латентную универсальную прагматическую структуру коммуникативного разума через теорию речевых актов. Она возможна уже в использовании обыденным языком рациональной аргументации. Хабермас связывает ее с присущими любому эмпирическому речевому акту «значимыми претензиями» (типа претензии на истину, правильность, правдивость и понятность), которые говорящий предъявляет в общении с другими. Соответственно им можно выделить разные сферы коммуникативного разума, выявляющие основные типы отношений человека с миром, такие как познание «внешней природы», «общества» и различных типов морали, «внутренней природы» человека и «языка». Проявлением коммуникативного разума является аргументационный дискурс, «ненасильственное насилие лучшего аргумента», толкающее на поиск убедительных и надежных способов обоснования выдвинутых утверждений.

Альтернативой разработанной Хабермасом «универсальной прагматике» выступает «трансцендентальная прагматика»

---

¹ См.: Koczanowicz L. The Choice of Tradition and Tradition of Choice: Habermas' and Rorty's Interpretation of Pragmatism // Philosophy and Social Criticism. 1999. Vol. 25. № 1. P. 55–70.

К.-О. Апеля («Трансформация трансцендентальной философии», 1973). Ведущей идеей здесь является переосмысление понятия разума с учетом его неразрывной связи с языком. Разум конституирован языком, а язык есть проявление разума. Язык выступает *условием возможности* понятийного мышления, познания и осмысленного действия. Подчеркивая интерсубъективную коммуникативную природу разума, Апель предлагает рассматривать язык как его двойное *apriori*. С одной стороны, априорный характер языка проявляется в том, что в качестве конкретного естественного языка он формирует семантические особенности реального «исторического» разума. В этом случае язык предстает как «историко-прагматическое *apriori*». С другой стороны, язык можно понимать в универсальном смысле как «лингвистическую и коммуникативную компетентность» человека, т. е. способность вырабатывать понятия в ходе диалогического общения. В этом случае он предстает в виде универсальной формальной структуры как «диа-логически-прагматическое *apriori*» разума.

Таким образом, трансцендентальность языка заключается в том, что он одновременно есть *универсальный* диалогический механизм функционирования разума и *относительный* механизм выработки конвенций о смысле и значении понятий в конкретной историко-культурной ситуации. Убедиться в трансцендентальной природе «языковой игры коммуникации» можно посредством «строгой трансцендентальной рефлексии», т. е. посредством такой рефлексии, которая обнаруживает те ее предпосылки, которые нельзя обосновать при помощи дедукции без *petitio principii*, т. е. уже не предпослав их, и нельзя опровергнуть, не вступая при этом в противоречие с самим с собой. Пытаясь опровергнуть правила аргументации, любой предпринимающий эту попытку впадает в «перформативное противоречие», в котором *прагматика речевого действия* противоречит его семантике.

Новаторство Апеля заключается здесь в том, что он в качестве основной познавательной категории выдвинул *понятие смысла*; формирование смысла он связал с процессом диалогичной коммуникации. Смыслообразование представляет собой незавершенный и открытый процесс; достижение объективно-

сти знания Апель связал с языковой игрой аргументации идеального неограниченного коммуникационного сообщества, так что герменевтика оказалась у него связанной с трансцендентальной прагматикой. На основе трансцендентальной прагматики создается этика дискурса, которая направлена на рациональное трансцендентальное «окончательное обоснование» моральности человека. Возможность такого обоснования Апель связывает с трансцендентальной языковой игрой неограниченного коммуникационного сообщества, формирующего коренные этические нормы.

Но вернемся к вопросу преемственности и поучительной сути прагматизма. Сто пятьдесят лет, составляющие к настоящему времени историю американского прагматизма, свидетельствуют по крайней мере о том, что его идеи являются важным элементом философской традиции США. Однако классика прагматизма, представленная работами Ч. Пирса, У. Джеймса и Дж. Дьюи, уже давно имеет не только отечественный, но и мировой философско-культурный отклик. Бесспорно, с перенесением в контекст иной традиции образ прагматизма, не вполне ясный и единый даже на его родине, неизбежно меняется. Американская резкость и непринужденность привычек, когда теоретическое значение идеи измеряется на прямую практической пользой реального применения данной идеи, на другой территории, в другой стране, как правило, уступают место попыткам спокойно проанализировать смысловые линии прагматизма и в более широком плане, и подчас с иной точки зрения. Примером может случить прагматизм в Италии в первой половине XX в.

Давно известно, что естественный способ усвоения в иной культуре какой-либо интеллектуальной ценности состоит в передаче ее посредниками и последующей трансформации. Подобный способ усвоения интеллектуальных ценностей приобретает форму философского диалога, возможно, даже заочного при его отнесенности к прошлому, но в любом случае взаимно развивающего потенциал различных форм единой мировой культуры. Главным образом именно этой идеей взаимосвязи и взаимовлияния глубоко разведенных по времени философских учений можно объяснить некоторые аспекты

сопряженности прагматизма и философских учений Востока, Латинской Америки и Африки. Так, наблюдается сходство не только в умонастроении, но и между отдельными положениями философии Джеймса и буддизма. В основании этой близости лежит вполне очевидная общность представлений того и другого учения о сущности индивидуального сознания не как о духовной субстанции, но как о процессе состояний сознания, причем даже в наличии таких оценочных характеристик, как «состояние сознания» и «поток сознания». Или, к примеру, у японского философа Нисиды Китаро имеются представления, общие принципу «чистого опыта» Джеймса¹. В основании своей концепции чистого опыта Нисида использовал идеи логицизма Риккерта и интуитивизма Бергсона, а также в определенной мере идеи Джеймса и «эмпириокритика» Маха. Нисида испытал также влияние фихтеанской идеи действия. В середине XX в. в академической философии Японии господствующее положение занимали экзистенциализм и прагматизм (Хасэгава Тенкей, Муто Мицуро, Нацумо Сасэки).

Особый интерес для современной сравнительной философии представляют некоторые аспекты осмысления опыта и истины Джеймсом и ранней философией йогачары. И хотя общее знакомство Джеймса с философией буддизма, в частности йогачары, не вызывает сомнений, все же о насыщенности его произведений идеями буддизма говорить нельзя. Йогачара значительно сильнее, чем у Джеймса, подчеркивает индивидуальный мотив и полезность (практическую значимость) знания, рассматривает его в определенности конкретного субъекта и его способности применить знание. Понятийность познания в качестве логической формы превращается в некий мост, соединяющий посредством практики реальность и опыт в единое целое.

Параллели между прагматизмом Джеймса и философией йогачары позволяют отметить существенное сходство между ними в ряде элементов: при интерпретации опыта в качестве непрерывного жизненного потока, постигаемого вне рамок

---

¹ См.: *Shaw M.* William James and Yogācāra Philosophy: A Comparative Inquiry // *Philosophy East and West*. 1987. Vol. 37. № 3. P. 230.

субъект-объектного дуализма; при утверждении природы сознания в качестве смыслового содержания этого потока; в связи с признанием практического критерия истинности понятий. И содержательное, и интенциональное единство этих философских учений свидетельствует о единстве реализованного философского опыта, но позволяет предполагать важность сравнительного исследования разных философских взглядов восточной и европейской философских традиций. Так что разговоры о противоположности размышлений прагматического, рационалистического Запада и исключительно спиритуалистического, интуитивистского Востока становятся не соответствующими истине.

Истина такова, что к концу XIX в. идея трансцендентного Абсолюта и соответствующая ей методологическая программа познания как построения картины мира хотя и сохраняла свое существование, однако утратила будущее. Центр философского интереса сместился с трансцендентного Абсолюта к Абсолюту имманентному: уже не картина мира, а саморазвертывание субъективности превращается в объект философствования. Это изменение ощутило неогегельянство, хотя сознательно выразить его смогла лишь феноменология. В этом случае влияние индийской философии на американскую тем и ценно, что отвечало этой интуитивной потребности овладеть категориями субъективности, не очень при этом заботясь о целях, просто в силу различных традиций во времени.

В свою очередь, в Китае сторонник прагматизма Ху Ши отстаивал необходимость переориентации культуры и политики Китая в сторону Запада. Получив образование в США, профессор Пекинского университета становится активным участником «движения за новую культуру» и дискуссий о будущем своей страны, в которых выступил как убежденный сторонник ассимиляции западной культуры китайским обществом. Первым шагом в этом направлении была его инициатива осуществления «культурной революции» через реформу языка — заменить классический стиль «вэньян» в литературе на разговорный язык байхуа. Противоречивость этого не помешала вскоре литературе «байхуа» завоевать популярность, в том числе и в системе образования. В китайской научной

среде Ху Ши страстно пропагандирует достижения западной мысли. Одним из шагов этой пропаганды была организация двухлетнего турне его научного руководителя в Корнелльском университете Дж. Дьюи. В своих философских теориях Ху Ши отразил это влияние в прагматической интерпретации понятий «опыт» и «истина», в недоверии к оптимистической версии познания объективно существующих вещей и утилитаризме представлений о практике.

Однако интерпретация Ху Ши как представителя прагматизма во многом условна, прагматизм он рассматривал как методологию, что совсем не характерно для данного учения. Источник подобной трактовки находится в синтезе восточной и западной ментальности в творчестве мыслителя. В действительности его трактовки социально-политических, исторических, историко-философских и культурных процессов утилитарны, связаны с защитой и пропагандой программ вестернизации китайского общества. По мнению Ху Ши, китайская философия не обладает достаточным внутренним ресурсом для адаптации к современной интеллектуальной, научно-технической и социально-политической ситуации. По этой причине необходимо заимствовать достижения западной философии и переносить их на китайскую почву. В свою очередь, история китайской философии должна быть пересмотрена в свете истории европейской философии. В этом преуспел уже Фэн Юлань.

На арабском Востоке идеи американского прагматизма получили развитие в философии Заки Наджиба Махмуда, в Африке — в работах Полина Хунтонджи.

Брюс Куклик

(Пенсильванский университет, США)

1. В США существовало две ветви прагматизма. Первая, более ранняя, возникла в конце XIX в. в Кембридже (Массачусетс). Начало ей было положено кантианцем Ч.С. Пирсом, оказавшим влияние на талантливых гарвардских философов, которых по праву можно назвать прагматистами: У. Джеймса, Дж. Ройса и К.И. Льюиса. Эта традиция угасает в философии У. Куайна, который, будучи учеником Льюиса, больше тяготел к позитивизму Р. Карнапа и его европейских единомышленников, нежели к прагматизму американских коллег.

Другая, «гегельянская», ветвь прагматизма сформировалась позже в двух научно-образовательных центрах — Чикагском университете и Колумбийском университете в Нью-Йорке. Среди чикагцев выделялся Дж.Г. Мид. Однако самым заметным представителем этой традиции, получившей название инструментализма, был Дж. Дьюи, перебравшийся в Нью-Йорк из Чикаго. Дьюи и Мид не оставили философских преемников, о которых можно было бы сказать, что они сыграли значимую роль в истории американской мысли, хотя некоторые ныне почти забытые исследователи утверждали, что испытали влияние чикагских или кембриджских прагматистов. К этой группе можно отнести Х. Каллена, С. Хука, Т.В. Смита и Г. Шнайдера. Однако к началу 1950-х гг. прагматизм уже не считался жизнеспособным.

В конце прошлого века многие преподаватели философии и даже мыслители первой величины, такие как Р. Рорти и Р. Брэндом, в достаточно расплывчатой манере заявили о своей приверженности прагматизму, возродив интерес к традиции, которая, казалось, зашла в тупик после Дьюи. Эти новые авторы с одобрением писали о Пирсе, Джеймсе и Дьюи, но вместе с тем отмечали свою близость философам вроде Хайдеггера и Хабермаса, которые с их легкой руки стали числиться «прагматически ориентированными мыслителями».

Впрочем, постулируемая ныне «преемственность» между ранними прагматистами Гарварда и Нью-Йорка, с одной стороны, и университетскими преподавателями и каноническими мыслителями уровня Рорти и Брэндома, с другой, в основном является мнимой. Фактически, многое связывает последних не с прагматизмом, а с совсем другими существовавшими в США направлениями и школами. В частности, Рорти и Брэндом имеют больше общего с критическими реалистами, разрабатывавшими в начале XX в. идеи, противоположные идеям прагматистов. Если критические реалисты были «прародителями» Брэндома и Рорти, то их «отцом» можно считать У. Селларса, утонченного материалиста, получившего широкое признание во второй половине прошлого века и теперь представляющегося, наверное, самым значимым американским философом названного периода.

Этот краткий историко-биографический комментарий позволяет ответить на два поставленных в интервью вопроса. Сначала я хотел бы подчеркнуть, что мы не должны использовать слово «прогресс» для характеристики связи более ранней философии с более поздней. В этом понятии имплицирована идея развития, перехода от низшего к высшему, совершенствования. Но философия так не работает. А теперь к сути вопроса. Я утверждаю, что между гарвардско-чикагско-нью-йоркской философией первой половины XX в., которая была (и остается для меня) *подлинным* прагматизмом, и последующими течениями нет почти никакой преемственности. Если мы, как историки, называем «ранних» мыслителей прагматистами, нам следует придумать другое название для «поздних». То, что интеллектуальная ситуация 2000-го не идентична ситуации 1900-го, не требует доказательств. Пирс и его современники принадлежат своей эпохе, а Рорти и Брэндом — своей; профессиональные интересы, привычки и образ жизни первых отличаются от образа жизни, привычек и интересов вторых. Различные сочетания идей можно называть одним именем, но это не делает их одинаковыми.

Чему учит история прагматизма? Это большой вопрос! Наверное, она *должна* учить профессоров философии тому, что их представления о мыслителях прошлого часто расходятся

с действительностью. Философы имеют обыкновение, увлекаясь кабинетным теоретизированием, подменять историю философии собственной философией — картинами, которые рисует их интеллектуальное воображение. И это неудивительно: историческое исследование — слишком унылое и рутинное занятие, чтобы пленять профессиональных философов. У них есть дела поважнее.

Джеймс Ливингстон

(Ратгерский университет, США)

1. Думаю, мы вправе говорить о преемственности в развитии прагматизма, хотя отцы-основатели интеллектуальной традиции не были, разумеется, единомышленниками во всем — разногласия между Пирсом и Джеймсом или Джеймсом и Дьюи обозначились сразу. Пирс полагал, что научная истина существует от века и лишь дожидается, когда ученые и философы обнаружат ее и предъявят миру. Дьюи и Джеймс ни секунды не верили в это. Джеймс, однако, был менее радикален в ниспровержении философских систем прошлого, нежели Дьюи. Рорти симпатизировал Джеймсу, но значительно больше воспринял от Дьюи, — как бы вопреки тому факту, что дьюевское гипостазирование опыта очевидным образом диссонировало с лингвистическим самым Рорти, равно как и с рефлексией Джеймса, его семиотическим подходом к человеческому сознанию (*semiotic account of consciousness*). Сиднея Хука трудно классифицировать, это мыслитель *sui generis*. Современные прагматисты вроде Джеймса Клоппенберга, Шарлин Хэддок Сигфрид, Луиса Менанда — вольные или невольные продолжатели Дьюи, пленники его императива опыта (*the experience imperative*).

История философской и политической мысли XX в. доказывает, что прагматизм, о котором чаще всего приходится слышать две вещи: что это специфически американская традиция и что это философия демократии, — не является ни тем, ни другим. Прагматизм насквозь космополитичен, а его политические модификации и реинкарнации совершенно непредсказуемы. Миролюбиво настроенный демократ Уильям Джеймс, так много сделавший для сближения и взаимообогащения европейской и американской философских культур, использовал прагматизм по-своему, а профашистские теоретики и доктринеры, подобные Карлу Шмитту, Жоржу Сорелю и Джованни Папини, — по-своему.

2. Сигфрид и Клоппенберг акцентируют опыт. Рорти против, и я присоединяюсь к нему. Как можно цепляться за категорию «опыта» как регулятивную для прагматизма после Уильяма Джеймса, его лекций 1906–1907 гг., «Эссе о радикальном эмпиризме» и др.? У меня это не укладывается в голове.

3. Радикальный эмпиризм Джеймса был четко выраженной попыткой примирения Канта и Юма, континентальной и англо-американской философии. С моей точки зрения, эта попытка удалась. Нынешним прагматистам остается лишь следовать по стопам Джеймса.

Евгений Логинов

(Московский государственный университет,
Россия)

1. На мой взгляд, ничто не запрещает нам говорить о преемственности в развитии прагматизма в XIX, XX и XXI вв., если мы осознаём внутреннее разнообразие этой традиции, черту, свойственную, впрочем, почти всем крупным философским движениям. Прагматизм тут выгодно выделяется на фоне своих соперников тем, что его представители, как правило, не стесняясь говорят о своей философской ориентации, ссылаются на отцов-основателей и в целом стараются прояснить свое место в истории философии. Вот этой заботе о своей традиции и учит нас история прагматизма.

2. Сутью прагматического учения мне представляется теория действия. Поэтому я бы указал на термины, которые это самое действие обозначают: effect и action. Первое мы встречаем, в числе прочего, в максиме Пирса, второе — например, в рассуждениях Александра Бэна, которые и Пирс, и Джеймс считали важным источником прагматизма. А так как действуют люди обычно в обществе, то я бы выбрал «социальную практику». Другое дело, что человеческой деятельностью прагматизм не ограничен.

3. Что касается размежевания двух традиций, аналитической и континентальной, и перспектив их сближения, то многое зависит от области знаний. Например, в философской логике аналитическим философам философы континентальные ничем помочь не могут, как и прагматисты (за исключением, конечно, Пирса, но его наследие в этом отношении можно считать почти полностью освоенным). То же можно сказать о философии сознания и метафизике. Ситуация начинает меняться, если мы затрагиваем эпистемологию: тут прагматизм помогает анали-

тическим философам не упускать из виду социальные аспекты знания, а континентальным — аспекты формальные. Самое сильное взаимодействие, на мой взгляд, существует в политической философии и философии искусства. Я плохо знаю этику, но то немногое, что знаю, позволяет характеризовать ее положение как близкое скорее к философии сознания, чем к философии искусства. В целом, не думаю, что философские споры нужно улаживать: скорее, стоит определить, кто из спорящих прав. К такому пониманию философской работы был близок Пирс.

Даниэль Макбет

(Хаверфордский колледж, США)

1. Если, как гласит «максима прагматизма», наше знание об объекте тождественно знанию практических следствий, которые им производятся, наше понимание самой этой максимы можно было бы прояснить, рассмотрев ее следствия применительно к философским воззрениям классиков прагматизма: Чарльза Сандерса Пирса, которому мы обязаны ее формулировкой, Уильяма Джеймса, друга и университетского коллеги Пирса, и Джона Дьюи, следовавшего по стопам Джеймса в его толковании истины как полезности, или работоспособности, идеи. Известно, что Пирс дистанцировался от этой теории и ввел для обозначения своей философской концепции термин «прагматицизм», чтобы никто не путал ее с прагматизмом Джеймса. Вопрос о природе истины был далеко не единственным камнем раздора между ранними прагматистами. Джеймс и Дьюи придерживались индивидуалистических (хотя и не картезианских) представлений о научном познании и исследовании, что кардинальным образом расходилось с теоретическим антииндивидуализмом Пирса. Имеются и другие существенные различия. Что же нашел, в таком случае, Джеймс в философии Пирса, что подвигло его с исключительным рвением защищать и отстаивать прагматизм спустя двадцать лет после того, как он был предъявлен публике самим автором максимы?

По крайней мере часть ответа кроется в неприятии Пирсом как скептицизма, так и картезианской достоверности, в его полном отказе от определенного рода академической философии в пользу исследования как процесса, который, по Пирсу, начинается там, где находимся мы со своими сомнениями (реальными, а не мнимыми) и наличным багажом знаний. Человек — конечное, заблуждающееся, познающее существо, живущее в реальном мире и сталкивающееся в нем с реальными

трудностями, требующими разрешения. (Этот аспект в современных исследованиях классического прагматизма часто упускают из виду. Важное исключение — Хилари Патнэм.) Задача философа как исследователя — искать ответы на наши жизненные вопросы и решать практические проблемы, оставаясь прочно укорененным в ситуации, какой мы находим ее. Имея в виду вышесказанное, мы сможем лучше понять классиков прагматизма, каждый из которых шел своей дорогой, — Пирса с его интересом к научной практике, Джеймса, которого занимали преимущественно вопросы религии и морали, и Дьюи, обратившегося к насущным проблемам общественной жизни.

Иногда говорят, что Пирс разрабатывал философию науки. Это может ввести в заблуждение. Пирс действительно утверждал, что в любом исследовании, направленном на раскрытие достоверной истины, необходимо руководствоваться научным методом, который он отличал от других способов «закрепления верования» — метода упорства (слепой и непоколебимой приверженности индивида раз навсегда избранным взглядам, несмотря на свидетельства против них), метода авторитета (когда человек целиком полагается на мнение другого лица или инстанции, например, церкви или государства) и метода априори (принятия в качестве метафизических предпосылок некоторых положений, в истинности которых мы заранее убеждены). Чтобы познать что-то, вы «должны хотеть познавать и в этом своем желании не удовлетворяться тем, во что вы уже склонны верить»¹. Любое наше знание может оказаться ложным и потребовать исправления. В процессе этой самокоррекции мы (сообщество исследователей) в конечном итоге неизбежно придем к достоверному знанию.

Считает ли Пирс, в таком случае, философию простым продолжением науки? Полагает ли он, что все вопросы, которые встают перед нами, являются в действительности вопросами эмпирическими, в чем пытаются нас убедить представители более позднего прагматизма, такие как У. Куайн? Определенно нет. Хотя любое интеллектуальное исследование (investigation), даже логическое и математическое, должно

---

¹ The Essential Peirce: Selected Philosophical Writings. Vol. 2. P. 48.

носить экспериментальный характер в силу того, что его результаты никогда не бывают непогрешимыми и окончательными, не всякое исследование (*inquiry*) является эмпирическим, как ясно дает понять Пирс в работах по логике, в отношении которой он занимал твердую антипсихологистскую позицию. Человеческие существа — не просто животные, а рациональные животные; способность человека размышлять есть «единственное физиологическое функциональное проявление, открытое для критики» (CP 2.152).

Стоит также подчеркнуть, что Пирса, в отличие от логиков зарождающейся аналитической традиции, интересовали не только логические отношения между предложениями (прежде всего, отношение логического следствия), но действительные (*actual*) акты рассуждения, в особенности математического, которые, несмотря на дедуктивный характер, расширяют спектр нашего знания. То есть предметом его рассмотрения была *действительная* математическая практика. В наше время представители набирающей силу традиции философии математической практики, как бы в противовес предельно абстрактным и отвлеченным исследованиям большинства философов математики XX в., придерживаются схожей, в сущности, прагматической установки.

Дьюи и Джеймс разделяли мнение Пирса, что образцом для философа не может быть профессиональный ученый с его отстраненно-бесстрастным отношением к объекту исследования (даже если этот объект — другой человек). Философ не должен смотреть на мир безучастно, как бы со стороны; он — живое существо, часть этого мира. Задача философии — самопознание человека, адекватное понимание нами себя, какие мы есть и какими описывают нас эмпирические науки, — хотя, повторюсь, в центре внимания трех классиков прагматизма были разные науки и разные аспекты человеческой жизни.

Ранняя аналитическая философия расселовского типа отличалась от прагматизма своим фундаментализмом (*foundationalism*), поиском достоверности, априорным методом (основанным на новой логике, к созданию которой, по иронии судьбы, приложил руку Пирс) и картезианским индивидуализмом. Еще одно, более тонкое, отличие заключалось в том, что

аналитическая философия вернулась к вопросам, представляющим чисто академический интерес и не затрагивающим реальной жизни людей, даже самих профессиональных математиков. Однако прагматистский подход вновь дает о себе знать в сочинениях Р. Карнапа и логических эмпиристов. Как заметит Э. Нагель в гарвардской лекции 1940 г., логические эмпиристы, так же как прагматисты, отвергают все виды метафизических спекуляций, вместо этого обращаясь к модели совместного научного поиска, кооперативного исследовательского процесса; и те и другие принимают максимум прагматизма в самом широком ее толковании. После Л. Витгенштейна «Философских исследований» и У. Селларса, точка зрения прагматизма (с его акцентированием жизненных практик, и в особенности практики языковой) воцарилась надолго.

Как известно, Джеймс утверждал, что «прагматизм» — всего лишь «новое название для некоторых старых методов мышления», методов, которыми пользовались философы (пусть и не все) испокон веков. Был ли он прав, неясно. Очевидно, прагматизм был философским ответом, с одной стороны, на академическую традицию, потерявшую из виду то, что важно для наших жизней, а с другой стороны, на рождающиеся «науки о человеке», прежде всего психологию и эволюционную теорию Дарвина. Задача заключалась не в том, чтобы сделать выбор между объективизмом / дистанцированностью наук и ангажированностью повседневной жизни, но в достижении некоего «синоптического видения» (выражение Селларса), охватывающего как результаты эмпирических дисциплин, так и все, что открывается человеку в жизни, в том числе в жизни самих практикующих ученых. Эта задача все еще актуальна. Если говорить о современной аналитической философии, то одна ее часть стремится сблизиться с естественными науками и математикой и во всем подражать им (вернее, тому, что она, философия, понимает под естественными науками), а другая часть, наоборот, отвергает сциентистский подход и принимает донаучную, во многом аристотелевскую стратегию философствования и соответствующую картину мира. Обе линии, на мой взгляд, ошибочны и не достигают той цели, которую ставили классики прагматизма, Селларс и поздний Витгенштейн,

а именно адекватного понимания человеческого существования — понимания, учитывающего результаты научных исследований, но не теряющего из виду и философии с ее специфической перспективой, постановками проблем и отношением к другим наукам.

2. Если прагматизм классический — это прагматизм Пирса, Джеймса и Дьюи, то «поздний» — прагматизм Витгенштейна «Философских исследований» и Селларса. По общему мнению Витгенштейна и Селларса, в троице «опыт», «язык» и «социальная практика» ничто не может быть представлено до или без остального. Человеческое сознание — в отличие от психики животных — конститутивно опосредовано языком, который следует понимать как сущностно социальную практику. Этот акцент на роли языка в нашем опыте помогает объяснить, между прочим, и то, как стремление к истине сочетается в исследовательской деятельности с неизбежной погрешимостью знания, его подверженностью ошибкам. Прояснив данный вопрос, мы лучше поймем причину постоянного напряжения внутри прагматизма, которое проявилось уже в разногласиях Пирса с Джеймсом, а затем — в полемике Патнэма с Рорти.

Прагматистская философия, как ранняя, так и поздняя, представляет собой разновидность антифундаментализма. Наше знание, говорят прагматисты, не имеет никакого основания, или фундамента, в надежности которого нельзя было бы усомниться. Если же основания знания не существует, то — казалось бы — нет и истины, а есть только согласованность наших верований и предположений (в лучшем случае). Подобное заключение подразумевает отказ от эпистемологических оснований, но не подразумевает отказа от фундаментализма как доктрины, которая отрицает возможность познания (постижения истины) без таких оснований. Прагматисты вроде Пирса и Селларса советуют нам отказаться в том числе и от этой статичной фундаменталистской модели и обращают внимание на динамичный, процессуальный характер исследования как самокорректируемого предприятия, являющегося таковым (развивающимся, динамическим, фаллибилистским) благодаря языку. Наш экзистенциальный опыт лингвистически опосре-

дован; язык — медиум когнитивного освоения мира. Здесь я коснусь лишь одного из аспектов рассматриваемой темы, а именно *социального* и его роли в лингвистической практике.

Человеческий разум, подчеркивал Пирс, конститутивно нормативен и подчиняется законам, устанавливающим, какие действия являются правильными и рациональными, а какие нет. Эти законы и соответствующие критерии не могут быть индивидуальными, указывал Витгенштейн: правилу нельзя следовать лишь «приватно». В противном случае «думать, что следуешь правилу, и следовать правилу было бы одним и тем же» («Философские исследования», § 202). Отсюда можно, казалось бы, заключить, что действия отдельно взятого индивида должны во всех случаях против- или сопоставляться с действиями, принятыми в сообществе. Если я поступаю так, как поступают другие (члены сообщества), я поступаю правильно; в противном случае я неправ. Стало быть, не существует критерия истины, который можно было бы применить к коллективным действиям или верованиям; нет смысла спрашивать, правильно ли поступает сообщество и не заблуждается ли оно. А если ставить этот вопрос бессмысленно, тогда мы должны смиренно признать, что объективная истина недостижима, — нам остается довольствоваться только соглашением членов общества, т. е. коллективным мнением. Такой ход рассуждений наводит на мысль, что в каждом конкретном случае «что верно, а что неверно», зависит от «общего соглашения» («Философские исследования», § 241). Но Витгенштейн так не считает. «Правильным или неправильным, — замечает он ниже, — является то, что люди *говорят*; и согласие людей относится к *языку*. Это согласие не мнений, а формы жизни».

Идея о том, что живые существа являются образцами (instances) чего-то более общего — формы жизни, отчетливо выражена уже у Аристотеля. Но что именно в этом заключается их особое, конститутивное отличие от неодушевленных вещей, было осознано только с подъемом современной науки и с описанием неодушевленной природы в терминах естественных законов, не допускающих исключений. Эксплицированная в качестве регулятивного идеала в философии Канта, эта идея затем получила развитие и современное выражение в редакции

Гегеля, согласно которой контекст, задаваемый самовоспроизводством вида, неустраним из определения какой-либо части физической материи как живой. Предположим (здесь я воспользуюсь примером, который приводила в одной из работ), человек хочет узнать, почему у определенного вида птиц имеются крылья определенной длины и конфигурации. Если птица данного вида является представителем (an instance) семейства пернатых с крыльями именно этой длины и конфигурации, тогда хорошим объяснением будет, что птица, скажем, орел — частный случай указанной формы жизни, и орлам нужны такие крылья, чтобы совершать известные действия, например, летать на далекие расстояния и охотиться на мышей и зайцев. Если же крылья птицы, по молекулярному составу идентичные крыльям семейства пернатых, к которому она принадлежит, отличаются от них длиной и строением, объяснение должно быть другим. Оно может включать, например, ссылки на генетический дефект или полученную птицей тяжелую травму. Когда жизнь идет своим чередом — так, как предписано формой организма — все объясняется этой последней (в терминологии Аристотеля, формальной, действующей, целевой причинами).

Объекты неживой природы просто имеют место, события просто случаются так, как должны случаться сообразно законам, которые открывает физическая наука. Не существует норм, предписывающих «поведение» этим объектам, санкционирующих или возбраняющих определенные «действия»; существуют лишь факты. С появлением (в процессе биологической эволюции в результате естественного отбора) живых организмов, представляющих различные формы жизни, в природный мир привносится нечто принципиально новое — новый вид значения вещей (a new sort of significance for things), нормативное. Поскольку всякий живой организм одновременно конституирован определенной формой жизни, которую он представляет, и конституирует эту форму, он может быть верно описан как своего рода субъект, отвечающий нормам, ею артикулированным. Животное здорово или больно, полноценно или ущербно лишь относительно формы жизни, частным случаем которой оно является. Точно так же обстоит с нашими социальными (социально эволюционировавшими) формами жизни, конституиро-

ванными языками, на которых мы говорим, и артикулированными ими. В силу нашей аккультурации и укорененности в определенных социокультурных и лингвистических формах жизни, мы — рациональные животные — являемся, конститутивно, их выразителями и представителями (*instances*). Будучи таковыми, мы сообразуем все свои действия с нормами, социально закрепленными и артикулированными. Благодаря тому, что существуют *социальные* практики следования правилу, в которые мы аккультурированы, можно в одних случаях утверждать, что мы поступаем правильно, а в других — неправильно.

Процессы аккультурации уже в детском возрасте обычно приводят к формированию устойчивых предрасположенностей человека к определенным реакциям на определенные обстоятельства. Этими предрасположенностями, однако, не исчерпывается следование правилу, ведь они отражают «лишь причинную связь» («Философские исследования», § 198). Только на *практике*, в контексте обучения способам поведения, воспроизводимым поколениями в процессе аккультурации, «предложение опыта», утверждающее, что кто-то будет действовать (или предрасположен к действию) тем или иным образом при тех или иных обстоятельствах, «отливается в правило», которое определяет, как должно поступать. (См.: «Заметки по основаниям математики», раздел VI, § 22–23.) Еще раз: не согласие относительно того, что мы говорим, устанавливает, что истинно, а что ложно, но сам язык, на котором мы выражаем свое согласие или несогласие, т. е. конститутивно социальная, эволюционирующая и непрерывная практика, которая является нашей отличительно человеческой формой жизни. Коль скоро язык социален и эволюционирует, он может исправляться, совершенствоваться согласно представлениям разума. Поскольку не существует ничего данного и неизменного, не поддающегося пересмотру, мы можем, в процессе достаточно продолжительного исследования и самокоррекции, приблизиться к постижению реальности как она есть. Пирс в этом не сомневался.

3. Аналитическая и континентальная философии с самого начала занимались очень разными проблемами и применяли

разные методологии. Ранняя аналитическая философия была нацелена на анализ концептов с применением новейшего математического инструментария (полиадического исчисления предикатов и т. п.). Континентальная философия главным образом сфокусировалась на литературе, политике и истории, решая проблемы, с которыми сталкиваются люди как воплощенные и социальные существа. Это известное напряжение между научным исследованием и практическим опытом, кабинетом и форумом пытались снять или хотя бы смягчить философы-прагматисты, «ранние» и «поздние». Работу некоторых современных философов обеих традиций можно рассматривать как движение в указанном направлении. Так, например, К. Мейясу, ученик А. Бадью, в своей книге «После конечности» доказывает, что последние научные достижения и открытия, в особенности расширение наших знаний о вселенной до появления жизни на Земле, дают основания утверждать, что так называемый «корреляционизм», настаивающий, вслед за Кантом, на невозможности рассмотрения сфер объективного и субъективного (бытия и мышления) независимо друг от друга — ложен. Мейясу рассуждает вполне в прагматистском духе. Схожим образом я, ученица У. Селларса, утверждаю в своей книге «Понимание разума: нарратив истины и знания», что развитие математики в XIX в., а также физики в XX столетии заставляют нас отказаться от кантианского взгляда на философию и ее возможности. Избегая сциентизации философии, авторы этих исследований, так же как прагматисты (классические и современные), сохраняют тесную связь с наукой, ее открытиями и методами, разрабатывая вместе с тем экзистенциальную проблематику.

После научной революции XVII в. стало казаться, что нам следует выбирать между открытиями наук и человеческим опытом, между миром мыслимого (и достоверного) и миром явленного в повседневной жизни, обманчивого и ненадежного. Классики прагматизма стремились показать, что это ложная дихотомия. На самом деле, никто не заставляет нас выбирать между картиной реальности, рисуемой современной наукой, и картиной нашего повседневного опыта. Мы именно *не должны* выбирать. Современная философия, конечно, не может

пренебрегать естественными науками, но она должна осмыслять их результаты исходя из нашего экзистенциального опыта. Нам еще предстоит осознать, что самый «научный» и объективный взгляд на мир — взгляд изнутри наших жизненных практик.

Дуглас Макдермид

(Университет Трент, Канада)

1. В истории прагматизма от Пирса до наших дней можно выделить ряд стержневых идей и сюжетов, определяющих то, что принято называть преемственностью традиции. (Разумеется, я не утверждаю, что все без исключения философы-прагматисты разделяют данные идеи или что они одинаково полно раскрыты в творчестве хотя бы одного прагматиста.) Список, который я набросал, состоит из двенадцати пунктов.

(1) Открытое признание того, что философия ограничена *человеческой* перспективой — перспективой конечного, бренного, подверженного заблуждениям существа, чей статус субъекта неотделим от статуса действующего лица (*agent*). Человек — начало и конец философии.

(2) Убеждение в том, что философские проблемы, лишённые практических следствий или конкретных импликаций — проблемы, решение которых никак не влияет на наш опыт или поведение, — являются надуманными и не заслуживают серьёзного обсуждения.

(3) Отрицание платоновско-картезианско-кантовского представления о философии как законодательной дисциплине, теоретически обосновывающей наши разнообразные практики (научные, политические, художественные, религиозные, нравственные, образовательные и т. д.) и занимающей особое, привилегированное по отношению к ним положение, которое позволяет оценивать их регулятивные нормы, методы и предпосылки.

(4) Отказ от картезианской картины сознания как приватной внутренней сферы чистой субъективности, элементарные содержания которой, называемые *идеями*, «отвечают» за наш контакт с внешней реальностью, с миром репрезентируемых ими объектов, никогда не воспринимаемых нами напрямую, а лишь опосредованно благодаря этим идеям-репрезентациям.

(5) Подозрение, что традиционные формулировки корреспондентной теории истины бесполезны, поскольку репрезентационистское понятие «соответствия» между истинными пропозициями и лежащей вне доступного опыта реальностью лишено содержания.

(6) Дарвинистский взгляд, согласно которому главная функция интеллекта заключается не в копировании статичного и готового мира объектов, полностью отделенного от субъекта, а в придании бесконечно многообразному, пластичному и изменчивому материалу человеческого опыта более подходящей и отвечающей нашим потребностям формы. Концепции и идеи — суть инструменты, которые служат практическим целям.

(7) Кантианский отказ от классической фундаменталистской идеи, согласно которой неконцептуализированный чувственный опыт — то, что Гегель называл «чувственной достоверностью» — может легитимировать и обосновывать наши суждения о способе существования вещей в мире. Непосредственно «данное», с точки зрения прагматистов — чистой воды миф. Так как человеческое мышление есть процесс, включающий в себя интерпретацию и опосредование, никаких чистых данных (*bare data*), первых принципов или изолированных фактов, схватываемых чувствами или разумом, быть не может.

(8) Осознание бессмысленности и тщетности самой постановки вопроса о том, соответствует ли наша концептуальная схема реальности-как-она-есть, подходит ли она к ней. Поскольку нам недоступна «точка зрения Бога» и нет никакой возможности выйти за рамки собственной концептуальной схемы, нам остается только желать, чтобы концепты и категории, что у нас под рукой, достаточно хорошо служили тем целям, которые мы преследуем.

(9) Акцент на творческой и целенаправленной деятельности человека во всех сферах, начиная с избирательного внимания в восприятии и заканчивая изобретением «здорового смысла», взаимозависимостью теории и практики в научном исследовании, участием в общественной и политической жизни в условиях демократии.

(10) Радикально фаллибилистский подход, согласно которому любые принятые теории и модели объяснения реальности

(а также теоретически «нагруженные» наблюдения и гипотезы) могут быть скорректированы, дополнены или отвергнуты.

(11) Сопутствующая этой позиции готовность жить без абсолютных гарантий в любой жизненной сфере; утверждение нашего личного права на риск в поисках лучших решений и идеалов в науке, морали, религии, искусстве, образовании, политике.

(12) Гегелевское (сходное с ним) недоверие к традиционным для западной философии различениям и противопоставлениям — якобы изначально присущим человеческому мышлению и «встроенным» в структуру философской аргументации дуализмам: реальность — явление, знание — действие, теория — наблюдение, факты — ценности, частное — общее, субъект — объект, разум — чувства и т. д.

2. Полагаю, термины «социальная практика» и «язык», взятые вместе, точно передают центральную мотивацию позднего прагматизма, возникновение которого связано с так называемым «лингвистическим поворотом» в англо-американской аналитической философии.

3. Способен ли современный прагматизм «примирить» аналитическую и континентальную философии? Не берусь утверждать определенно. Во всяком случае, он мог бы содействовать их сближению и диалогу. Ведь изначально прагматизм опирался как на британский эмпиризм, из которого выросла нынешняя «аналитическая» философия, так и на немецкий идеализм, послуживший источником философии «континентальной». С учетом данного обстоятельства (если моя оценка верна) у прагматизма есть шанс стать именно тем, чем его всегда считал Уильям Джеймс: мировоззрением, которое объединяет и синтезирует, приводит к балансу и выступает посредником.

Джон Макдермотт

(Техасский университет A&M, США)

1. В США прагматизм оказался узурпирован философами, представляющими аналитическое направление. Их можно по-разному называть — «поздними» прагматистами или как-то иначе. Сути дела это не меняет.

2. Метафора опыта, центральная для прагматизма Джеймса и Дьюи, заменена метафорой языка. В одном из сборников, посвященном современному прагматизму, в качестве утративших значение предшественников упоминаются Сандра Розенталь, Ричард Бернштейн и Джон Макдермотт.

3. Здесь в США противостояние аналитической и континентальной традиций является настолько же политическим вопросом, насколько философским. Даже *скорее* политическим, чем философским. Отгораживаясь от мира, мы защищаем свое академическое «болото». Стена, отделяющая англо-американскую философию от европейской, прочна как никогда. Не стоит поэтому удивляться, что две традиции так непохожи. Континентальная вся пропитана философским эросом, но язык ее настолько самодовлеющ, эзотеричен и перегружен неологизмами, что мышление ему конгруэнтное совершенно утрачивает «прагматическую чувствительность» (pragmatic sensibility). Язык же аналитической философии скуден, сух и, так сказать, незротичен. Среди моих знакомых есть несколько мыслителей, считающих, что прагматизм в состоянии преодолеть разрыв между этими двумя типами философствования. Я так не думаю.

Войцех Малецки

(Вроцлавский университет, Польша)

1. Оставив в стороне вопрос о возможности или корректности рассуждений о якобы существующем (или существовавшем) «аутентичном» прагматизме, я определенно соглашусь с тем, что современные разновидности прагматизма часто выглядят совершенно иначе, чем классические его версии. Несмотря на это, я полагаю, что есть нечто общее для всех классических прагматистов, что сохраняется неизменным и у большинства философов, причисляемых (либо причисляющих себя) к прагматистам. Это общее — философская установка, которую Б. Рассел неодобрительно называл «космической непочтительностью», Ф. К.С. Шиллер — «гуманизмом», а Р. Рорти — «антиавторитаризмом». С точки зрения прагматизма не существует иного источника нормативности, кроме человека и его случайных исторических практик: мы подчиняемся нормам, поскольку они устанавливаются социальными практиками, в которых мы сами участвуем. Мы, люди, ответственны только перед самими собой, а не перед чем-то «потусторонним» (something out there) — Реальностью, Мировым разумом или Богом. Наверняка многие распознают в этих формулировках отголоски суждений Рорти и Брэндома, но я повторяю, что считаю указанный взгляд присущим, в той или иной степени, всем прагматистам, которых и в самом деле можно назвать «космически непочтительными» философами.

Однако, в отличие от Шиллера или Ричарда Бернстайна, который писал о прагматизме как «глубинном гуманизме», я бы воздержался от подобных характеристик, неизбежно ассоциируемых с представлением о человеческой исключительности — точкой зрения, категорически неприемлемой для прагматиста. Нет никаких оснований считать, что нормативные социальные практики доступны лишь нашему виду. Вместо этого следует допустить возможность существования и других

существ, схожих с нами в указанном отношении. Таковую возможность очевидным образом признает Ричард Рорти, когда рассуждает, например, о гуманоидах, роботах и компьютерах, вступающих в нормативный дискурс. Думаю, будет разумно в этом вопросе следовать Рорти.

Что касается истории прагматизма и ее уроков, то самым важным из них является, на мой взгляд, парадоксальный вывод о том, что лучшими поборниками какой-либо философской доктрины чаще всего оказываются люди, которые отнюдь не стремятся быть ее «выразителями» и ортодоксальными проponentами. Конечно, эта идея не новая («Вы должны потерять меня и найти себя, — наставлял учеников ницшевский Заратустра, — и только когда вы все отречетесь от меня, я вернусь к вам»), просто история американского прагматизма замечательно ее иллюстрирует¹. Кто из современных философов внес большой вклад в развитие прагматизма, в привлечение к нему новых сторонников, в том числе тех, которые прежде имели достаточно смутное или искаженное о нем представление? Кто из прагматистов сильнее повлиял на современную философию (какую-либо из ее субдисциплин), другие области знания? Имена этих мыслителей хорошо известны: Ричард Рорти, Роберт Брэндом, Хилари Патнэм, Филипп Китчер, Корнел Уэст, Ричард Шустерман².

Мало кого из перечисленных авторов, если судить по их высказываниям и опубликованным текстам, интересовала судьба прагматизма как философской традиции. Они не стремились к тому, чтобы развивать прагматизм ради самого прагматизма, а рассматривали его в качестве инструмента, пригодного для решения определенных проблем. Объектом их философского интереса были *проблемы*, а не традиция, теоретическим арсеналом которой они пользовались весьма изобретательно и свободно. Их прагматизм, конечно, отличается от прагматизма Джеймса, Пирса и Дьюи, однако он, наверняка, более фило-

---

¹ Подробнее об этом я рассуждаю в первой главе своей книги «Embodying Pragmatism: Richard Shusterman's Philosophy and Literary Theory» (N.Y.: Peter Lang, 2010).

² О Шустермане и его вкладе в философию, эстетику и другие области знания см.: *Malecki W. Practicing Pragmatist Aesthetics: Critical Perspectives on the Arts*. Amsterdam; N.Y.: Rodopi, 2014.

софски полезен, чем было бы в случае, если бы они пожелали остояться верными эпигонами классиков.

Имеет значение и то обстоятельство, что большинство философов, о которых я говорю, принадлежит, так или иначе, к аналитической традиции. Во-первых, из всех современных философских традиций и школ аналитическая философия наиболее сциентистская и, следовательно, больше других ориентирована на решение концептуальных проблем. Во-вторых, аналитико-прагматистам доступен специальный инструментарий современной аналитической философии, с которым ресурсный потенциал неоклассического прагматизма, конечно, не идет ни в какое сравнение. Это важно, поскольку имеющиеся в распоряжении аналитиков инструменты позволяют двигать философию вперед; значит, и у аналитических прагматистов больше возможностей двигать вперед философию прагматизма. Собственно, они прекрасно справляются с этим. Всякий раз, читая Брэндома или Хью Прайса, я убеждаюсь как в масштабности и амбициозности их философских замыслов, так и в теоретической основательности всего, что они делают.

Конечно, все это неожиданно, ведь прагматизм, как нам хорошо известно, в принципе не приемлет узкой специализации и дисциплинарной обособленности, столь характерных для современной аналитической философии, многочисленные сегменты которой организованы вокруг отдельных групп проблем и методов. Однако если специализация оказалась действенной стратегией практически во всех областях научных исследований, почему она не должна работать в философии?

Не поймите меня превратно. Я вовсе не хочу сказать, что все сделанное аналитическими прагматистами оригинально и ценно. Это определенно не так. Я также не утверждаю, что в других направлениях современного прагматизма нет проблемно-ориентированных исследований и оригинальных идей, которые могли бы оказаться полезными. Определенно такие исследования и такие идеи имеются. Я уже упоминал Корнела Уэста как одного из наиболее влиятельных прагматистов, а Уэст не является аналитическим философом и никогда им не был. Что касается более современных фигур, то я бы выделил Шеннон Салливан и Эрин Маккенна с их исключительно интерес-

ными и глубокими *неаналитическими* исследованиями расового вопроса и ряда других актуальных проблем.

Наконец, я не разделяю мнение тех, кто считает бесполезной или избыточной реактуализацию классиков прагматизма и кто не видит практического смысла в выяснении того, что действительно хотели сказать Дьюи, Пирс или Джеймс (а также в сопоставлении идей современных философов с воззрениями их предшественников). Безусловно, такого рода исследования нужны; они бывают и важными, и продуктивными. Однако *только* их недостаточно, чтобы прагматизм как проект оставался по-настоящему жизненным и привлекательным для профессиональных философов, а также представителей других академических дисциплин.

2. Думаю, ключевым понятием современного прагматизма является *социальная практика*. Оно, если можно так выразиться, «перекрывает» все существующие различия и несогласия между прагматистами, а также близкими к ним философами. Конечно, главный водораздел в прагматизме проходит сейчас между теми, кто, апеллируя к классикам, акцентирует проблематику опыта, и сторонниками лингвистического поворота¹. Поэтому утверждение, что социальная практика находится в центре внимания прагматистов XXI в., справедливо только в самом общем — скорее, статистическом — смысле. Чтобы составить более полное представление о ситуации, надо иметь в виду, что для больших групп философов-прагматистов не менее важным, чем социальная практика, является либо опыт (в широком его понимании), либо язык.

3. Моей первой реакцией на третий вопрос интервью было недоумение. Поразмыслив, я пришел к выводу, что он сформулирован не самым удачным образом. «Противостояние» или «спор» возможны лишь при наличии разногласий по конкретным вопросам, однако не существует конкретных вопросов или группы проблем, по которым аналитическая и континентальная

---

¹ См.: *Malecki W.* Von Nicht-Diskursiver Erfahrung Zur Somästhetik. Richard Shusterman über Dewey und Rorty // *Deutsche Zeitschrift Für Philosophie*. 2008. Vol. 56. № 5. P. 677–690.

философии расходились бы. И первая, и вторая представляют собой не философские школы или конгломераты доктрин, но, скорее, традиции мысли, каждая из которых определяется сетью семейных сходств и общностью методологических принципов, стилей письма и архивов. Не существует никакого *определенного* взгляда аналитических или континентальных философов на ту или иную проблему. Соответственно, им не о чем спорить друг с другом. Скорее, имеет смысл говорить о «пропасти» или «расколе» между двумя традициями.

Действительно, начиная с восьмидесятых годов прошлого века в США и Европе обсуждается возможная роль прагматизма в преодолении континентально-аналитического раскола. Утверждается, что прагматизм не принадлежит ни аналитической, ни континентальной традиции, не опирается на основные методы ни одной из них, но свободно использует те и другие, а его стиль не является ни научным, ни литературным. Более того, некоторые его современные представители, такие как Рорти, Патнэм и Брэндом, черпают и из аналитических, и из континентальных источников, цитируя Хайдеггера и Витгенштейна, Деррида и Дэвидсона, Фреге и Гадамера. Таковы основные аргументы, приводимые теми, кто с 1980-х гг. отстаивает идею о посреднической миссии прагматизма. Однако к этой идее, как мне кажется, следует относиться с большой долей скепсиса именно потому, что она была выдвинута давно, а никаких практических результатов мы до сих пор не увидели. Никто из мыслителей с обеих сторон пока не прибег к прагматизму как посреднику в диалоге.

Этому есть по крайней мере два объяснения. Первое связано с самим представлением о некоторой традиции или доктрине как посреднике между другими («противоборствующими») традициями — своего рода мосте, перекинутом через разделяющую их пропасть. Мост позволяет вам перебраться с одного берега на другой, но не побуждает сделать это. Чтобы пересечь пропасть, вам нужна какая-то мотивация. Если прагматизм — такой мост *и не более*, его недостаточно для действительной интеграции двух традиций. Необходимо, чтобы аналитические и континентальные философы *захотели* пойти друг другу навстречу.

Один из недавних примеров, подтверждающих сказанное, связан с осознанием континентальными философами узко-антропоцентрической направленности их интеллектуальной традиции. Некоторые европейские мыслители начали поиск теоретических средств, позволяющих преодолеть данное ограничение, а в силу того, что, за немногими известными исключениями, они не могли обнаружить этих ресурсов в собственной философской традиции, им ничего не оставалось, как прибегнуть к аналитической философии. В работах современных европейских исследователей, посвященных проблемам экологической философии, биоэтики или этики обращения с животными, постоянно встречаются ссылки на Питера Сингера, Томаса Нагеля или Стэнли Кавелла.

Можно привести и другие примеры сближения двух традиций без какого-либо участия или влияния со стороны прагматизма. Вторая (полагаю, решающая) причина его невостребованности в качестве «интегратора» заключается в том, что прагматизм не является теоретически не заряженной (*innocent*) философией. Как я уже говорил, все прагматисты придерживаются определенного взгляда на мир, стоят на позициях *анти-авторитаризма*. Приверженность этой теоретической установке делает прагматизм чем-то большим, чем методологическая традиция, — школой мысли. Тому, кто захочет воспользоваться «мостом» прагматизма, придется принять его предпосылки, образно выражаясь, заплатить философскую пошлину, на что согласится не каждый. Вот почему я не стал бы связывать с прагматизмом перспективы сближения аналитической и континентальной традиций. Впрочем, я признаю, что определенной философской «разрядке» через смягчение существующих противоречий между философами-аналитиками и континенталами прагматизм, с учетом его положения *intermedium*, мог бы способствовать.

Стивен Малуа

(Университет Лойола Мэримаунт, США)

1. Уильям Джеймс определял прагматический метод как интеллектуальную установку (*attitude*), которая «заставляет мыслителя отворачиваться от всякого рода абстракций, принципов, первых вещей, “категорий”, мнимых необходимостей и обращаться к фактическому, последним вещам, практическим результатам»¹. Различные версии современного прагматизма продолжают и развивают эту традицию фокусирования на *результатах*, идет ли речь о мышлении или поведении. Одной из таких версий является риторический прагматизм, в центре внимания которого — лингвистический опыт. Последний включает в себя, во-первых, употребление языка в повседневной жизни, и во-вторых, применение обыденного языка в современных философских и гуманитаристских дебатах, его, так сказать, теоретическое приложение. Имея в виду эти два направления, практическое и теоретическое, риторический прагматизм в своих философско-лингвистических штудиях опирается на наследие прагматистской классики и традиций риторики, начиная с поздних софистов и заканчивая постструктуралистской теорией и критическими исследованиями культуры.

Будучи, таким образом, прямым продолжателем и «преемником» прагматизма классического, риторический прагматизм обращается к У. Джеймсу, Дж. Дьюи, Ч.С. Пирсу и особенно Ф.К.С. Шиллеру, выделяя риторические аспекты их философских концепций. Внимание к Шиллеру не случайно: в конце XIX — начале XX в. распространение и влияние прагматизма не ограничивалось Америкой, он пользовался признанием и в Европе, на что справедливо указывал Джеймс в предисловии к изданному в 1907 г. «Прагматизму». Трансатлантическая

---

¹ James W. Pragmatism // The Works of William James. Vol. 1 / Ed. by F.H. Burkhardt, F. Bowers, I.K. Skrupskelis. Cambridge: Harvard University Press, 1975. P. 32.

«родословная» прагматизма дает основание полагать, что предпринимаемые его современными сторонниками усилия по налаживанию отношений между аналитической и континентальной философией принесут плоды. Особенно перспективной здесь представляется стратегия риторического прагматизма, а именно способ концептуализации опыта в терминах социальных практик, в том числе практик использования символов (symbol-using). Инструментарий риторического прагматизма также весьма эффективен в специальных исследованиях коммуникативных процессов и публичных дебатов различных уровней — местного, национального и международного. Вне зависимости от области приложения, будь то академический философский дискурс, социальная коммуникация или медиа-сфера, риторический прагматизм твердо держится линии консеквенциализма, заданной классиками традиции — метода всестороннего рассмотрения «практических следствий» человеческих действий, желаний и верований.

Сарин Маркетти

(Римский университет Ла Сапиенца, Италия)

1. Как и в случае с другими философскими направлениями, зародившимися в конце XIX в. (наиболее показательные примеры — феноменология и аналитическая философия), развитие прагматизма сопровождалось постоянными спорами о его идентичности, попытками самоопределения, принимавшими форму теоретических манифестов и деклараций, и напряженной работой — как самих философов-прагматистов, так и исследователей и популяризаторов их творчества — по историческому осмыслению традиции, выстраиванию ее «родословных» и поиску союзников среди близких по духу философских течений. Противоречия и конфликты интерпретаций, как теоретические, так и генеалогические, являются неотъемлемой частью прагматизма со времен Пирса и Джеймса, которые тоже внесли свой вклад в этот запутанный, но увлекательный семейный роман.

Итак, одна из черт прагматизма, характерная для всех его фаз, — это заинтересованно-критическое отношение к собственной традиции, проявляющееся в творческом переосмыслении достигнутых результатов и постановке новых задач. Впрочем, как уже сказано, это свойственно многим течениям современной мысли, возникшим после крушения великих систем и традиций классической философии — традиций, в рамках которых преемственность обеспечивалась напрямую, в процессе обучения последователей у предшественников и усвоения первыми философских идей вторых. Нет ничего удивительного в том, что Дьюи и Брэндом, Джеймс и Прайс, Дьюба и Патнэм, Пирс и Куайн, Аддамс и Китчер, К.И. Льюис и Рорти сильно отличаются друг от друга и по стилю философствования, и по содержанию идей, а также по метафизическим установкам и теоретическим (или анти-теоретическим) предпочтениям. Но все они, принадлежа к традиции прагматизма, составили ее честь и славу. Сказать о ком-либо из них, что он является праг-

матистом *par excellence* или заслуживает так называться, не значит просто навесить ярлык.

Общим для всех философов прагматистской ориентации было и остается признание первичности практики (широко понимаемой). Хотя само это понятие — *praxis* — ставилось под сомнение и «дезауировалось» разными направлениями мысли, в том числе близкими к прагматизму (достаточно вспомнить критическую теорию и экзистенциализм, особенно в их марксистских и постмарксистских версиях), сфера практического всегда находилась в центре внимания прагматистов, как ранних, так и поздних. В зависимости от того, какой аспект практической деятельности выбирался в качестве приоритетного и какая метафилософская перспектива бралась за основу, практика понималась: как критерий истинности знания и осмысленности утверждений, как категория опыта в целом или только языкового опыта, как то, чем занимается преимущественно эпистемология или преимущественно этика, как имеющее отношение к теории или к терапии, как форма познания внешнего мира и (или) самопознания, как измерение нашей концептуальной реальности или часть независимой от человеческого сознания действительности, наконец, как руководящая цель и мотив философствования. Примечательно, что эти различные интерпретации иногда присутствуют у одного и того же автора или даже в одном и том же произведении, что свидетельствует о многоаспектности и полисемичности концепта, разными философами по-разному «обналичиваемого».

Итак, если из истории прагматизма можно извлечь какой-нибудь полезный урок, то он заключается в следующем: никакого американского прагматизма в единственном числе не существует, а существует много прагматизмов — множество самобытных авторов и оригинальных текстов, которые пересекаются, резонируют друг с другом, нередко вступают друг с другом в спор в общем стремлении лучше понять философию, которой привержены, и содействовать ее развитию, сплоченно или порознь.

2. Чтобы ответить на второй вопрос, который представляется мне далеко не тривиальным, необходимо, прежде всего, дать рабочее определение «позднего прагматизма»: ответ будет

одним или другим в зависимости от выбранного нами критерия периодизации. Если под поздним, или современным, прагматизмом понимать все, что связано с философией Ричарда Рорти после публикации в 1979 г. его знаковой книги «Философия и зеркало природы» (что обычно и имеют в виду, когда говорят о современном прагматизме), ответом будет «социальная практика». В особенности это справедливо по отношению к философам, так или иначе воспринявшим идеи зрелого Рорти (позитивно или негативно) и пытающимся либо продвинуть его неопрагматистский проект (Брэндом, Прайс), либо развенчать его (Хаак, Мисак), но всегда с целью нахождения альтернативы той достаточно неожиданной тенденции реактуализации метафизического мышления, которую мы наблюдаем в последнее время. Благодаря «Зеркалу» Рорти прагматизм вернулся на академическую сцену США в облике, соответствующем новому философскому климату. Фактически он воспринимался как противоядие не столько от реализма в широком смысле (поэтому его нельзя считать релятивистской философией), сколько от определенной его разновидности — метафизического реализма (*и одновременно* метафизического релятивизма). Акцент на социальных практиках, языковых и эмпирических, основанных на опыте (*experiential*), был результатом попытки перенести бремя нормативности и осмысленности с реального или желаемого (отвечающего нашим представлениям о должностующем быть) положения вещей на наши обязательства и правомочные притязания (*commitments and entitlements*) в мире социального взаимодействия и общения. В этом смысле реальность, которая имеет значение, — это реальность норм, которые мы признаем и закрепляем, участвуя в социальных процессах, определяющих и трансформирующих наше миро- и самосознание.

С другой стороны, многие философы-прагматисты изрядно увязли в обсуждении пресловутой дихотомии «*опыт — язык*», заостряя различия и часто неоправданно затемняя преемственность между классическим «прагматизмом опыта» и современным «лингвистическим» прагматизмом. В свете сказанного представляют интерес исследования Колина Купмана, одного из тех, кто пытается преодолеть это противоре-

ставление двух прагматизмов, «первой волны» и «второй волны», демонстрируя возможности и теоретический арсенал «прагматизма практики», интерпретируя, однако, эту «третью волну» не как более поздний тренд, а скорее как возврат к некоторым интуициям «первого» и «второго» прагматизмов¹. Приоритизация социальных практик имеет ряд преимуществ. Во-первых, прагматизм «третьей волны» фактически берет все лучшее от первых двух «волн» прагматизма, обращаясь к идее трансформативной действенности (*transformative engagement*) как промежуточного (*luminal*) критерия истинности наших идей и концепций. Во-вторых, отдавая приоритет практике по сравнению с опытом и языком, мы избегаем риска метафизической характеристики того и другого — опыта (редукция к непосредственно данному) и языка (лингвизм) — и указываем на то, что *переживание опыта и говорение являются прежде всего действиями, которые мы производим*.

Этот поворот к праксису может быть важен и для проявления отношений прагматизма с двумя философскими традициями: континентальной (сфокусированной на опыте) и аналитической (акцентирующей язык). Как только мы начинаем рассматривать опыт и язык как инструменты, с которыми мы экспериментируем, чтобы справляться с реальностью (а не копировать ее) — даже если порой мы заинтересованы именно в «копировании» как одной из форм *деятельности*, — разделение между прагматизмом, тяготеющим к континентальной философии, и прагматизмом аналитически ориентированным начинает утрачивать свое теоретическое и историческое значение, а часто не замечаемые и не артикулируемые, но существенные для философии связи идей начинают привлекать внимание и становятся объектом заинтересованного исследования.

3. Что касается улаживания «метафизических» (читай: философских) споров, которые могут вестись бесконечно и, что хуже, без пользы для дела, то в этом Джеймс, действительно,

---

¹ См. его провокативную и очень популярную работу «Pragmatism as Transition: Historicity and Hope in James, Dewey, and Rorty» (N.Y.: Columbia University Press, 2009).

видел одну из двух задач прагматизма, понимаемого как метод; другая задача — разработка прагматистской концепции (*не* теории) истины. Добрую половину своего философского манифеста 1907 г. Джеймс посвятил тому, чтобы показать прагматизм в действии, в его практическом, так сказать, приложении, а также проследить историю, близкую и далекую, становления прагматизма, его спорадических проявлений и нечаянных обнаружений в западной (и не только) философии. Интересно отметить, что это не закрытый список, не законченная картина, а своего рода набросок перспектив и возможностей прагматизма как направления мысли, которое Джеймс призывал развивать, расширять, наполнять новым содержанием. Пертурбации прагматизма отражают историю долгих и не всегда плодотворных усилий такого рода.

Найти способ урегулирования всем порядком надоевшего спора двух философских традиций — так называемой аналитической и так называемой континентальной — действительно, амбициозная задача для прагматизма. В этом направлении уже предпринимались попытки, выдвигались гипотезы, предлагались разные варианты решений. Лучшими примерами здесь могут служить работы Хилари Патнэма и Ричарда Рорти, к которым я бы добавил еще Ричарда Бернстайна, подвергнутого критике общераспространенные (но зачастую сомнительные, если не сказать большего) представления о самом континентально-аналитическом «расколе» и высказавшего ряд соображений о возможности его преодоления на путях прагматизма. В материалах, вошедших в первый том редактируемого мною совместно с Марией Баграмян двухтомника, посвященного как раз этой теме¹, показана история продуктивного взаимодействия прагматизма с аналитической и континентальной традициями.

Если все вышесказанное о многообразии прагматизмов не лишено оснований, то попытаюсь понять, как прагматистский метод «работает» (например, применительно к дихотомии аналитического и синтетического), мы должны прежде всего решить,

---

¹ Pragmatism and the European Traditions: Encounters with Analytic Philosophy and Phenomenology before the Great Divide / Ed. by M. Baghramian, S. Marchetti. L.; N.Y.: Routledge, 2017.

каких прагматистов рассматривать. Их было много — тех, кто искал пути разрешения или «снятия» философских противоречий, о которых мы говорим. И до, и после великого раскола 1930-х гг. (со всеми его дальнейшими вариациями и трансформациями) философы-прагматисты неоднократно пытались играть роль посредников между аналитической и континентальной мыслью — либо доказывая, что представители обоих лагерей участвуют в одном и том же философском сражении, только пользуются разными языками и ставят разные цели, либо демонстрируя, что их несовпадающие интенции и интеллектуальные установки можно сделать понятными и даже оправданными для противоположной стороны, если свести их к практическим следствиям. Поэтому на вопрос о роли прагматизма в трансатлантическом философском противостоянии не может быть дан один общий ответ. Тем не менее я убежден, что прагматизм (как исторически, так и теоретически) играл и играет определенную позитивную роль в урегулировании этого искусственно созданного и подогреваемого конфликта.

Более конкретно, прагматизм может показывать, что представители аналитической и континентальной традиций одинаково апеллируют к практике, только по-разному понимаемой. Последнее не удивительно, ведь даже *внутри* каждого лагеря нет единства в вопросе о практике: вспомним, как философия обыденного языка, бихевиоризм и энактивизм (со стороны аналитической философии) или Хайдеггер, Хабермас и Фуко (со стороны континентальной философии) расходились в трактовках *praxis*'а. Прагматизм мог бы стать *lingua franca*, который позволил бы если не примирить аналитическую и континентальную философии (это целиком зависит от самих аналитических и континентальных философов), то хотя бы сделать их понятнее друг для друга, чтобы каждая из философских традиций видела в другой действительную альтернативу, а не собрание заблуждений и ересей. Неслучайно мы часто слышим о «прагматических аспектах» аналитической или континентальной философии. Уже это дает основание говорить о возможности некоей конвергенции, согласованного движения к общему языку, если не общей цели. Прагматизм здесь выступает посредником и примирителем. Это, так сказать, «внешняя»

роль, которую он играет (вернее, мог бы играть) в диалоге традиций.

Другая, «внутренняя» роль прагматизма заключается (могла бы заключаться) в подспудном влиянии, пусть контингентном и ограниченном, на повестки аналитической и континентальной философии, в перенацеливании их на обсуждение широкого спектра жизненно важных и *практически* значимых, а не только теоретических (эпистемологических, метафизических) вопросов. Нужно напоминать философам обеих традиций, что независимо от того, каких авторов и какие тексты они признают каноническими, философия, за которую они ратуют, должна отвечать потребностям практики, как интеллектуальной, так и жизненной. Осознание этого было движущей силой американского прагматизма, классического и современного, понимаемого как метод сведения философских различий к практическим следствиям, из них вытекающим. В данном случае прагматизм было бы правильно рассматривать не как третий путь, лежащий между аналитической и континентальной философиями (или уводящий куда-то в сторону), а как связующее звено между ними. Благодаря методу прагматизма, с которым Джеймс в свое время связывал перспективу «улаживания» спора эмпиризма с рационализмом, мы получаем возможность, как минимум, разобраться, что сближает аналитическую и континентальную философии, а что их разделяет.

Мишель Марсоне

(Университет Генуи, Италия)

1. О преимуществах свидетельствует тот факт, что и старые и новые прагматисты настаивают на первичности практики. Современный прагматизм испытывает определенное влияние аналитической философии, не всегда разделяя, однако, ее обостренного интереса к лингвистической проблематике.

2. Для прагматистов важны и опыт, и социальная практика. До некоторой степени и язык — когда подчеркивается его социальное измерение.

3. Мы должны быть признательны прагматистам за демонстрацию того, что разногласия между аналитической и континентальной мыслью представляют собой случайное недоразумение и в конечном счете не стоят выеденного яйца. В этом отношении прагматизм играл и продолжает играть позитивную роль. Достаточно вспомнить философа, одинаково почитаемого континентами и аналитиками — Дональда Дэвидсона с его прагматистскими интуициями.

Шерил Мисак

(Университет Торонто, Канада)

1. Я принадлежу к тем исследователям, кто пытается привнести интуиции классического прагматизма в современный прагматизм. Как мне представляется, прагматизм конца XX — XXI в. — по крайней мере частично — близок к оригинальной версии (или версиям), а история всей традиции может многому нас научить. Трудно найти лучшее выражение прагматистской теории истины, чем в работах Пирса (если читать его достаточно аккуратно). Размышления Дьюи об условиях научного исследования (*the conditions for inquiry*) и демократии сохраняют свое значение поныне, равно как и эмпиризм Джеймса, его концепция опыта.

2. «Поздние» прагматисты вроде меня считают, что альфой и омегой прагматизма, его, так сказать, движущей силой является опыт.

3. Существуют глубокие, но малоизученные концептуальные связи между теориями восприятия Пирса, с одной стороны, и Мерло-Понти и Левинаса — с другой. В методологическом отношении пирсовская фанероскопия имеет на удивление много общего с феноменологией. Это — одно из направлений, двигаясь по которому можно было бы если не снять противостояние двух философий, аналитической и континентальной, то попытаться немного сблизить их.

Александр Мишура

(НИУ «Высшая школа экономики», Россия)

3. Прагматизм, даже если бы хотел, не мог бы сыграть никакой полезной роли в улаживании реального или мнимого противостояния между англо-американской и континентальной традициями. Во-первых, и по своему стилю, и по методу он представляется значительно более близким к первой, чем ко второй. В этой связи можно было бы говорить скорее о конфликте аналитической и прагматистской традиций с континентальной. Во-вторых, улаживание спора «по линии» прагматизма или «через» прагматизм означало бы, что у нас больше нет континентальной и аналитической традиций, а есть одна большая прагматистская. В-третьих, не понятно, в чем могла бы состоять прагматическая заинтересованность аналитической школы в «примирении» или сближении с континентальной традицией, учитывая сохраняющееся и усиливающееся институциональное доминирование первой в крупнейших центрах современного образования.

Людвиг Нагль

(Венский университет, Австрия)

1. Постулат о «примате практического над теоретическим» связывает различные версии и модификации прагматизма и в конечном счете обеспечивает глубокую «преемственность» между прагматистской и неопрагматистской мыслью. Спустя несколько десятилетий после рождения американского прагматизма логические эмпиристы и философы-аналитики, представлявшие тогдашний академический мейнстрим, начали понемногу критиковать классических прагматистов за их слишком «мягкий» недогматичный подход к науке¹. Со временем эта критика усилилась. Однако неопрагматисты второй половины XX в., такие как Р. Рорти, Х. Патнэм и Р. Брэндом, сумели инкорпорировать (отчасти) современный лингвистический анализ в свои сложные, ориентированные на действие модели реальности (главным образом, как у Рорти и Патнэма, за счет прагматистской реинтерпретации позднего Витгенштейна), тем самым творчески развить прагматизм, оградив его от соблазнов научного редуционизма. В случае с Брэндомом и его «инференциализмом» это стало возможным благодаря возвращению к «корням прагматизма в немецком идеализме»².

2. Понятие *социальной практики* как лингвистически (или, в терминологии Пирса, «знаково») опосредованного «опыта» лежит, как я полагаю, в основе современного — развитого — прагматизма (точнее, прагматизмов). Социально ориентированный «гуманистический» подход Дьюи существенно повлиял на неопрагматистскую философию «надежды» Рорти. Эта

---

¹ См.: *Depew D., Hollinger R. General Introduction // Pragmatism: From Progressivism to Postmodernism / Ed. by R. Hollinger, D. Depew. Westport: Praeger, 1995. P. XV.*

² *Brandom R. Perspectives on Pragmatism: Classical, Recent, and Contemporary. Cambridge: Harvard University Press, 2011. P. 32.*

программа открыта для дальнейших интерпретаций и спецификаций в духе Джеймса (и Патнэма) — для прагматического погружения в *опыт конечности* (*experiences of finitude*) и позитивного переосмысления религии, ее «возможности» в так называемую «секулярную эпоху».

3. В первой лоуэллской лекции о прагматизме Джеймс выражает надежду, что разногласия между «жестким» и «мягким» философскими темпераментами могут быть сняты с помощью нового постметафизического подхода, цель которого — анализ человеческой практики. «Я предлагаю, — говорит он, — прагматизм... как ту философию, которая вполне отвечает требованиям обоих типов мыслителей. Прагматизм способен оставаться религиозным, подобно всем рационализмам, но в то же время, подобно эмпирическим системам, может сохранять неразрывную связь с фактами»¹. Как работает этот специфический метод Джеймс продемонстрировал в «Многообразии религиозного опыта» — исследовании, которое не только серьезно повлияло на Витгенштейна, но и по сей день привлекает интерес большинства постаналитических философов религии (Р.Б. Гудмена, С. Пилстрёма, Ч. Тейлора, Х. Йоаса). Говоря в более общем плане, то, что Рорти написал в 1982 году во «Введении» к «Следствиям прагматизма», звучит убедительно и сегодня: в конце диалектического пути, по которому движется аналитическая философия, склоняющаяся к «постепенной “прагматизации” изначальных установок логического позитивизма», а также в конце пути, которым следует континентальная философия деконструктивистски-фельетонного типа, представленная мыслителями вроде Фуко и Делёза, нас «поджидают прагматисты — Джеймс и Дьюи»². И действительно, сегодня — например, в философии Брэндома — понимание реальности, вдохновленное Дьюи и Рорти, снова бросает вызов более узким, сциентистским, концепциям реализма, а в постконтинентальном дискурсе вдохновленные прагматизмом гер-

¹ James W. Pragmatism // The Works of William James. Vol. 1 / Ed. by F. Bowers, I.K. Skrupskelis. Cambridge: Harvard University Press, 1975. P. 23.

² Rorty R. Consequences of Pragmatism. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1982. P. XVIII.

меневтические мыслители, такие как Йоас и Тейлор, находят интересные способы обращения к Джеймсу в поисках новых возможностей апелляции к «трансцендентному» в «секулярном» контексте. Как только философская мысль отвлекается от догматических формул и «традиционных» проблем, экспериментально-исследовательский подход к человеческой практике, культивируемый прагматизмом, вступает в свои права, завоевывая всеобщее внимание и признание.

Роберт Невилл

(Бостонский университет, США)

1. Со времен Пирса, Джеймса и Дьюи прагматизм развивался по нескольким направлениям. Пожалуй, наибольшее влияние в США приобрел неопрагматизм Ричарда Рорти, Дональда Дэвидсона и их последователей. В Европе популярна прагматистская семиотика. Редакторы собрания сочинений Пирса, Чарльз Хартсхорн и Пол Вайс, отрицают «лингвистический поворот» и выдвигают свои метафизические версии прагматизма. Афроамериканские мыслители, такие как Виктор Андерсон и Эдди Глауд, используют прагматизм в этике. Кроме того, прагматизм играет важную роль в компаративистской философии Дэвида Холла, Роджера Эймса и Джозефа Гранжа. Сам я, бывший студент Пола Вайса и Джона Смита, отношу себя к метафизическому типу «палеопрагматистов».

2. Для неопрагматистов начало всего — язык. Для афроамериканской и принстонской этики это социальная практика. Для метафизиков, таких как Джордж Аллан, Фредерик Ферре, Джозеф Гранж и я, а также прагматистов компаративистского направления, это опыт.

3. В то время как аналитические и континентальные философы продвигают различные версии лингвистического поворота или трансцендентализма, палеопрагматисты твердо держатся натуралистической ориентации. Мне кажется, это правильный путь, позволяющий обойти тенета философского субъективизма.

Хайме Нубиола

(Университет Наварры, Испания)

1. Американский прагматизм обычно рассматривался европейскими философами как провинциальное явление, нечто находящееся за пределами основного течения философии. В нем видели *специфически американский* способ рассуждения о познании и истине, побочный по отношению к общей дискуссии. Как отмечал Рорти, хотя профессиональные философы в Европе и изучают Дэвидсона и Куайна, «они отвергают предположение о том, что эти современные мыслители имеют в основе своей общую точку зрения с американскими философами, писавшими свои работы до так называемого лингвистического поворота»¹. Сегодня становится все более ясным, что существовала непрерывная последовательность в развитии мысли от Чарльза Пирса к Уилларду Куайну, Уилфриду Селларсу, Хилари Патнэму и т. д. и что эта традиция, как подметил Бернштейн, «не только подвергает сомнению типичное для картезианства обращение к последним основаниям, но и намечает контуры альтернативного понимания научного знания, лишенного таких оснований»². Недавнее возрождение американского прагматизма делает особенно актуальной попытку осмысления сложных и интересных взаимоотношений между прагматистской философской традицией и европейской мыслью на протяжении всего XX в. и до сегодняшнего дня.

Безраздельное доминирование аналитической традиции в англо-американском мире во второй половине прошлого века сказалось на пренебрежении историей мысли. Впрочем, как писал Патнэм в 1997 г., «длительное господство идеи, согласно которой “философия — это одно, а история философии —

---

¹ Rorty R. Pragmatism as Anti-Representationalism // Pragmatism from Peirce to Davidson / Ed. by J.P. Murphy. Boulder: Westview Press, 1990. P. 1.

² Bernstein R. Beyond Objectivism and Relativism: Science, Hermeneutics, and Praxis. Oxford: Blackwell, 1983. P. 71–72.

другое”, приходит к концу»¹. Этому «возвратному движению» мысли, обращению к «старой доброй философии» способствовало не только открытие непрерывной прагматистской традиции, берущей начало в гарвардских дебатах между Ройсом и Джеймсом (а также в работах Пирса и Дьюи) и процветающей ныне, но и детальное историческое исследование обстоятельств и последствий проникновения прагматизма в Европу.

В первом десятилетии прошлого века картина была совершенно иной. На Всемирном философском конгрессе 1908 г. в Гейдельберге прагматизм находился в центре всеобщего заинтересованного внимания². С ростом популярности логического эмпиризма в 1920-х гг. он стал исчезать с философской сцены, как будто исчерпав свой творческий потенциал. Распад Венского кружка и Вторая мировая война перенесли центр философских дискуссий из Европы в Соединенные Штаты. По моему мнению, это «переселение» европейского позитивизма оказалось успешным в значительной степени благодаря общей прагматистской направленности американской академической философии в предыдущие десятилетия. В 50-е гг. аналитическая философия в лице европейских *émigrés* захватила философские факультеты американских университетов. При этом вне поля зрения, за редким исключением, оставалась глубокая близость аналитической философии и прагматистской традиции. Не только обсуждаемые философами проблемы и отстаиваемые идеи были схожими; оба движения, исходя из широкой философской перспективы, разделяли общие цели и общие взгляды на отношения между философией и наукой и на то, какими должны быть задачи и методы исследования.

2. Все три термина — «опыт», «социальная практика» и «язык» — важны для понимания основной мотивации праг-

---

¹ Putnam H. A Half Century of Philosophy, Viewed From Within // *Daedalus*. 1997. Vol. 126. № 1. P. 200.

² См.: Nubiola J. Pragmatism in the European Scene: The Heidelberg International Congress of Philosophy, 1908 // *Rivista di Storia Della Filosofia*. 2017. Vol. 72. № 3. P. 339–355; Bericht über den III. Internationalen Kongress für Philosophie zu Heidelberg 1. bis 5. September 1908 / Ed. T. Elsenhans. Heidelberg: Carl Winter, 1909.

матизма. Если бы мне пришлось выбирать между ними, я бы, скорее всего, выделил *опыт* как более общий и базовый по сравнению с *языком* и *социальной практикой*. Позволю себе сказать прямо: прагматизм не является ни философией языка, ни социальной теорией, он является методом, который можно плодотворно использовать в обеих областях исследования. Вспомним метафору Папини о коридоре, соединяющем номера в гостинице, — удачное сравнение, которое так понравилось Джеймсу: «Прагматизм... расположен посреди многих теорий, подобно гостиничному коридору, из которого сотни дверей ведут в сотни комнат. В одной вы найдете человека, пишущего атеистический трактат; в другой кто-то молится на коленях о подании веры и силы; в третьей — химик исследует свойство тел; в четвертой — обдумывается какая-нибудь система идеалистической метафизики; в пятой — доказывается невозможность метафизики. Но коридор принадлежит всем; все должны пользоваться им, если желают иметь удобный путь, чтобы выходить и заходить в свои комнаты»¹.

Опыт является источником всего нашего знания, начиная с того, что дает нам здравый смысл, и заканчивая новейшими открытиями передовых наук. Я люблю вспоминать сформулированное Пирсом определение науки как коллективного исследования истины ради самой истины, осуществляемого сообществом искусных в обращении с определенными инструментами исследователей, обученных особым способам *восприятия* или особому образу мышления. С точки зрения Пирса, «наука не развивается посредством революций, войн или катаклизмов, но посредством сотрудничества, когда каждый исследователь опирается на достижения своих предшественников и включает свою собственную работу в единое с уже достигнутым целое» (СР 2.157). Наука есть образ жизни, ремесло, передаваемое от наставников ученикам.

---

¹ James W. Pragmatism: A New Name for Some Old Ways of Thinking. N.Y.: Longman's, Green & Co, 1907. P. 21–22. См. также: James W.G. Papini and the Pragmatist Movement in Italy // Journal of Philosophy, Psychology and Scientific Methods. 1906. Vol. 3. № 13. P. 339.

Истинным двигателем наук и интеллектуального знания является, поэтому, коммуникация, а не революция. Коммуникация между членами научного сообщества необходима для тщательного исследования доказательств и оценки полученных результатов. Не существует какого-то алгоритма или абсолютно надежного метода нахождения истины или удостоверения в том, что мы обладаем ей. Истина и знание — по крайней мере в естественных науках — располагаются на уровне не индивидуального исследователя, но сообщества¹. Причем Пирс считал, что полноценное и жизнеспособное научное сообщество должно походить скорее на большую дружную семью, чем на парламентскую ассамблею, участники которой яростно полемизируют друг с другом, прибегая к сокрушительным аргументам. «Всякая наука, обладающая специальным названием, специальным журналом и специальным обществом, действительные члены коего заняты изучением одной группы фактов, ассоциированы друг с другом и хорошо друг друга понимают, — образует то, что я называю семьей» (CP 1.238). Сообщество ученых, каким оно виделось Пирсу, является — во всяком случае, *в идеале* — эмоциональным сообществом (*an affective community*). Реальная научная практика в этом отношении выглядит, увы, иначе.

Второй важный момент — поощрение междисциплинарных связей: «Одной из наиболее примечательных особенностей научной жизни является то, что изучающий один предмет получает помощь от изучающих остальные»². Дело не только в том, что «в ближайшие годы лучшие позиции в науке будут заняты теми, кто преуспеет в применении методов одной дисциплины в сфере другой» (CP 7.66). Гораздо существеннее, что новое знание создается там, где высока интенсивность коммуникации между учеными, представляющими разные направления исследований.

---

¹ См.: Ransdell J. Sciences as Communicational Communities // Arisbe. November 1998. URL: <http://www.iupui.edu/~arisbe/menu/library/aboutcsp/ransdell/physics.htm>

² Historical Perspectives on Peirce's Logic of Science: A History of Science. Vols. 1–2 / Ed. by C. Eisele. Berlin: Mouton, 1985. P. 805.

3. В последние годы увеличилось количество работ, авторы которых интерпретируют прагматизм и аналитическую философию как две разновидности одной философской парадигмы. С моей точки зрения, мыслителем, чьи идеи лучше всего укладываются в эту схему интерпретации, был основатель прагматизма Чарльз С. Пирс (1839–1914), сыгравший, по точной оценке К.-О. Апеля, решающую роль в семиотической трансформации трансцендентальной философии в аналитическую. Такой взгляд на интеллектуальную историю США позволяет увидеть и оценить непрерывную традицию мысли, начинающуюся с Пирса, Джеймса и Дьюи и достигающую кульминации в работах Куайна, Патнэма и Рорти¹. Все чаще ставится под сомнение представление о «разрыве» аналитической философии с прагматизмом; нынешнее возрождение прагматизма свидетельствует как раз о том, что между двумя направлениями существует преемственность.

Интеллектуальная история минувшего столетия довольно запутана. Можно согласиться с тем, что подъем логического позитивизма в Америке после Второй мировой войны привел к почти полному исчезновению прагматизма с философской сцены. Сциентизм, как он понимался идеологами Венского кружка и их последователями, стал доминировать в философской культуре начиная с 1950-х гг., превратившись в материалистический реализм, претендующий на всеведение, слепо верящий в прогресс человеческого разума и его способность окончательным образом — в обозримом будущем — объяснить все проблемы. В противоположность этому оптимизму, постмодернистская мысль, получившая широкое распространение и признание в конце XX в., колебалась между двумя «искажающими» (с точки зрения позитивистов) описаниями науки: как структуры власти и как специфической разновидности литературы. Наличие обоих подходов заметно на многих уровнях нашей культуры, представляющей собой странную амальгаму из вульгарного прагматизма, научного фундаментализма и литературного скептицизма.

---

¹ См.: *Putnam H. Realism with a Human Face*. Cambridge: Harvard University Press, 1990. P. 267.

Мне кажется, не будет преувеличением сказать, что сегодня разум находится под угрозой. Деяния современных политиков и бизнесменов не отличаются разумностью. Столь же далеки от нее, по всей видимости, реальные практики наших коллег-ученых. На нас, философах — тех, кого Гуссерль называл «служителями человечества» — лежит серьезная ответственность перед согражданами, которую мы должны сознавать, как в полной мере сознавал ее афинянин Сократ. Занимаясь своим делом, мы не только передаем философское знание следующим поколениям, но и поддерживаем пламя интеллектуальной свободы и честности — пламя полноценной жизни человеческих существ. Приведу цитату из Хилари Патнэма, которая на протяжении многих лет служит мне ориентиром в философской работе: «Идея о том, что теоретические и практические аспекты философии зависят друг от друга, мне представляется очень верной и я стараюсь ее защищать. Дьюи как-то заметил: “Философия обретает себя, когда перестает быть инструментом исследования сугубо философских проблем и становится методом, культивируемым философами, предназначенным для исследования и решения проблем человеческих”. Я полагаю, что философские и человеческие проблемы связаны между собой, и одна из задач ответственной философии состоит в выявлении этой связи»¹.

Философия не является — и не может быть — лишь академическим упражнением: она инструмент рационального (критического) исследования и улучшения человеческой жизни. В мире, столь далеком от совершенства, как наш, философия, закрывающая глаза на человеческие проблемы, была бы невольной роскошью.

Возрождение прагматизма, одним из зримых свидетельств которого является нынешний конгресс в Москве², привлекает внимание к усилению известного настроения среди интеллектуалов, *новой чувствительности* (new sensibility), свойственной тем, кто разочаровался в пустых обещаниях сциентистского

---

¹ Harlan J. Interview with Hilary Putnam // Harvard Review of Philosophy. Spring 1992. P. 22.

² 150 лет прагматизма. История и современность (30–31 октября 2018 г., Москва, Институт философии РАН).

прогрессизма, но не утратил позитивной надежды на будущее и не оставил попыток, в соответствии с лучшими философскими традициями, приблизить его наступление¹. Отличительная черта этого нового настроения — интерес к коммуникативным практикам, позволяющим наводить мосты между культурами и традициями. Мне думается, что вдохновленные молодые интеллектуалы из европейских стран, хорошо знакомые с континентальной и прагматистской традициями, могут сыграть ключевую роль в преодолении всего косного, консервативного и изжитого в аналитической и континентальной философиях, которые, несмотря на явные признаки увядания, еще занимают господствующее положение в Европе. Все в наших руках. Прагматизм — именно то, что нужно Европе сегодня!

---

¹ *Rorty R. Philosophy and the Future // Rorty and Pragmatism / Ed. by H.J. Saatkamp. Nashville: Vanderbilt University Press, 1995. P. 198.*

Питер Окс

(Виргинский университет, США)

1. Джон Э. Смит как-то раз, выступая перед студентами в 1970-е гг., заметил, что существует, вероятно, столько же прагматизмов, сколько философов-прагматистов. Почти все американские прагматисты были противниками отвлеченного философствования и редукционистских методов, практикуемых академической профессурой, однако их представления о том, какой *должна* быть профессиональная философия, различались, и порой кардинально. Смит был привержен классическому прагматизму (в лице Пирса, Дьюи, Джеймса и Ройса), многообразию которого он был обязан внутренним динамизмом и гибкостью собственных философских воззрений. А вот к творчеству прагматистов с приставкой «нео-», отбросивших важнейшие постулаты (key tenets) прагматизма классического, Смит был куда менее благосклонен. Я назову эти постулаты и кратко охарактеризую их, опираясь на исследования Смита и тех современных прагматистов, которые разделяют его классический подход, таких как Ричард Бернстайн, Джон Дили и Дуглас Андерсон. Основополагающие постулаты философского прагматизма, вернее, прагматистского этоса сродни тем базовым убеждениям (верованиям), которые Пирс называл «исходными» (original): это не какие-то строго определенные рациональные принципы и эпистемологические правила или онтологические утверждения, но просто *привычки* нашего разума, интеллектуальные габитусы, незримо связанные друг с другом и находящиеся в постоянном развитии. Они могут быть представлены только эскизно, схвачены и описаны в самых общих чертах, раскрыты *per se* не напрямую, а через указание на их последствия. Эти последствия включают структуризацию самого прагматизма, образование внутри него различных союзов единомышленников и фракций, а также определенные социальные и интеллектуальные процессы, фиксируемые дискурсивно, устно и письменно: контекстуально-специфицируемые высказывания о мире, о других высказываниях и о привычных способах рассуждения и исследо-

вания (*habits of inquiry*), таких как прагматистские способы. К числу этих высказываний принадлежат и мои утверждения о прагматизме и его истории. Тезисы, которые я предлагаю, суть констатации, они вполне определены и недвусмысленны, но прагматистские постулаты/габитусы таковыми (определенными и однозначными) *не* являются.

Принципы классического прагматизма. В целом прагматизм — ранний и поздний — представляет собой философскую критику характерной для современной академии привычки отделять гуманитарные, социальные и естественные науки от таких важных форм социально-ответственной гражданской активности, как: (а) содействие функционированию и, по мере необходимости, реорганизации политических и социальных институтов (правительств, образовательных учреждений, клиник и т. д.); (б) реагирование на общественные потребности и запросы, которыми могут быть обусловлены и социально оправданы академические исследования. Классики прагматизма считали, что в сложившейся неудовлетворительной ситуации повинна прежде всего университетская философия, поскольку одной из ее задач (как представлялось Пирсу) является борьба с академическим изоляционизмом. Прагматизм настаивает на том, что организованная наука, философия в особенности, должна быть социально и политически ангажированной.

Говорить, что философия не выполняет своей функции, можно как минимум в трех случаях: (1) если она пытается эксплицировать научные предпосылки (*assumptions*), игнорируя слабые стороны и проблемные зоны той дисциплины, которой она занимается (работа философа приобретает тогда фундаменталистский окрас); (2) если она снимает с себя ответственность за состояние дел в академии, уклоняется от *служения* наукам; (3) если философия, примечая изъяны науки, стремится их исправлять, однако не располагает достаточными ресурсами для экспликации ее предпосылок. Пирсу казалось, что прагматизм позволяет решить все три проблемы: он отвергает бинарную логику, ведущую к первой ошибке; устанавливает императив, предупреждающий вторую ошибку; санкционирует нормативную логику, предотвращающую третью ошибку. Дьюи предлагал аналогичную критику, но в других терминах.

Ключевые принципы прагматизма актуализируются в методах, применяемых прагматистами при оценке (корректировке) практик философского или связанных с ним научных исследований:

- Задачей философов (а также представителей родственных дисциплин — психологии, социологии, лингвистики, логики науки) является выработка и предложение контролируемых способов исправления ситуации в академической сфере — в тех случаях, когда социальные обязательства, возлагаемые на ученых, не выполняются. Задачей философов-прагматистов является рекомендация контролируемых способов исправления философских практик, не отвечающих вышеозначенным требованиям и оказывающихся функционально бесполезными (не способствующими оздоровлению ситуации в академии).
- Явным — и наиболее общим — свидетельством несоответствия философской практики данным требованиям и ее неспособности корригироваться служат признаки бинарного рассуждения.
- Явным — и наиболее общим — свидетельством того, что философия в состоянии выполнять корригирующую функцию, служат признаки небинарного (обыкновенно, триадического и экзистенциального) рассуждения.
- Существуют формальные процедуры для распознавания признаков бинарного или небинарного рассуждения. Ими являются процедуры построения формальных диаграмм имманентной логики теоретика (в терминах Пирса, *logica utens* — моделей рассуждения, присущих мыслителю, его аргументации и письму). Среди Пирсовых процедур была его семиотика, логика относительных единиц (*relatives*), логика неопределенности vs. всеобщности и экзистенциальные графы. Чарльз Моррис и позже Пол Грайс расширили семиотику до прагматики (не-семантической семиотики перформативного дискурса или речевых актов)¹. Уильям Джеймс, в свою очередь, избегал формального анализа,

---

¹ См., напр.: *Morris C. Signs, Language and Behavior*. N.Y.: George Braziller, 1946; *Grice P. Studies in the Way of Words*. Cambridge: Harvard University Press, 1989.

лишь его принципы психологии были формализованы. Формальные процедуры Дьюи (например, его логика исследования) были менее строгими и квазиматематическими, нежели процедуры Пирса. Квантовую механику Гейзенберга (и сопутствующую ей матричную математику) я бы также отнес к важным ресурсам диаграмматического анализа небинарных процессов. Следует еще упомянуть многозначную логику Яна Лукасевича; теорию нечетких множеств; теоремы Гёделя о неполноте и связанные с ними логические исследования¹. Далее, назову некоторые более ранние источники: это логическое учение стоиков (в частности, процедуры моделирования *lekta*), последующая августиновская трансформация логики стоиков в прототип для триадической семиотики (см. “De Trinitate”), а также детально разработанная и изящная семиотическая система Дж. Пуансо (см. переводы и комментарии Джона Дили).

- Имеются также неформальные способы (процедуры) идентификации бинарного/небинарного дискурса. Например, Пирс доказывал, что суждения, в которых пропущена или нечетко выражена интерпретанта, являются вероятными признаками бинарного рассуждения. Для Дьюи такими признаками были предпринимаемые философами (индивидуально или коллективно) попытки достижения эпистемологической и метафизической «достоверности»²; для Августина — само-референция и само-референциальное поведение; для Гейзенберга — попытки исключения или рационализации условий неопределенности, вероятности или дополнительности. Рорти и Брэндом образцами бинарного рассуждения признают репрезентационалистские проекты.

---

¹ См.: *Łukasiewicz J. Selected Works* / Ed. by L. Borkowski. Amsterdam: North-Holland, 1970. P. 86; *Łukasiewicz D. On Jan Łukasiewicz's Many-valued Logic and His Criticism of Determinism* // *Philosophia Scientiae*. 2011. Vol. 15. № 2. P. 7–20; *Quine W. From a Logical Point of View*. Cambridge: Harvard University Press, 1980; *Sellars W. Empiricism and the Philosophy of Mind*. Cambridge: Harvard University Press, 1997.

² См.: *Dewey J. The Quest for Certainty*. N.Y.: Putnam's Sons, 1929.

- *Методологическими* признаками бинарного либо небинарного рассуждений являются интерпретативные каркасы исследования или лингвистические модели, задействуемые отдельным мыслителем или научным сообществом: они латентны, но обнаруживаются и диаграмматизируются при помощи любой из формальных процедур (методик), практикуемых прагматистами. На одном из этапов своей работы Пирс обозначал как *методологию* или *методевтику* логическую дисциплину, которая изучает «правильные способы организации и ведения исследования» (MS¹: 606, р. 17). С этой точки зрения прагматизм Пирса может быть охарактеризован как субдисциплина методевтики, целью которой является экспликация (*per hypothesis*) интерпретативных каркасов философов, злоупотребляющих бинарными суждениями. Вместо простой критики таких суждений как ложных или необоснованных, прагматисты могут предложить способы их не-бинарной формулировки и проверки².

Несколько слов о сходствах и различиях «раннего» и «позднего» прагматизмов. Рассмотрим два варианта современного «аналитического прагматизма». Неопрагматизм Ричарда Рорти экзогенен прагматизму классическому, если верно мое описание последнего. Дискуссии между классическим прагматизмом и аналитическим прагматизмом Рорти могут служить образовательным и исследовательским, но не практическим целям: они не в помощь прагматическому сообществу профессиональных философов, заботой которых является совершенствование академических практик. Аналитический прагматизм Роберта Брэндома может вполне продуктивно взаимодействовать с исследовательским сообществом Рорти, но его взаимодействие с сообществами классического прагматического исследования, скорее всего, будет носить академический/позна-

---

¹ Неопубликованные рукописи Пирса (нумерация по аннотированному каталогу Р. Робина).

² Обратите внимание на то, что в 1867–1868 гг. Пирс именно в таком духе критиковал картезианские утверждения как ложные и необоснованные. В 1877–1878 гг. он уже не ограничивается критикой, а представляет свой прагматизм как положительную альтернативу бинарному стилю мышления.

вательный, но не практический/перформативный характер. Теперь о классическом прагматизме. Мы можем описывать мыслителей, верных (в той или иной степени) классическим принципам, как специалистов в различных подразделах (субдисциплинах) прагматического исследования, вносящих свой вклад в коллективную работу философского сообщества. В этом смысле коллективная работа является основой прагматического исследования, так как ни один индивидуальный мыслитель или социальный агент не может быть носителем всего объема требуемых для такого исследования специальных знаний и интеллектуальных навыков. Как показано Пирсом и Дьюи, прагматическое исследование является задачей сообщества или команды, что предполагает соответствующее разделение труда. Этот принцип может выглядеть сомнительно для мыслителей, придерживающихся последовательного инференциализма, — но не для сообществ исследователей, в которых инференциалисты и операционалисты работают бок о бок. Он обеспечивает возможность краткосрочной координации интеллектуальных усилий без поиска окончательного концептуального согласия — поиска, неизбежно ослабляющего динамическое разделение труда исследователей-прагматистов. Такие локализованные по времени и месту сообщества и проекты, вне всяких сомнений, должны выигрывать от разделения труда между сторонниками Пирса, Дьюи, Джеймса, Августина, Пуансо, Гейзенберга и многих других мыслителей, приверженных классическим (прагматистским) принципам. Я надеюсь, что последователи Рорти и Брэндома захотели бы вступить в такие сообщества и проекты.

Рэндалл Оксьер

(Университет Южного Иллинойса, США)

1. От прагматизма классического к современному может быть проведено множество линий, однако даже ранний прагматизм трудно назвать чем-то единым или монолитным. Едва термин вошел в оборот, возникли серьезные разногласия относительно того, что следует понимать под «прагматизмом». В 1908-м (всего год спустя после выхода в свет книги Джеймса «Прагматизм: новое название для некоторых старых методов мышления») Артур Лавджой насчитал ни много ни мало тринадцать разновидностей прагматизма. Развернулась целая дискуссия на эту тему, в которой, в числе прочих, принял участие Джон Элоф Будин с любопытнейшей статьей «Что такое прагматизм и чем он не является» (1909). Сегодня мы ничуть не приблизились к разрешению этого спора, так что могут возникнуть сомнения в релевантности самого термина «прагматизм» и целесообразности его сохранения. Однако я полагаю, что имеется хотя и широкий, но вполне определенный круг идей, теоретических и практических установок, которые могут быть названы прагматистскими. В этом отношении «прагматизм» можно сравнить с «феноменологией», «идеализмом» или «материализмом». Мы вправе пользоваться привычным термином, наполняя его конкретным содержанием и не слишком заботясь о том, как все это будет воспринято нашими оппонентами или потенциальными единомышленниками.

В центре внимания философов-прагматистов всегда оставалась проблема номинализма. Позиция крайних номиналистов Рорти и Брэндома не приемлется теми, кто склоняется к утвердительному ответу на вопрос о «реальности» универсалий и обобщений. Вполне очевидно, что в (нео-)прагматизме конца XX–XXI в. преобладает номинализм, однако не будем забывать, что он культивировался и ранними джеймсианцами. Думаю, для прагматизма как направления мысли в целом характерен

номиналистический крен — это один из уроков, которые можно извлечь из новейшей истории американской философии. Конечно, ничто не мешает вам исповедовать номинализм, будучи прагматистом, надо только иметь в виду, что прагматизм изначально противостоял этой тенденции. Лично я не считаю номинализм философски полезным, но это точка зрения меньшинства.

2. Начиная с Рорти, ключевым понятием для прагматизма в США является «язык», а в Европе — «социальная практика». Теория «опыта» — предмет преимущественного интереса прагматистов старшего поколения (Пирса, Джеймса, Дьюи, а также, возможно, К.И. Льюиса). Это отличие в расстановке акцентов исключительно важно. Терминология раннего прагматизма сближала его с идеализмом и радикальным эмпиризмом. Лингвистические же прагматисты больше интересуются языковыми играми, а конструкционисты — проблематикой власти. Обращение к опыту и различным его аспектам ближе к тому роду деятельности, что принято называть «философией». Должны ли мы, как прагматисты, отказаться от прошлого и устремиться в языковое будущее, — вопрос дискуссионный. Боюсь, эта тенденция в перспективе возобладает. Конструкционистская линия несколько отличается от лингвистической. Руссо как-то заметил, что обсуждение политики — любимое занятие тех, кто лишен власти, но мечтает ее обрести. Это высказывание дает ключ к пониманию социальной практики. Нужно верить в силу власти, в ее реальность, чтобы как-то воздействовать на ход событий и менять мир к лучшему. Фаталист не может долго оставаться прагматистом (кажется, Аласдер Макинтайр называл Дьюи «экзистенциалистом прерий»). Суммируя, я бы сказал так: к практическим вещам современные прагматисты имеют скорее теоретический, нежели практический интерес, что вполне в духе конструкционизма. Теория социальной практики (а не деятельность (*praxis*), рассматриваемая в качестве нормативной) — все, что им нужно.

3. Дьюи утверждал, что самые острые философские споры не столько «решаются», сколько отбрасываются философами, как только перестают занимать их. Противостояние между

аналитической и континентальной традициями исчезнет тогда, когда оно всем наскучит. Очевидно, это уже начинает происходить. По справедливому замечанию Артура Данто, люди, занимающиеся философией, настроены в последнее время не столь доктринерски, как на заре его профессиональной карьеры в конце 1950-х гг. Думаю, мы стали более гибкими и независимыми от наших предшественников, чьи дискуссии утомляют нас. Существует мнение, что прагматизм набирает влияние. Если так, его приверженцев не должно волновать углубляющееся разделение между «аналитическим» и «континентальным». Я нахожу эти категории удушающими, а символы веры обеих квазирелигий философски неинтересными. Меня как философа, считающего себя прагматистом, всегда привлекали люди, знакомые с интеллектуальным наследием самых разных традиций и культур. У людей с ограниченным кругом чтения ограниченное мышление. Таких «профессионалов» я стараюсь обходить стороной. Рорти был абсолютно прав, когда утверждал, что подлинные, оригинальные мыслители чаще встречаются среди «сильных поэтов», далеких от академического пуризма. Философия в США слишком медленно адаптируется к стремительным изменениям интеллектуального климата, это меня особенно беспокоит. Считаю, что дисциплина находится в упадке, и упадок может быть необратимым. Как философия, открытая миру и шагающая в ногу со временем, а не как догматическое учение, «прагматизм» может оказаться полезен. К сожалению, большинство тех, кто называет себя «прагматистом» сегодня, в действительности настроены антипрагматично и даже враждебно по отношению к философам, которые пытаются что-то изменить внутри академии и за ее пределами.

Сами Пилстрём

(Университет Хельсинки, Финляндия)

1. Думаю, можно говорить как о последовательности и определенном континуитете в развитии прагматизма, так и о заметных разрывах. Безусловно, с момента появления прагматизма и до настоящего дня сохраняется преобладание ключевого для всего направления акцента на практической релевантности и действенности наших понятий, идей и теорий, даже тех, которые, казалось бы, наименее связаны с практикой. С другой стороны, культурный контекст, в котором работали классики прагматизма, значительно отличается от нынешнего контекста. К примеру, вопросы о демократии, о религии и науке, о смысле (или смыслах) человеческого существования ставятся и обсуждаются в современной философии иначе, чем это было в конце XIX в. Но как и тогда, прагматизм сегодня предлагает интересные решения этих проблем.

2. Термины «опыт», «социальная практика» и «язык» отражают многогранность и гетерогенность современного прагматизма. Есть философы, которых можно назвать лингвистическими прагматистами (последователи Рорти и Брэндома), чье понимание языка, однако, социально-практически обусловлено, т. е. связано с социальными практиками. Другие — исследователи классического прагматизма — предлагают не акцентировать проблематику языка, а вернуться к опыту. Каждая из этих тенденций должна учитываться нами, когда мы говорим о современном состоянии прагматизма и перспективах его развития.

3. Что понимается под «расколом» между аналитической и континентальной традициями, не совсем ясно. Мы имеем дело, по всей видимости, не с каким-то одним философским конфликтом, а с пучком проблем и более-менее значимых про-

тиворечий. В той мере, в какой предметом разногласий выступает методология философии — скорее, наши представления о способах рассуждения, нежели конкретные аргументы и утверждения, — прагматизм может оказаться полезен в прояснении позиций сторон, хотя о «разрешении» споров говорить не приходится. К тому же речь в данном случае не идет о *метафизическом* споре, «улаживанию» которого, по мысли Джеймса, мог бы способствовать прагматический метод. Как бы то ни было, я убежден, что прагматизм отлично подходит для поиска срединного пути между аналитической философией и континентальной.

Джон Райдер

(Американский университет Мальты, США)

1. Прежде всего хотелось бы подчеркнуть, что какого-то единственного «современного прагматизма» не существует. Еще сто лет назад Артур Лавджой написал небезызвестный памфлет о «тринадцати прагматизмах», имея в виду многообразие философских подходов, кроющихся под этим именем. На самом деле, разногласия были и раньше: уже Пирс изъяснял недовольство тем, как то же понятие использовал Джеймс. Сегодня положение дел существенно не изменилось, и посему вопрос о непрерывности традиции остается весьма непростым.

Среди современных версий прагматизма, пожалуй, наименее тесно связано с традицией то, что принято называть «аналитическим прагматизмом». Впрочем, не стоит преувеличивать значение сказанного, ибо некоторые из авторитетных философов первой величины, справедливо причисляемых к указанной группе прагматистов, прекрасно ориентировались в традиции и с должным тактом обращались к ней всякий раз, когда это было уместно. Как яркий пример такого философа вспоминается Хилари Патнэм, который не смущался заимствовать мысли у Пирса и в одной из бесед признавшийся (цитирую по памяти): «Всякий раз как мне приходит в голову какая-то новая и интересная мысль, я обнаруживаю, что Джеймс уже размышлял об этом».

Итак, Патнэм — по-видимому, глубже, чем большинство аналитических философов-прагматистов, — усвоил прагматическую традицию. Однако даже в этом случае между аналитической философией — если позволить себе такое обобщение — и традиционным прагматизмом сохраняется значительное различие как в самом духе, так и в стиле философствования. Иной раз от философов-аналитиков можно слышать, что аналитическое направление привнесло в философию точность, ясность и логическую строгость, а значит, повысило достовер-

ность теорий и тем самым сделало шаг вперед по сравнению с иными философскими традициями. С точки зрения традиционного прагматизма, однако, подобное представление влечет за собой две трудности. Во-первых, оно исходит из молчаливого предположения о том, что традиционная философия страдала заметным дефицитом ясности, точности и строгости, а это в лучшем случае сомнительная посылка. Часто недостаток ясности или строгости объясняется скорее особенностями отдельного автора, нежели принадлежностью его к той или иной традиции мысли. Во-вторых, аналитическая философия слишком сильно разошлась с традиционным прагматизмом, и как следствие многое из того, что было по-настоящему ценным в нем (или считалось таковым), оказалось для нее утрачено. Говоря о расхождениях между этими направлениями, стоит упомянуть два аспекта. Первое: нацеленность аналитических процедур на соблюдение точности, прежде всего точности в постановке проблем и их анализе, заставляет аналитических философов, пусть и непреднамеренно, сужать фокус своих исследований, что зачастую ведет к искажению самого предмета. Иначе говоря, стремление к точности оказывается причиной того, что за пределами исследования остаются нюансы, пренебрежение которыми недопустимо. К числу наиболее примечательных парадоксов такого рода относится тот факт, что в погоне за точной дефиницией проблемы либо предмета строгий анализ, как правило, норовит оставить в стороне вопрос об отношениях, в то время как именно отношения — на чем настаивали все традиционные прагматисты — имеют решающее значение для понимания предмета всякого исследования. Концентрируя в исследовании внимание на точности, мы незаметно для себя можем упустить кое-что из того, чем определяется самый предмет исследования. В таких случаях точность ведет не к ясности, но к таящейся под личиной ясности путанице.

Второй аспект расхождений аналитического прагматизма с прагматизмом традиционным состоит в тенденции аналитиков не принимать в расчет то положение традиционного прагматизма, громче всего прозвучавшее в трудах Джеймса и Дьюи, согласно которому философия — это проект, устремленный в будущее. Классики прагматизма придавали этому тезису двоякий

смысл. Во-первых, эпистемология прагматизма, как правило, имеет дело не с условиями возможности или истинности знания, но с действенностью, результативностью знания (истины) — как теоретической, так и практической. Во-вторых, для традиционных прагматистов ценность идеи определяется тем, какие изменения она привносит в нашу жизнь, в мышление, в социальный уклад и т. д. Сюда же относится и исключительно важная идея Джеймса о том, что будущее индетерминировано и что наше мышление, не менее чем наши действия, способствует тому, что индетерминированное, неопределенное будущее становится определенным. Стоит пренебречь этими чертами традиционного прагматизма, и встает вопрос: можно ли тогда вообще говорить о прагматизме в сколько-нибудь полноценном смысле?

Другая форма современного прагматизма — неопрагматизм Ричарда Рорти. Здесь многое сохранилось от традиции, особенно в том, что касается вышеуказанных ключевых аспектов, и прежде всего — понимания исторической и ситуационной обусловленности философского познания. Рорти считал исключительно важной и такую упомянутую мной черту прагматизма, как устремленность в будущее, иначе говоря, признание того, что оценка наших идей в значительной степени зависит от изменений, которые они вызывают. Рорти, однако, отошел от традиции, пренебрегши философским исследованием теоретических основ этих идей. Джеймс полагал, что если мы уделяем должное внимание контексту, в который включен предмет исследования, равно как и отношениям предмета к другим элементам этого контекста, то нам необходимо вдумчиво и обстоятельно изучить вопрос о том, как надлежит понимать данные отношения. Если мы не удосужились провести такое исследование, наши идеи покоятся на произвольных основаниях. Иными словами, решающее значение имеет теоретическая достоверность (*conceptual plausibility*), когерентность, а также применимость идеи. Дьюи придерживался того же подхода к пониманию знания, логики, опыта и природы. Рорти и его последователи все это отвергают, лишая философию прагматизма теоретической глубины и содержательности.

К третьему ответвлению современного прагматизма относятся философы, целиком опирающиеся на традицию и стре-

мящиеся использовать ее инструментарий. Одним из вариантов такого традиционализма является заимствование идей американского натурализма, который иногда называют колумбийским натурализмом в знак признания ведущей роли философов Колумбийского университета с 1910 по 1960 г., и соединение их с традиционным прагматизмом, в результате чего возникает направление, известное под именем прагматического натурализма. Мы видим также множество попыток применить идеи Пирса, Джеймса, Дьюи, Аддамс, Мида и др. непосредственно к современным проблемам в области этики, социальной и политической теории, феминизма, экологической философии, равно как и при обсуждении более отвлеченных вопросов. Исходное допущение состоит в том, что философские идеи, выдвинутые ранними прагматистами, достаточно богаты, чтобы оправдать дальнейшую их разработку. С этой точки зрения аналитические прагматисты и последователи Рорти — какими бы ни были их достижения в прошлом и настоящем, — допускают очевидную ошибку, если считают, что традиция исчерпала теоретический потенциал.

В свойственной прагматизму манере, тем не менее, заметим: лучшее доказательство пудинга — его поедание.

2. Вопрос о ключевом понятии прагматизма, опять-таки, не имеет какого-то универсального ответа. Все зависит от того, кого из современных философов-прагматистов мы рассматриваем в первую очередь. Если сопоставить три альтернативных концепта, предложенных в вопросе, с тремя формами прагматизма, о которых речь шла выше, то можно говорить о главенстве языка у аналитических прагматистов, социальной практики у рортианцев и опыта у традиционалистов. Однако сколь бы стройной ни выглядела такая схема, она была бы грубым упрощением.

Прискорбно, что некоторые современные прагматисты отказываются признавать значение опыта как предмета, представляющего философский интерес. Учение Дьюи о реляционной транзакции индивида с окружающим миром как принципе интерпретации опыта находит отклик во многих современных работах по философии сознания и когнитивных исследовани-

ях. Более того, подобный подход к человеческому опыту, особенно когда становится ясно, что изучение опыта предполагает обращение к философской антропологии, позволяет лучше понять и объяснить многие аспекты нашей жизни. Например, то, что познание (cognition) занимает в нашем опыте значительно большее место и имеет более богатую природу, чем мы склонны думать; что роль эстетики в опыте, как отмечал Дьюи, недооценена и недоизучена, а роль языка, какой бы важной она ни была, напротив, преувеличена; что значение энактивного действия в опыте в полной мере не уяснено и заслуживает специального исследования, и т. д. Джеймс, Дьюи и другие прагматисты пришли к пониманию того, что многие из традиционных философских проблем, обсуждавшихся прежде и обсуждаемых ныне, определяются тем, как люди, индивидуально или коллективно, осуществляют синтез наших субъективных миров с внешним миром посредством транзакции, которая и есть опыт. Целенаправленное и скрупулезное изучение этой транзакции, или опыта, все еще может иметь философскую ценность.

3. Прежде всего следует отметить, что разногласия между аналитической и континентальной философией никому не под силу уладить до тех пор, пока значительное число адептов обоих направлений не захочет, чтобы они были улажены. Покуда одни считают, что другие заблуждаются фатально и безнадежно, противостояние обречено продолжаться.

И все же прагматизму есть что предложить современным философам, ищущим способ преодоления континентально-аналитического раскола. Эта цель оказывается достижимой, особенно для традиционных прагматистов, в силу того, что сами они не являются участниками конфликта. Коль скоро мы — если мне позволено говорить от первого лица — не принадлежим ни к одному из воюющих лагерей, нам проще, чем другим, черпать из любых источников, в том числе из аналитической и континентальной философии, равно как из буддистской, индуистской, исламской, томистской, аристотелевской и иных традиций, лишь бы это шло во благо нашего дела. Хорошей иллюстрацией могла бы служить философская пробле-

матика опыта и ее обсуждение. Так, в вопросе о природе сознания, и особенно воплощенного сознания, который является частным случаем общей теории опыта прагматического натурализма, Мерло-Понти будет не менее ценным источником, чем любой из современных аналитических философов (не столь простодушных, чтобы ставить знак равенства между «я» и сознанием, с одной стороны, и мозгом — с другой). Никому не дано знать, откуда придет следующая — философски ценная идея, и нам нет резона отсекаать себя от любого из возможных источников. Пока прагматисты сохраняют своего рода нейтралитет, не позволяя втянуть себя в пустой и бесплодный спор между философскими «стилями», у них больше шансов принести пользу философскому сообществу — помочь ему преодолеть внутреннюю вражду.

Николас Решер

(Питтсбургский университет, США)

1. Можно ли говорить о преемственности в развитии американского прагматизма? Да, можно, но это преемственность через критику. Каждый философ-прагматист пытался исправить идеи своих предшественников, скорректировать их. Джеймс «исправлял» Пирса, Дьюи — Джеймса и т. д.

Чему учит история прагматизма? Тому, что философия обычно развивается как диалектическая последовательность доктрин: *тезис — критическая реакция — реакция на критическую реакцию*.

2. Какое из трех понятий — «опыт», «социальная практика» или «язык» — является ключевым для прагматизма? Высказываются различные мнения на сей счет. Современные прагматисты весьма далеки от консенсуса в этом вопросе. Наверное, самым общим ответом будет «социальная практика», ведь когнитивный опыт выражается с помощью языка, а языковая коммуникация представляет собой социальную практику.

Впрочем, можно взглянуть на проблему иначе, задавшись вопросом, что именно — жизненная практика (*life-praxis*) или деятельность мышления (*cognitive praxis*) — является приоритетным объектом для философии. Но поскольку человек существо размышляющее, руководствующееся в своих действиях убеждениями, эти позиции не могут быть разделены. Большинство прагматистов придерживается холистического подхода к решению данной проблемы.

3. Идея «улаживания философского спора» двусмысленна: она может подразумевать как разрешение спорной проблемы конкретным философом, так и преодоление разногласий через достижение консенсуса внутри философского сообщества. В первом смысле улаживание споров не только возможно, но и реально. Во втором случае это недостижимая утопия.

Хенрик Риденфельт

(Университет Оулу, Финляндия)

1. Часто высказывается мнение, что некоторые известные современные прагматисты недостаточно основательны, — в том смысле, что они не так хорошо разбираются в философской классике, как могли бы. Это отчасти справедливо. Многие из нас, вдохновленных ранним — классическим — прагматизмом, иногда разочаровываются, видя, как нынешние прагматисты сражаются с проблемами, которые (по нашему мнению) классики уже разрешили, казалось бы, ко всеобщему удовлетворению. Однако этот негативизм по отношению к современным тенденциям не вполне уместен. Ведь не существует какой-то определенной доктрины или методологической установки, которых необходимо придерживаться, чтобы числиться прагматистом. (То же самое, впрочем, можно сказать сегодня о любой другой философской традиции. Современные «аналитические» философы, например, не обязаны во всем соглашаться с Фреге или Карнапом, или даже пользоваться их терминологией.) Более того, у каждого из нас свое представление об «аутентичном» прагматизме. Максима Чарльза Пирса, прагматический метод Уильяма Джеймса, теория знания Фердинанда Шиллера, абсолютный прагматизм Джосайи Ройса и инструментализм Джона Дьюи — все это различные «изначальные» версии прагматизма, как отмечал более века назад Артур Лавджой. А если добавить сюда таких исключительно важных для прагматизма мыслителей, как Джейн Аддамс и Джордж Герберт Мид, нахождение общего знаменателя окажется практически невозможно.

Возникновение разрыва между классическими и современными философами, представляющими традицию прагматизма, скорее, связано с определенным нарушением преемственности, или «паузой», в развитии последней. В течение длительного времени после Второй мировой войны основное внимание пуб-

лики и академического сообщества было приковано не к прагматизму, а к другим течениям мысли. Лишь в конце 1960-х гг. положение стало меняться — благодаря таким мыслителям, как Р. Рорти, Х. Патнэм, Ю. Хабермас и Р. Бернстайн, которые возродили интерес к американскому прагматизму и оказали значительное влияние на следующее поколение философов. Сейчас мы переживаем то, что можно назвать прагматистским бумом. Видные философы самой разной ориентации спешат заявить о себе как о прагматистах. И хотя каждый при этом руководствуется какими-то своими соображениями, меня такая тенденция скорее радует, чем огорчает.

Прагматисты склонны подчеркивать, что философия должна начинаться с реальных или возможных человеческих практик и возвращаться к этим практикам для внедрения в них, пересмотра и совершенствования (к слову, они в этом не одиноки). Гносеологический лейтмотив прагматистской традиции — антидихотомизм. Прагматисты всегда с подозрением относились к дихотомиям и дуализмам, постулируемым философией, и не только ей. Многие практики в современной (западной) культуре зависят от жестких разграничений между наукой и моралью, эмоциями и разумом, общественным и частным, физическим и духовным, свободой и каузальностью. От этих дихотомий зависят наши представления о человеческой жизни, о том, как правильно действовать или мыслить, чем должна заниматься наука, а чем не должна, и так далее. Хотя оправданность и полезность многих из этих дистинкций не подлежит сомнению, прагматизм пытается сделать их менее жесткими, подчеркивая континуальность в природе вещей и в мышлении. Это важная часть того вклада, который он вносит в современную философию.

2. Современные прагматисты, в первую очередь Роберт Брэндом, следуют «аналитической» традиции, сосредотачивая свое внимание на языке, эксплицируя такие понятия, как значение, пропозициональное содержание, интенция, а также центральные семантические концепты, такие как истина и референция. Однако делая это, они отталкиваются от социальных лингвистических практик (*social practices of language use*). Точно так же социальные практики являются отправной точкой

для прагматистов, разрабатывающих социокультурную и политическую проблематику, и философов, специализирующихся в области эпистемологии, онтологии и т. д.

Из трех предложенных вариантов, пожалуй, наименее обсуждаемым в настоящее время является *опыт*. Некоторые современные прагматисты (на мой взгляд, ложно интерпретируя классиков прагматизма) рассматривают опыт как своего рода «прослойку», или посредника (*interface*) между нами и миром. Это не совсем точно. Ч.С. Пирс под опытом понимал «все то, что история нашей жизни заставила нас принять и признать», специально оговаривая, что речь не идет исключительно о «первичных чувственных впечатлениях». Впрочем, вполне может статься, что понятие опыта, действительно, слишком расплывчатое и неопределенное, чтобы нести на себе серьезный философский груз.

Хотя многие современные прагматисты заняты преимущественно языковыми или социальными практиками, для классиков прагматизма наиболее важной была *практика исследования*. Исследование (*inquiry*) — вот ключевое понятие, которое связывает, на мой взгляд, все три концепта. Исследование — это социальная практика, в которой язык играет главенствующую роль (хотя лингвистическим измерением она не исчерпывается), практика, в ходе которой мы схватываем и, критически осмысляя, усваиваем «все то, что история нашей жизни заставила нас принять и признать».

3. Прагматизм сегодня привлекает внимание серьезных исследователей, за плечами которых опыт работы в таких направлениях, как философия языка, феноменология, семиотика и др. Джеймс сравнивал прагматизм с коридором в гостинице, который предназначен для того, чтобы им пользовались обитатели всех номеров. Словарь дискурсивных (социальных) практик, опыта и исследования — хорошая основа для диалога философов, придерживающихся различных взглядов.

Остается неясным, однако, что именно подразумевал Джеймс, когда говорил о «миротворческой» миссии прагматизма: помогает ли он решать философские (метафизические) споры, выявляя практические последствия альтернативных

подходов, или же, скорее, снимает противоречия, демонстрируя, что выбор не имеет практического значения. Вероятно, он имел в виду и то и другое. Ответ на вопрос, какой способ «урегулирования» наиболее предпочтителен, зависит от ситуации и конкретной проблемы, подлежащей исследованию.

Карлин Романо

(Урсинус-Колледж, США)

1. Ядром прагматизма, тем, что остается в нем неизменным, является акцентированный интерес к практической стороне философских проблем, целиком, как подчеркивал Дьюи, обусловленных экзистенциальными вызовами, с которыми сталкиваются живые существа и их сообщества. Прагматистская установка противоположна неисторическим, трансцендентальным подходам к философии и ее проблемам. Это справедливо как в отношении тех прагматистов, кого все еще занимает эпистемологическая проблематика (вроде Шерил Мисак), так и в отношении тех, кому она безразлична (вроде Ричарда Рорти). История прагматизма учит тому, что слишком частое и свободное употребление какого-либо философского термина может иметь результатом полное размывание его изначально-го смысла. Так случилось с термином *прагматизм*, «перехваченным» мыслителями самых разных ориентаций и использовавшимся в контекстах и значениях, часто не имеющих ничего общего с воззрениями Пирса, Дьюи или Джеймса. Отсюда следует вывод о том, как важно философам-прагматистам и всем, кто пишет о прагматизме, быть осторожными и предельно корректными в артикуляции своих философских идей.

2. Из трех предложенных вариантов «социальная практика» кажется наиболее подходящим термином. Однако я не думаю, что сложная природа философского прагматизма может быть редуцирована к одному понятию.

3. Если бы прагматизм мог «урегулировать» споры между современными аналитическими и континентальными философами, он уже сделал бы это, хотя бы потому что прагматизм значительно старше континентально-аналитического раскола. И все же мы вправе рассчитывать на сближение (если не при-

мирение) двух философских традиций благодаря прагматизму. Он в состоянии убедить континентальных мыслителей в том, что можно писать о реальном мире понятий ясным, красочным, выразительным языком, понятным не только профессорам философии. С другой стороны, он может убедить философов-аналитиков в том, что их стилистическая ясность и аргументационная точность должны служить практически-философским целям, т. е. быть приложимы к реалиям нашей жизни, и что отказ от искусственных эпистемологических программ и терминологии пойдет на пользу их философии.

Шеннон Салливан

(Университет Северной Каролины
в Шарлотте, США)

1. Во всех изменениях прагматизма с момента его появления в XIX в. я вижу сохраняющееся убеждение в том, что абстрактные теории и концепты связаны с конкретными практиками и опытом, определяются ими. Например, современный прагматический феминизм и прагматистские варианты критической теории расы проводят близкие параллели между практикой и теорией. Они отвергают идею приоритета теории перед практикой, ставящего последнюю в подчиненное положение. Представители этих течений склонны рассматривать практику и теорию как две составляющие единого целого, каждая из которых может влиять на другую.

2. Понятие «социальная практика», как мне кажется, лучше всего отражает ключевую идею и мотивацию современного прагматизма. Спор о том, что важнее — язык или опыт, — давнишняя дискуссия, которая велась и еще продолжает вестись в прагматизме — представляет, с моей точки зрения, интерес куда меньший. Что можно *сделать* с помощью прагматизма, понимаемого как набор концептуальных инструментов, — вот по-настоящему интересный вопрос. Все наши действия — практики — конституированы нашими общественными мирами; понятие «социальная практика» отлично это показывает. Многие практики, которые мы считаем «своими», на самом деле нами не создаются, а только воспринимаются и усваиваются, часто на бессознательном уровне, и воспроизводятся как привычки, о которых не рассуждают. Прагматизм помогает нам разобраться в этом аспекте практической жизни.

3. Мне представляется, что *улаживание* метафизических споров методом прагматизма, предложенным Джеймсом, луч-

ше всего понимать как *снятие* споров, не стоящих времени и энергии. Вместо того чтобы углубляться в них, следует задаться вопросом, к каким положительным практическим результатам их обсуждение могло бы нас привести. В этом смысле современное противостояние аналитической и континентальной традиций не стоит выеденного яйца. Оно отвлекает философов от актуальных социальных проблем и их обсуждения за стенами академии, таких как проблемы дискриминации и неравенства в мире, климатических изменений, миграционной политики и т. д.

Дэвид Сидорски

(Колумбийский университет, США)

1. Исследование четырех главных тем, которые с известным постоянством присутствуют в трудах основателей прагматизма — Чарльза Пирса, Уильяма Джеймса и Джона Дьюи, — должно содержать и ответ на вопрос о преемственности и разрывах в его истории.

Первая тематическая особенность, характеризующая прагматизм как философское направление, заключается в том, что он определяет себя как поворот к будущему, а не к прошлому или даже актуальному настоящему. Это (само)определение прагматизма можно проследить от его истоков в Пирсовой концепции закрепления верований и регулятивной идее *будущего* сближения гипотез в ходе процесса экспериментальной верификации, далее в воззрениях Джеймса на прагматизм как метод опосредования верований (*mediating among beliefs*) путем апелляции к *будущим* следствиям, и вплоть до учения Дьюи о знании как инструменте предсказания и контроля *будущего* опыта человека (его взаимодействия с окружающим миром).

Самоидентификация прагматизма как философии, обращенной к будущему, требует спецификации черт, отличающих его от современных ему или предшествующих философских течений. С самого начала прагматисты рассматривали поиск метафизических оснований опыта через обращение к необходимым первичным посылкам, будь то «материя» в монистическом материализме или «идея» в монистическом идеализме, как описание, замкнутое в *прошлом*, не оставляющее возможности для контроля будущего. Аналогичным образом, описание опытного познания мира (*experiencing of the world*) как репрезентации во впечатлениях или данных чувственного восприятия некоей скрытой и непознаваемой — либо познаваемой путем умозаключения — реальности, как это было в британском эмпиризме, прагматисты отвергали как замкнутое в непосред-

ственном *настоящем*, так же без возможности контроля будущего. Сам прагматизм, в противовес означенным теориям, понимал опытное познание как инструмент предсказания и контроля будущих событий и опытов. Пирс, Джеймс и Дьюи, как я уже сказал, были одинаково привержены идее поворота от прошлого/настоящего к будущему, однако в их взглядах на то, каким образом этот сдвиг в философии мог бы осуществиться, имелись значительные отличия.

В статье «Закрепление верования» Пирс проводит различие между четырьмя способами фиксации убеждений, а именно методами упорства, авторитета, априорным и научным методами. Он доказывает, что в отличие от первых трех методов, отвечающих за фиксацию уже существующих (в настоящем) или существовавших (в прошлом) верований, научный метод требует наличия исследовательского сообщества, способного генерировать гипотезы с предсказуемыми следствиями, которые открыты для подтверждения будущими событиями и опытом. Свой выбор в пользу научного метода Пирс обосновывает тем, что данный способ закрепления верований предлагает наилучшее описание «истины» как результата конвергенции мнений членов исследовательского сообщества относительно тех гипотез, для которых удалось получить подтверждение экспериментально предсказуемых следствий. Данная теория научного познания служит проводником идеи поворота к будущему, поскольку процесс достижения согласия, допускающий ошибки и их исправление, может развиваться поступательно вплоть до своего асимптотического предела. Поворот к будущему, в противовес метафизическим представлениям современных Пирсу материализма и идеализма, приобретает особое значение благодаря найденному им определению «реального» как тех сущностей, которые будут обозначены как существующие в истинных утверждениях, подлежащих удостоверению в процессе научного исследования в будущем. Приняв точку зрения Рейхенбаха и других логических позитивистов, можно было бы сказать, что Пирсово определение «реального» знаменует начало элиминации метафизики в философии — то, чему суждено было стать одной из главных объединяющих тем позитивизма XX в.

Развитие прагматизма в философии Джона Дьюи, в котором Джеймс за несколько лет до своей смерти успел разглядеть

наследника прагматической школы мысли, также несет на себе печать устремленности в будущее, что проявляется сразу в нескольких отношениях. Дьюи предложил описание человеческого разума (intelligence) как инструмента предсказания и контроля будущего опыта человека в его природном и социальном окружении. Этот инструмент, полагал он, может быть эффективно и многообразно использован в реконструкции современной культуры и общественного уклада. Дьюи был убежден, что развитие социальных наук в таких областях как образование, педология, политика и международные отношения может способствовать нравственному прогрессу. Он рассматривал человеческий разум и научный метод как орудия, которые, по распространенному в Новой Англии выражению, «сделают свое дело» (will do). Дьюи отмечал, что «дело» (do) в этой фразе — не что иное как термин прагматизма, указывающий на то, что стоящие перед человеком проблемы требуют не столько теоретических рассуждений, сколько практического решения, а модальное «will» связывает всякое подразумеваемое дело с будущим, в том смысле что результатом применения разума или научного метода к некоторой проблематической ситуации должно быть ее урегулирование.

Вторая черта прагматизма, значение которой особо подчеркивали Пирс и Дьюи, — приверженность научному методу. Как отмечалось выше, Пирс отдавал безусловное предпочтение научному методу перед такими способами закрепления верований, как методы упорства, авторитета и априори. Для Дьюи же выбор в пользу научного метода означал расширение последнего вплоть до применения инструментария наук, как естественных, так и общественных, для реконструкции и улучшения условий человеческого существования.

В своей приверженности научному методу Пирс стал подлинным первопроходцем прагматизма. Еще прежде он доказывал, что отправной точкой исследования должен служить не универсальный методологический скептицизм Декарта, но *фактическое* сомнение. Научный метод Пирс характеризовал как способ фиксации верования посредством разработки конкурирующих гипотез, каждая из которых, в соответствии с предъявляемыми к ним требованиями, также должна заклю-

чать в себе (possess) конкурирующие и предсказуемые следствия. Решение о том, какая из гипотез истинна, принимается сообществом исследователей с учетом результатов экспериментальной проверки. Научная истина, с точки зрения Пирса, заведомо отторгает любые притязания на обладание абсолютным и непогрешимым знанием, равно как и возможность приближения к рубежу, далее которого научный поиск не мог бы продолжаться. Пирс не исключал применения научных истин в целях преобразования социальной практики, хотя по этому вопросу придерживался более умеренных взглядов в сравнении с Дьюи. Сходным образом убеждение Пирса в превосходстве научного способа закрепления верований не подвигло его к разработке какой-либо метафизической доктрины (традиционного типа) или системы, сопоставимой с теорией плюриверсума Джеймса или натуралистической метафизикой Дьюи.

Предпринятый Дьюи анализ научного метода привел его к убеждению в возможности использования как естественных, так и общественных наук в предсказании и контроле развития окружающей человека среды. Уверенность в возможности исторического прогресса для прагматистов-дьюианцев составляет неотъемлемую черту любого рассуждения о применении научного метода. Введенный Дьюи термин «реконструкция» говорит о нацеленности на изменение существующих институтов и практик, такое их переустройство, при котором не только внешние признаки социальных структур, но и глубинные их основания могут быть трансформированы и реконструированы. Прагматизм Дьюи прошел путь от анализа научного метода как средства урегулирования проблематических ситуаций до всесторонне развитой политической и социально-философской теории, исследующей изменения общественных институтов. Эта теория оказала значительное влияние на развитие прогрессивного образования, реформу уголовного судопроизводства, совершенствование экономического планирования, политической демократии и международного права.

Великие регрессии политической истории XX в., в том числе переход к авторитарным и тоталитарным режимам, Вторая мировая война и многократно повторявшийся геноцид, — все это нанесло серьезный удар по теориям исторического прогрес-

са, даже самым умеренным, сформулированным прагматическими философами в казавшуюся безмятежной эпоху 1920-х. Послевоенный скептицизм, вызванный осознанием ужасов недавнего прошлого и беспрецедентных масштабов вершившихся преступлений, подпитывался набиравшими популярность сочинениями Рейнхольда Нибура. Теологический реализм Нибура воскрешал память об исторической регрессии как реальности; апеллируя к христианской метафоре «первородного греха», он заставлял осознать потенциал саморазрушения человека. Пример ответа, который готов был дать скептикам философ, сочувствующий прагматизму Дьюи, можно найти в книге профессора Колумбийского университета Чарльза Франкеля «В защиту современного человека»¹, где автор отстаивает дьюианскую веру в пластичность человеческой природы, понимаемую как залог осуществимости реформирования общества. Вместе с тем Франкель, как и большинство послевоенных прагматистов, избегал любых рассуждений об общих вопросах истории. Те из американских прагматистов, кто вопреки учению Нибура о первородном грехе сохранял унаследованный от Дьюи оптимизм и веру в человека, были куда сдержаннее в своих ожиданиях исторического прогресса, нежели их предшественники. Если Уильям Джеймс дошел до прямого раздора со своим братом Генри Джеймсом из-за упорного нежелания последнего признавать прогрессивных изменений, произошедших в Америке в течение их жизни, а Джон Дьюи открыто заявлял о том, что политические и социальные процессы в стране внушают ему оптимизм, то философы послевоенного поколения, от Сиднея Хука и до Ричарда Рорти, начали признавать наряду с прогрессом и возможность исторического регресса. Стало очевидно, к примеру, что период имперского владычества над африканскими и азиатскими колониями подошел к концу, новообразованные суверенные национальные государства обрели самостоятельность и независимость; однако нельзя было не замечать, что эти прогрессивные перемены происходили на фоне отсутствия демократии, развязывания множества гражданских войн и ставшей реальностью экономической отсталости.

---

¹ *Frankel C. The Case for Modern Man. Boston: Beacon Press, 1956.*

Третья отличительная черта прагматизма, с особенной наглядностью проявившаяся у Дьюи, может быть описана как приверженность натурализму. Философия Дьюи включает в себя наброски натуралистической метафизики, натуралистической, или инструменталистской, теории познания, натуралистической интерпретации логики как теории исследования, а также этического натурализма.

Защиту натурализма у Дьюи пытались отождествить с натуралистической метафизикой как таковой, однако терминология в данном случае нуждается в пояснении, поскольку Дьюи, отстаивая натурализм, не стремился развить его как учение о «подлинной» реальности, сопоставимое с системами метафизического материализма и метафизического идеализма XIX в. Центральным положением его натурализма был тезис о том, что объекты и события природы обнаруживаются посредством опыта, что позволяет развить человеческое знание как инструмент предсказания, контроля и даже преобразования этих самых природных объектов и событий. Прилагая к человеческому опыту научный метод, естественные науки сумели открыть значимые взаимосвязи между природными объектами, расширив возможности инструментального воздействия человека на окружающий мир.

Инструменталистский характер дьюевского натурализма позволил сформулировать оптимистически окрашенную интерпретацию природы (при том что нейтральность природы в моральном плане не ставилась под сомнение). До прихода прагматического натурализма о тщетности любых человеческих проектов и начинаний, разбивающихся о скалы подверженной энтропии действительности, пессимистически пророчествовало умонастроение, которое можно назвать «натурализмом безнадёжности». В прагматическом натурализме, признающем нейтральный статус природы, которая сама по себе не гарантирует, но и не исключает возможности реализации человеческих идеалов, инструменталистское понимание знания нашло, что противопоставить «натурализму безнадёжности» и пессимизму, свойственному материалистической философии XIX столетия.

Важнейшая составляющая дьюевского натурализма — оправдание натурализма этического. Ключом к постижению этиче-

ского натурализма Дьюи служит постулируемая им связь между человеческими желаниями и благом. Желаемое не сводится у него к факту желания (актуальной заинтересованности субъекта), но распространяется до понятия желательного (того, что заслуживает желания). Такая связь не подвержена двусмысленным колебаниям между утверждениями о «данном», желаемом, и «должном», желательном (between the “is” statement of the desired and the “ought” statement of the desirable). «Желательное», или то, что «должно» желать, соотносится с тем, что заслуживает желания в случае, если агент понимает природу своих желаний и их последствия. Например, некто желает шоколада или цветов, не испытывая желания совершить самоубийство. Если этому человеку предложить отравленный шоколад или цветы, он откажется от них как не заслуживающих желания (*не-желательных*), при условии что он понимает природу своих желаний и последствия, из них вытекающие.

В «Теории оценки», монографии, написанной для «Энциклопедии единой науки» (многотомного проекта, задуманного и осуществленного группой логических позитивистов), Дьюи соглашается с тем, что системы нравственных координат представляют собой продукт развития простых нерелексивных оценок (prizings). Однако, в отличие от логических позитивистов, полагавших, что моральные высказывания суть выражение эмоционального отношения, Дьюи доказывал, что нерелексивные оценки могут развиваться в релексивные оценочные утверждения (statements of appraisal), которые уже принадлежат к эмпирическим пропозициям. Соответственно, моральные высказывания, содержащие релексивную оценку, являются когнитивными утверждениями, истинность или ложность которых может быть установлена, в отличие от некогнитивных оценок, близких к простому изъяснению эмоционального отношения (тому, что Дьюи неодобрительно называл «выплеском чувств»).

Примечательно, что этический натурализм Дьюи с его критическим отношением к позиции Дж. Мура (его аргументации против «натуралистической ошибки» в этике) нашел поддержку в независимо развивавшейся дискуссии внутри философии обыденного языка. В своей критике антинатурализма Стюарт Хэмшир, Джон Остин и Филиппа Фут исходили из словарно-

го определения блага как того, что достойно одобрения. В большинстве контекстов обыденного языка понятие «достойное одобрения» предполагает, что одобряемое (лицо, качество или действие) одобряется на основании причин, которые значимы и истинны. Моральное утверждение, опирающееся на незначимые либо ложные основания, неоправданно, тогда как моральное утверждение, поддержанное значимыми истинными причинами, должно быть признано оправданным. Таким образом, лингвистический анализ терминов, обозначающих «благо», во многом созвучен прагматическому подходу к конструированию блага у Дьюи в его «Поиске достоверности».

Четвертая особенность прагматизма связана с попыткой реконструирования американской культуры религиозных традиций в борьбе за широкое признание достижений науки. Дьюевский проект реконструкции призван был устранить конфликт между религиозными верованиями и научными выводами во всех областях, где такие противоречия давали о себе знать: в космологии, геологии, археологии и эволюционной биологии. Новые формулировки религиозного натурализма, предложенные Джеймсом и Дьюи, поддержка ими либеральных тенденций в религии в противовес неприятию научного мировоззрения — все это в целом оказало значительное, пусть и ограниченное, влияние на американскую культуру. Прагматическая критика последней увенчалась постановкой неутешительного диагноза: это культура, страдающая «недопустимой раздвоенностью» (untenable dualism).

Ученик Джеймса Джордж Сантаяна, исключительно высоко ценивший автора «Прагматизма» за его вклад в преодоление этой раздвоенности, констатировал, что «благородная» традиция американской философии удостоилась от Джеймса «увесистого пинка». Американский интеллект, по мнению Сантаяны, оказался заложником кальвинистской ментальности, символическим выражением которой служит новоанглийский особняк в колониальном стиле. Американская воля, в отличие от благопристойно-пассивного интеллекта, активна и динамична, ее стихия — мир предпринимательской деятельности, риска и авантюры, ее символ — городской небоскреб. Эпистемология Джеймса, в которой «истинное» отождествляется

с тем, во что нам полезно верить, открывает возможность для интеграции этих дивергентных аспектов американской культуры. Сантаяна показывает, что и предпринятая Джеймсом попытка натуралистической легитимации некоторых форм религиозных верований мотивирована его постоянным стремлением к интеграции американского духа. Философские усилия самого Сантаяны периода «Жизни разума» были направлены на ту же цель. Сантаяна утверждает, что разум, как он проявляется в обществе, искусстве и религии, требует признания естественного происхождения всех человеческих институтов в сочетании с осознанием их потенциала для осуществления идеалов. Идея подобного сочетания вполне вписывается в прагматический проект интеграции американской культуры.

В 1930 г. в своей книге «Индивидуализм — старый и новый» Джон Дьюи призывал к реконструкции американского общества. Такая реконструкция подразумевала соединение экономического планирования, институционально внедряемого в необходимых пределах для минимизации негативных последствий депрессии, с новым индивидуализмом, развивающимся в ответ на рост научного элемента в культуре. В свою очередь, научная культура, несмотря на ее нацеленность на преобразование естественной среды всюду, где это возможно, должна была, согласно воззрениям Дьюи, признавать безусловную ценность религиозного отношения к миру, религиозной способности безропотно принимать удары судьбы и склоняться перед неизбежностью природных реалий.

Оживление американской экономики в годы Второй мировой войны, приведшее к усилению рыночного капитализма, способствовало возвращению доверия к возможностям американской политической системы и растущему одобрению стратегического реализма во внешней политике. Отчасти под влиянием этих перемен в послевоенный период наблюдался упадок американского прагматизма и возникновение новых течений в социальной и политической философии. Крупнейшие религиозные институты американского общества, не переходя на позиции религиозного натурализма, делали все возможное, чтобы избежать конфликта с научными достижениями и методами. В американских университетах господствующее поло-

жение заняла лингвистическая философия, потеснившая прагматизм. В дальнейшем в позднем прагматизме на передний план вышли новые темы, лишив четыре аспекта, обсуждаемые в этой заметке, их прежней центральной роли, которую они играли трудах отцов-основателей прагматизма — Чарльза Пирса, Уильяма Джеймса и Джона Дьюи.

Роберт Талисс

(Университет Вандербильта, США)

1. История прагматизма учит нас тому, что никакой «оригинальной версии» его не существует. Прагматизм возник из ожесточенных споров американских философов и ученых об эмпиризме, его преимуществах и перспективах в свете эволюционной биологии Дарвина. Неудивительно, что три родоначальника традиции — Пирс, Джеймс и Дьюи — расходились между собой по целому ряду ключевых вопросов, обсуждавшихся в профессиональном сообществе, включая проблемы истины, опыта и реальности, ценности и значения. «Версий» прагматизма с самого начала было несколько, и они сильно отличались друг от друга.

Полное раздоров и противоречий прошлое американского прагматизма часто смягчается в исследованиях философов и историков мысли, очарованных «классической» прагматистской традицией. Эти «неоклассики» отдают предпочтение ретроспективно-телеологическому взгляду на прагматизм, согласно которому философия Дьюи является синтезирующей кульминацией философских программ Пирса и Джеймса. Этот подход, во-первых, препятствует адекватному пониманию Пирса и Джеймса, а во-вторых, искажает наше общее представление о прагматизме как философском проекте, отождествляя его с одной определенной концепцией, как будто все лучшее и наиболее ценное в прагматизме заключается в работе, блестяще проделанной Джоном Дьюи, идеи которого нам остается лишь реактуализировать и развивать. Парадоксальным образом позиция современных борцов за прогрессивную философию, как они себя аттестуют, сводится к перекройке философского прошлого.

Я придерживаюсь другого — более плюралистического — взгляда на историю философии в США, позволяющего в противовес редукционистски дьюианской интерпретации прагма-

тизма рассматривать его как широкое движение мысли, целью которого является разработка жизнеспособной натуралистической концепции эмпиризма. Не приверженность какой-то теории истины или значения, а глубокое убеждение в том, что подлинный (proper) эмпиризм начинается с рассмотрения человеческих практик (коммуникативных, научных, художественных, культурных) — вот что в действительности объединяет прагматистов. Но пониматься эти практики могут по-разному. Отсюда и многообразие американского прагматизма.

Историческая интерпретация, которую я защищаю, позволяет увидеть то, что де-факто отрицается неоклассиками, а именно, что прагматизм — одно из самых живучих и успешных философских движений в истории западной мысли. Имеются также все основания говорить о преемственности в развитии прагматизма, который ведет свою родословную от Пирса, Джеймса и Дьюи через К.И. Льюиса, Уилфрида Селларса, Эрнеста Нагеля, Сиднея Хука, Рудольфа Карнапа, Нельсона Гудмена, Уилларда Куайна и Дональда Дэвидсона к философским концепциям современных прагматистов Ричарда Рорти, Корнела Уэста, Хилари Патнэма, Николаса Решера, Сьюзан Хаак, Роберта Брэндома, Хью Прайса, Элизабет Андерсон и Шерил Мисак. Внесу ясность: разногласия между этими мыслителями значительны. И все же трудно собрать под одним интеллектуальным знаменем более представительную компанию философов XX и XXI вв.

По загадочным для меня причинам, прагматисты-неоклассики придерживаются мнения, что где-то в середине прошлого столетия американский прагматизм был «маргинализирован» и «подавлен»; согласно этому же мнению, аналитическая философия всегда представляла собой гомогенную и враждебную прагматизму силу, которая вытеснила его на обочину интеллектуальной жизни. Всякому, кто минимально знаком с англоязычной философией второй половины XX в., должно быть ясно, насколько эта интерпретация несостоятельна. Идеи классиков прагматизма не канули в Лету, а были восприняты представителями натуралистического крыла аналитической философии, легли в основу их теоретических разработок и таким образом принесли плоды. Упорно не замечая этого, неоклас-

стики с маниакальной настойчивостью твердят свое, изображая из себя жертв притеснения. На самом деле никто их не притеснял. Своеобразная философская ксенофобия, которую они разжигают, наносит прагматизму куда больший урон, чем все выступления против него профессиональных философов, ибо ведет к действительной, а не мнимой его изоляции.

Итак, я не считаю, что нынешние противоречия и конфликты между прагматистами значительнее тех, что наблюдались сто лет назад между «классиками» прагматизма. Всякая философия, сторонники которой заявляют о своей приверженности фаллибилизму и экспериментализму, *должна* быть плюралистичной и как бы аккумулировать все раздирающие ее изнутри коллизии — более того, идентифицировать себя с ними.

2. Не думаю, что «поздний» прагматизм существенно отличается от «классического». Как я уже говорил, это одна большая традиция, объединяющая мыслителей эмпиристской и натуралистической ориентации, часто не соглашавшихся друг с другом по фундаментальным вопросам. Сомневаюсь также, чтобы прагматисты когда-либо выбирали между тремя вариантами, предложенными в вопросе. Я не могу излагать здесь свою точку зрения в деталях¹, но, как мне кажется, сама дискуссия на тему «опыт или язык?», в которой солируют неоклассики, является результатом ложной постановки вопроса — еще одним пагубным следствием попытки провести водораздел между «классическим» прагматизмом и некоторыми формами прагматизма «аналитического». Все эти игры в «своих» и «чужих» не идут на пользу прагматизму, выставляют его в нелепом свете.

Повторю еще раз: прагматизм был и остается философской попыткой выработать жизнеспособную версию натуралистического эмпиризма в свете теории Дарвина. Главная «мотивация» прагматистов (если допустить, что таковая имеется) — это добиться, через осуществление своего рода юмовского гамбита, чтобы истинно натуралистический эмпиризм начинался

---

¹ Подробнее см.: *Aikin S.F., Talisse R.B. Pragmatism, Pluralism, and the Nature of Philosophy*. N.Y.: Routledge, 2016.

с изучения человеческих практик. В какой мере (и в каком смысле) данные практики являются социальными — это, разумеется, только один из многих вопросов, по которым в прагматизме ведутся дискуссии. Также спорят о том, какие практики являются релевантными и как их можно охарактеризовать наилучшим образом. Поясню на примерах. Некоторые прагматисты считают основополагающими практики созидания и конструирования: люди сами творят реальность, в которой они живут, создавая теории, мировоззрения, возможно, даже сами миры. Другие прагматисты придерживаются мнения, что человеческая практика в основном направлена на общение, передачу знания и взаимодействие между индивидами. Это с неизбежностью предполагает интерпретацию и рассуждение (*inference*), что, в свою очередь, требует членства в сообществе интерпретаторов или группе людей, склонных рассуждать одинаково (*disposed to make the same inferences*). Третьи прагматисты убеждены в том, что практикой, наиболее характерной для человека и отличающей его от других существ, является когнитивная активность, а главная потребность человека — желание знать, правильно понимать мир и себя. Движение к этой цели не только предполагает осознание того, что наши познавательные способности имеют границы, но и показывает, что критерии правильности не обязательно должны быть исключительно теоретическими: осуществимость наших теорий тоже может служить их доказательством. Понятие практики, таким образом, находится в центре оживленных дискуссий современного прагматизма, которые зачастую приобретают весьма острый характер. Прояснение позиций сторон и урегулирование разногласий — одна из задач прагматической философии. Так было и во времена Пирса, Джеймса и Дьюи.

3. Я против того, чтобы отводить прагматизму какую-то особую посредническую роль в противостоянии англо-американской и континентально-европейской традиций. На мой взгляд, так называемый «раскол» в современной философии является продуктом кабинетной социологии, в которую заигрались профессиональные философы. Само разделение философии на «аналитическую» и «континентальную» лишено смы-

сла. Внутри каждого из якобы враждующих лагерей нет подлинного единства, философского или методологического, которое позволяло бы говорить о существовании двух *традиций*. И неудивительно, что его нет. Философия, на какие бы «измы» она ни делилась, представляет собой пеструю смесь идиом, концепций, методов, интуиций и оппозиций. Было бы странно, просто невероятно, если бы в результате всей философской активности прошлого века мы сегодня имели две или три большие «традиции» (или «школы»). Абсурдно предполагать такое! Разве кто-нибудь назовет причину, по которой Дэвидсон и Гадамер непременно должны считаться представителями разных философских традиций, или причину, по которой Гегель и Селларс не могут принадлежать к одной? Что позволяет утверждать, что разногласия между Деррида и Фуко менее существенны, чем между Сёрлом и Деррида (вследствие чего мы говорим о конфликте между *философами*, а не *традициями* в первом случае, но не во втором)? А как интерпретировать Ролза, Хабермаса, Рансьера, Нуссбаум, Дж.А. Коэна и Хоннета? Конечно, позиции этих мыслителей сильно расходятся по многим вопросам, обсуждаемым политическими философами. Но разве отсюда следует, что каждый из них представляет отдельный вид политической философии?

Противостояние аналитической и континентальной традиций — миф профессиональной философии второй половины XX в. (сродни мифу о «маргинализации» прагматизма). Некоторые философские и научные фантазии бывают полезны. Но это другой случай. «Раскол» между аналитиками и континенталами не нуждается в «преодолении», и не стоит рассматривать прагматизм как «третий путь» или метод «улаживания» данного спора. Нужно этот миф просто отбросить. Он вредит философии, мешая ее развитию, позволяя философам с легкостью уклоняться от обсуждения важных теоретических разногласий, подменяя их метафилософскими диагнозами, постулирующими несуществующие методологические различия. Благодаря мифу о разделении, к примеру, сторонники Нозика и последователи Фуко имеют возможность, к взаимному удовлетворению, избегать диалога друг с другом, ограждая себя от аргументированной критики и довольствуясь голословными

обвинениями противоположной стороны. Это философская деградация. Миф о континентально-аналитическом расколе, точно так же как миф о маргинализации прагматизма в середине прошлого века, препятствует изучению действительно существующих философских противоречий и разделений, значимых для современной мысли.

Потребность в прямой и свободной интеллектуальной дискуссии особенно ощутима сегодня. То, что сама профессиональная философия воздвигла блокирующие ее препоны, весьма прискорбное обстоятельство. Страшно подумать, сколько времени и энергии тратится на поддержание, укрепление и увековечение этих бастионов догматической мысли. Развенчивая миф о расколе между аналитической и континентальной традициями, мы развенчиваем и миф о прагматизме как самостоятельном третьем направлении. Это позволяет расширить поле философской дискуссии. Именно для того, чтобы реальные противоречия могли стать предметом живого профессионального обсуждения, мифические должны быть отброшены.

Роселла Фаббрикези

(Миланский университет, Италия)

1. Классический прагматизм является основной темой моих исследований. Преимущественно я занимаюсь Пирсом, но также изучала Джеймса и Мида. Есть несколько тем, которые я считаю ключевыми для классического американского прагматизма, а именно: знаки и значения, сознание и его происхождение, познавательная способность человека «в действии» (cognition “in act”). Мы рассуждаем «как прагматисты», когда рассматриваем теоретическое исследование как операциональную деятельность, которая помогает нам адаптироваться к условиям существования и ориентироваться в окружающем мире, или когда понимаем идеи как планы действий, или когда связываем значения понятий с предполагаемыми следствиями их применения. Обращение к этим темам и их разработка в прагматистском ключе оказали значительное влияние на современную философию. Думаю, интерес к прагматизму, проявляемый сегодня профессиональными исследователями и студентами, изучающими семиотику, социальные науки, mind sciences, философию языка и когнитивную психологию, не случаен. Все они имели возможность оценить философские интуиции и методологические подходы прагматистов, а в некоторых случаях применить их в экспериментальных работах¹.

Кроме того, следует подчеркнуть, что многие прагматисты придают центральное значение практикам в деятельности познания, существенно умаляя важность отсылок к актам сознания, к трансцендентальному и к субъективности, не выраженной в конкретных действиях субъекта. Они почти целиком сосредоточились на изучении инференциальных и референциальных отношений, т. е. отношений вывода, связывающих зна-

---

¹ См., например, новейшие исследования, посвященные прагматизму и наукам о воплощенном познании.

ки (sign inferences), и референции символов (symbolic references). Понимание референции как нефиксированной, открытой и подвижной предполагает совершенно иной взгляд на истину и реальность. Прагматизм переосмыслил понятия истины и значения, продемонстрировав, что не существует истины вне определенных (когнитивных) практик, т. е. вне убеждений, закрепляющих одни привычки и образы действий и отводящих другие. С точки зрения прагматизма, суть дела не в *истине*, а в *следствиях*, вытекающих из признания того или иного концепта истинным и практического его применения. Максима Пирса гласит: «Рассмотрим, какие следствия практического характера могут производиться, как мы полагаем, объектом нашего понятия; знание (conception) обо всех этих следствиях будет нашим полным знанием об объекте» (CP 5.402). Важнейший аспект «прагматического поворота» заключается в том, что мы отказываемся считать истину, реальность и опыт «фактами», существующими сами по себе, усматривая в них результат долгого семиотического развития, постепенной селекции эффективных интерпретаций в рамках конкретных контекстов. Отныне то, что мы называем реальностью, не может быть жестко ограничено и определено: реальность не окончательна и находится «в процессе создания».

Во второй половине XIX — первой половине XX в. в западной философии произошли интересные теоретические сдвиги благодаря деятельности прагматистов, которых едва ли можно назвать академическими философами (Пирс был химиком и логиком, Джеймс — физиологом и психологом, а Чонси Райт — ученым, хорошо знакомым с дарвинизмом), но которые, бесспорно, являлись оригинальными и глубокими мыслителями. Их наследие по-прежнему значимо, а интеллектуальный потенциал традиции, созданной ими, далеко не исчерпан. Последователи классиков прагматизма, на мой взгляд, зачастую не столь оригинальны.

Этому есть простое объяснение. Чарльз Пирс был своего рода Лейбницем XIX столетия. Он владел греческим и латынью, разбирался в тонкостях средневековой схоластики, знал наизусть Канта, смело полемизировал с выдающимися учеными своего времени (такими как Кантор и Шрёдер), обсуждая проб-

лемы непрерывности и дискретности, логики относительных единиц (*relatives*) и др.; он проявил себя в космологии и метафизике, а также в области нормативных наук, создал замечательную систему классификации знаков и изобрел так называемый диаграмматический способ представления логических выражений. Кто в наше время способен на такое? Для Пирса логика была семиотикой, семиотика зиждилась на анализе категорий, феноменология подготавливала метафизику, этику и эстетику. Как известно, сфера научно-исследовательских интересов Уильяма Джеймса тоже была обширна: психология и этика, метафизика и эволюционизм, религия и эстетика.

Я не хочу сказать, что Пирс и Джеймс просто больше знали. Дело не в этом. Они по-иному представляли себе философию, ее назначение и метафизическую природу. Философия, как ее мыслили прагматисты, не была только местом столкновения противоречивых идей и полигоном тестирования различного типа дискурсов. Прагматизм для них являлся не философской доктриной, но методом в греческом смысле слова *metb' odos*, тропой, пересекающей пространство и обозначающей путь, — не созерцанием, оторванным от практических дел и *вещей* (*pragmata*), но способом обращения с ними. Греки называли вещи *pragmata*, подчеркивая, что с ними соприкасаются люди, совершающие поступки. Философия должна быть не только теоретическим, но и *практическим* руководством, методической позицией по отношению к истине, интерпретации реальности, смыслу жизни.

2. Человеческий *опыт* не может быть выражен иначе, чем в определенной системе знаков, т. е. в *языке*, а язык рождается в *социальной практике*, понимаемой как совокупность привычек и способов действия. Эту же мысль мы находим у Витгенштейна, для которого язык есть деятельность, форма жизни. Опыт, в понимании Джеймса, тождественен самой жизни, ее «материи» (*matter*) и «непосредственному потоку». Пирс добавил, что опыт не может быть передан и распознан иначе как в процессе интерпретации, в опосредованной форме, через указание на то, *что именно* было пережито субъектом в форме данного опыта. Одно дело иметь опыт, другое говорить о нем

(Джеймс упускал это различие, за что его критиковал Пирс). Однако семиотический опыт, согласно Пирсу, всегда триадичен: знак, обозначаваемый им объект, интерпретанта (т. е. привычка, которая отвечает за понимание знака, ту или иную его трактовку).

На мой взгляд, слово *привычка* наилучшим образом отражает специфику прагматизма. Оно связывает воедино опыт, язык и социальную практику. Привычка оказывается на пересечении физического и ментального, бессознательного и сознания, индивидуального и социального. Для прагматистов (так же как эмпиристов) она обозначает константную модель поведения, программу, которая может не осознаваться, но является правильной и по-своему «мудрой», и которая подкрепляется определяющей ее практикой. Приобретаемые людьми основные привычки становятся руководящими принципами их поведения и мышления. Привычка — это предрасположенность к определенному действию, поведенческая реакция. Это не-ментальная и не-произвольная диспозиция — «знание как», усвоение которого приводит к тенденции поступать схожим образом при схожих обстоятельствах. По словам Пирса, значение понятия, его «окончательная логическая интерпретанта», есть привычка отвечать (*habit of response*), реагировать тем или иным способом на события (см.: СР 5.486).

Очевидно, что мы подходим здесь к рубежу, за которым старые философские дуализмы *теории — практики, рационального — чувственного, индивидуального — коллективного* теряют свою силу. Идеи суть инструменты, предназначенные для продуктивного взаимодействия с миром. Они ценны только тогда, когда «инкорпорированы» в экзистенциальные и социальные практики. Ментальная и репрезентациональная перспективы уже не довлеют над теорией значения; интерпретация — не интеллектуальное состояние, а диспозиция к поведению в социальном контексте.

3. Как мне представляется, настоящими прагматистами следует считать тех философов, которым удастся в своих исследованиях сохранять определенный баланс между аналитической традицией (ныне доминирующей и в самом прагматизме)

ме, не вполне справедливо, на мой взгляд) и так называемой «континентальной школой» (хотя это определение и кажется несколько упрощенным). Действительно, прагматизм может и, наверное, должен указать «средний путь» между двумя подходами, борющимися за место в академической философии. Как я отмечала, выбирая этот путь, мы отодвигаем на второй план проблематику языка, интерпретации и субъективности, сосредотачиваясь на коллективно-практическом — поведенческих установках, диспозициях, габитусах (*habits*). Отправной точкой прагматистского дискурса становятся коллективные практики и привычки. В теориях Пирса, Джеймса, Мида и Дьюи субъект «дестабилизируется», предстает изменчивым, подверженным ошибкам, приспособляющимся существом, обретающим идентичность и реализующим себя, прежде всего, в социальной и практической — далеко не только дискурсивной — деятельности. Прагматизм, таким образом, является не только философской методологией, но и новой антропологией.

Близок ли он «континентальной», в особенности феноменологической философии? Хотя есть тексты, доказывающие обратное, на мой взгляд, основное различие между прагматистским (семиотическим) и феноменологическим методами заключается в следующем. Согласно Пирсу, предметом сознания может быть только то, что дается нам в знаках, т. е. «производится» в процессе бесконечного семиозиса. Пирсова семиотика стоит в антитезе к эйдетической точке зрения с ее презумпцией созерцательно-чувственной очевидности: знак и дискурсивная деятельность принадлежат к иному уровню («срезу») ментального, нежели умопознание сущности, которая мыслится как нечто абсолютно прозрачное и достоверное, не нуждающееся, следовательно, ни в дальнейшей интерпретации, ни в знаковом опосредовании. Тем самым прагматизм ставит под сомнение привилегированный статус сознания, «чистого» и «трансцендентального» сознания, довлеющего над западной философской мыслью со времен картезианского *cogito*. Сознание, утверждают прагматисты, от Пирса до Мида, не является, при ближайшем рассмотрении, центральной инстанцией психики и не играет определяющей, конститутивной роли в познавательной деятельности. Сознание — всего лишь

сеть означающих. Интенциональность сознания, метаморфозы субъекта (что бы ни понималось под интенциональностью и субъективностью) — темы, не представляющие интереса для философов-прагматистов. Не сознание, а интерпретативные практики и их последствия, этические и экзистенциальные — вот что по-настоящему важно.

Принимая во внимание эти аспекты (все прочее вынося за скобки), мы можем утверждать, что американский прагматизм, с его семиотическими корнями, принципиально расходится с феноменологической перспективой, предлагая альтернативный и во многих отношениях нетривиальный для континентальной традиции путь. Тем не менее он отдаляется и от аналитической философии.

Я бы хотела здесь заострить внимание на исключительно важном для прагматизма понятии «интереса» (*concern*). Как известно, интеллектуальную «революцию», совершенную прагматистами, характеризует идея о том, что мир раскрывает себя не пассивному наблюдателю, но деятельному и *заинтересованному* субъекту. Чистота теории долгое время считалась своего рода аскезой мысли: следуя строгому методу, философ должен был устранить себя и свою личную точку зрения. В погоне за объективностью, очищенной от всякой субъективистской «скверны», он культивировал в себе и поощрял в других стремление к абсолютно нейтральному и незаинтересованному познанию. Пирс, Джеймс, Дьюи и их последователи показали, что строгость, логичность и ясность теоретических рассуждений, а также высказываний, претендующих на эпистемическую достоверность, были и остаются не чем иным, как поведенческими привычками профессиональных философов и ученых — габитусами, наиболее подходящими для модели реальности, созданной научными практиками. Они ни в коем случае не являются непреложными принципами интеллектуальной рефлексии и исследования. Даже в *таких* рассуждениях изначально присутствует аффективность, проявляющаяся в *заинтересованности* философа в *незаинтересованном* знании. Следует признать, что теория не может быть «чистой»; более того, «очищение» человеческого мышления нежелательно. Наша деятельная жизнь инфицирована всем накопленным прежде

знанием, множеством предрассудков и верований, которые мы лелеем. *Наш* образ мыслей и действий, *наши* интерпретации всегда уникальны, истины же имеют силу и практическую ценность до тех пор, пока не сталкиваются с реальным препятствием, ставящим их под сомнение.

Таким образом, приверженность современных философов точности аргументов, доказательности и ясности остается метафизической. И это показывает, как мало был понят мэтр лингвистического анализа XX в. Людвиг Витгенштейн. После Пирса он, вероятно, был первым мыслителем, обратившим внимание на лабильность языка с его бесконечными морфологическими смещениями и дискурсивной вариативностью и выступившим против метафизической догмы, гласящей, что «там, где есть смысл, должен быть совершенный порядок»¹. Если, в отличие от феноменологического подхода, прагматизм выступает поборником семиотической выводимости (inference), а не эйдетической очевидности (evidence), знак, к которому он отсылает, не является знаком только языка, тем более языка формально-логического.

Прагматисту нет нужды выбирать между аналитической мыслью и постмодернистским дискурсом, реализмом и антиреализмом (или «вульгарным» релятивизмом). Прагматизм, особенно в его семиотическом варианте, всегда искал третий путь, лавируя между рифами эмпиризма и «идеализма» (если воспользоваться еще одним традиционным термином). Факты, независимые от нас, изначально определяют наши воззрения, говорил Джеймс. Но эти последние толкают нас к действию, в результате чего производятся новые факты, которые заставляют переосмыслить («заново определить») прежние убеждения. «Процесс истины, как он протекает, является результатом двойного влияния. Из фактов выделяются истины; но они обратно погружаются в факты и комбинируются с ними; эти факты заново создают или открывают нам (неважно, какое слово мы употребим) новые истины, и так без конца. Но сами “факты”

---

¹ Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. I. / Пер. с нем. М. Козловой, Ю. Асеева. М.: Гнозис, 1994. С. 125. Далее он поясняет: «...кристальная чистота логики оказывается для нас *недостижимой*, она остается всего лишь требованием» (Там же. С. 126).

при этом не *истинны*. Они просто *есть*. Истина — это свойство наших суждений, возникающих среди фактов и среди них же кончающихся»¹.

---

¹ *James W. Pragmatism: A New Name for Some Old Ways of Thinking* // *James W. Pragmatism and The Meaning of Truth*. Cambridge: Harvard University Press, 1978. P. 107–108.

Михаэль Фестль

(Университет Санкт-Галлена, Швейцария)

1. Трудно ответить на вопрос о преемственности в развитии прагматизма в XX–XXI вв., не располагая достаточным эмпирическим материалом. Мое знакомство с работами неклассических прагматистов и современными дискуссиями, релевантными данной теме, не позволяет утверждать что-либо определенное. С нормативной точки зрения преемственность в области философского знания неотделима, на мой взгляд, от «пластичности» мысли, ее способности реагировать на меняющиеся исторические условия, содействовать решению актуальных социальных проблем. В начале прошлого столетия, в так называемую «Эру прогрессивизма», прагматизм оказывал значительное влияние на общественную жизнь Америки. То, что философия может быть социально полезной — весьма важный и вдохновляющий урок, который стоит извлечь из истории прагматизма.

2. Язык был в центре внимания возрожденного прагматизма второй половины XX в., однако в последнее время можно заметить (особенно если судить по немецкоязычной литературе) постепенное смещение философского интереса: от лингвистической проблематики к проблематике опыта.

3. Прагматисты всегда относились с недоверием к дихотомиям, считая, что любое философское различие должно рассматриваться критически и приниматься или отвергаться в зависимости от его полезности или бесполезности. С этой точки зрения нынешнее разделение философии на аналитическую и континентальную контрпродуктивно, поскольку ведет к дисциплинарной дезинтеграции и разрушает то, что могло бы прекрасно существовать и развиваться как единое целое.

Стэнли Фиш

(Международный университет Флориды,
США)

1. Прагматизм, как современный, так и классический, смещает акцент с абстрактных теорий и умозрительных построений на проблематику, способы рассуждения и подходы, более созвучные практической философии Аристотеля. Идея заключается в обращении к паттернам и истории социальных практик, а не в погоне за неким трансцендентным алгоритмом.

2. «Язык» и «социальная практика» — комбинация того и другого — будет наиболее точным ответом на вопрос о специфике современного прагматизма, как я его понимаю.

3. Учитывая, что прагматизм представляет собой направление мысли, целиком погруженной в конкретику социальных процессов и изменений, он предназначен для урегулирования практических, а не философских (метафизических) споров.

Пол Форстер

(Оттавский университет, Канада)

1. Существуют значительные философские расхождения как между основателями прагматизма, так и между ними и современными прагматистами. Об этих разногласиях часто говорят, но обычно считается, что их легко преодолеть или что они несущественны, поскольку не затрагивают главного в прагматизме. На самом деле они сложны для понимания и чрезвычайно затрудняют описание прагматизма как единого философского метода, развивающегося проекта или целостной системы принципов.

Бесспорно, в традиции прагматизма есть непрерывность влияния. Современные мыслители, такие разные, как Хилари Патнэм, Ричард Рорти, Шарлин Хэддок Сигфрид и Корнел Уэст, разумеется, воздают должное Уильяму Джеймсу, Джону Дьюи и Чарльзу Пирсу. Но каждый из них рассматривает классический (ранний) прагматизм со своей особой точки зрения, определяя, что в нем «живо», актуально и ценно, а что ушло в прошлое. Вследствие этого возникают идеи, которые ранние прагматисты вряд ли могли предвидеть и во многих случаях сочли бы неприемлемыми. Работы авторов, которых я перечислил, можно, наверное, отнести к прагматизму в широком смысле, однако читать и интерпретировать их следует в их собственных терминах, не слишком заботясь о том, как все это согласуется с историко-философским классификатором.

С другой стороны, если понимать влияние как свидетельство глубокого и прочного согласия с философскими предшественниками или накопления теоретических результатов, исторический подход вполне оправдан. Специфику прагматизма как философской традиции чаще всего связывают с его упором на открытое исследование, учитывающее способность человека ошибаться, и социальное обоснование знания, апеллирующее к опыту во всех его проявлениях (к моральному, религиозному,

эстетическому, политическому и научному опыту), а также с тем, что прагматизм рассматривает философию в ее взаимосвязи с проблемами современной ей жизни. Такой взгляд я считаю справедливым. Тем не менее эти принципы могут пониматься по-разному, и брать их за определение прагматизма — значит упускать из виду важные различия между современными его представителями в ущерб адекватной интерпретации всей традиции.

Рассмотрим взгляды Пирса и Дьюи на логику исследования — их представления о свидетельствах и способах рассуждения, используемых в поиске истины. Общие для них положения видны сразу. Они согласны в том, что экспериментальный метод лежит в основе прагматизма, и единственным мерилom теории является ее эффективность (*practical effects*), т. е. последствия предписываемого теорией активного вмешательства в ход событий, направленного на достижение предсказуемых, воспроизводимых результатов. Кроме того, оба философа формулируют свое понимание опыта, убеждения, значения, истины и обоснования исходя из анализа логики экспериментальной проверки.

Если же выйти за рамки этих общих тезисов и рассмотреть, каким, по мнению Пирса и Дьюи, должен быть подход к философии, становятся видны значительные расхождения. Разрабатывая свою теорию исследования, Дьюи отталкивается от фактов, характеризующих человека, человеческую культуру и окружающую его среду — фактов, раскрываемых естественными и поведенческими (бихевиоральными) науками. Пирс, напротив, считает такой подход «никудашным» (CP 8.243) и «абсолютно порочным» (CP 8.240), идущим вразрез со всеми теми исследованиями, которыми он, Пирс, был «целиком поглощен последние 18 лет» (CP 8.243)¹.

С точки зрения Дьюи, развивать теорию исследования без учета человеческого «добавления» — всего, что привносится субъектом в процесс познания, — можно лишь допустив, что наши когнитивные способности (жизнь сознания) полностью

---

¹ См. также письмо Пирса Э.Г. Мэру в: *The New Elements of Mathematics* by Charles S. Peirce / Ed. by C. Eisele. Hague: Mouton Publishers, 1976. Vol. 3/2. P. 914.

отделимы от остальной нашей деятельности (жизни тела), что, конечно, противоречит идее биологического континуума, преемственной связи человека с другими животными существами. Учитывая долгую историю безуспешных попыток обосновать убеждения и ценности *a priori*, Дьюи делает ставку на эмпирическое исследование оснований нашего знания в опыте. Эта стратегия, надеется он, позволит улучшить методы закрепления верований — цель, которая изначально ставилась Пирсом, — подобно тому как лучшее понимание естественных закономерностей и условий роста растений ведет к повышению урожая. Он считает не просто целесообразной (в практическом смысле), но и *философски* оправданной такую модель исследования, которая дает определенному живому существу — человеку — инструменты для построения надежной системы убеждений и ценностей, позволяющей наиболее полно, органично и продуктивно взаимодействовать с внешним миром.

Пирс полагал, что Дьюи слишком увлечен психологией. Не видя необходимости в разделении знания и действия, психического и физического, соглашаясь с тем, что эмпирическая психология и изучение экспериментальных данных многое сообщают нам об исследовании, Пирс с готовностью принимает выводы Дьюи о человеческом мышлении и познании. И все же он настаивает на том, что логика исследования должна указывать на принципы, обязательные для всех видов исследования, а не только исследования человеческого (*human inquiry*), и «работающие» в любом из возможных миров с их постижимыми разумом истинами, а не только в актуально существующем мире. Он полагает, что эти принципы первичны по отношению к открытиям поведенческих и естественных наук, что они обладают всеобщностью и необходимостью, которых лишены утверждения о мире, существующем актуально, и что они являются основой метафизики, науки о наиболее общих законах мироздания. По мнению Пирса, Дьюи недостаточно четко проводит различие между естественной историей мысли и нормативной логикой и, далее, становится жертвой порочного круга, в котором теория исследования основывается на результатах естественных и поведенческих наук, которые сами обосновываются этой теорией. Чтобы избежать этого круга,

теория исследования, настаивает Пирс, должна базироваться на выводах математики, феноменологии, нормативных наук и семиотики — результатах, доказанных экспериментально, но не зависящих ни от какой теории исследования или знания о реальном мире, на чем Дьюи возводит свою логику¹.

Доводы, каждому из оппонентов представляющиеся убедительными, не столь безусловны. На самом деле, ни Дьюи не «растворяет» логику в естественной истории («эмпирическом»), ни Пирс не отделяет познание от материальных и социальных условий, делающих его возможным. Если мы примем сторону одного из философов, некритически согласившись с его аргументами, то существенно недооценим глубину и проницательность мысли другого. Но и пройти мимо этой дискуссии как несущественной мы не можем, ведь разногласия Пирса и Дьюи по поводу целей, методов и объекта логики исследования распространяются на их понимание прагматизма как такового.

Рассматривать прагматизм как единую философию или традицию мысли становится еще сложнее, когда дело доходит до работ Уильяма Джеймса. Джеймс солидарен с Дьюи в том, что философия должна исходить скорее из психологии и биологии, чем из чистой логики, как хотелось Пирсу. Однако он придает гораздо большее значение физиологии и интроспекции, нежели Дьюи, — в том числе в разработке теории познания. Эти методологические расхождения важны, но еще более важное значение имеют разногласия, возникающие среди прагматистов в связи с пониманием Джеймсом метафизики.

Джеймс согласен с Пирсом и Дьюи в том, что метафизика не является трансцендентальной наукой. Все трое считают, что споры о соотношении свободной воли и детерминизма, абсолютного идеализма и научного материализма, теизма и атеизма не предполагают каких-то специальных когнитивных способностей и не относятся к фактам, лежащим по ту сторону мира эмпирической реальности и здравого смысла. Но в отличие от Пирса и Дьюи, Джеймс не подходит к метафизике с позиции ученого, не считает метафизические вопросы бессмы-

---

¹ См. вторую главу моей книги «Пирс и угроза номинализма»: *Forster P. Peirce and the Threat of Nominalism*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 13–41.

сленными или некорректно поставленными, если они не могут быть решены посредством логики экспериментального метода, и не приравнивает ответы на них к проверяемым утверждениям и гипотезам естественных наук¹. Вместо этого он считает их выражениями «темперамента» — проявлениями «нашего более или менее смутного чувства того, что представляет собой жизнь в своей глубине и значении»².

Джеймс полагает, что мыслители с «мягким» складом ума чаще всего бывают приверженцами свободы воли, абсолютно-го идеализма и теизма (выбор, диктуемый их моральными и духовными идеалами), в то время как «жесткие» мыслители являются, как правило, сторонниками детерминизма, материализма и атеизма (или агностицизма) — ввиду предпочтения, оказываемого механическим объяснениям и эмпирическим доказательствам. Этот конфликт темпераментов распространяется и на взгляды относительно философского метода: «мягкие» умы склоняются к априорной интуиции, трансцендентальным аргументам или диалектике, а «жесткие» делают ставку на логический анализ и эмпирическую проверку. Однако Джеймс не пытается развести по разные стороны баррикад мыслителей-интеллектуалов, опирающихся на логику и доказательства, и анти-интеллектуалов, довольствующихся неverified догмами и положениями веры. Он утверждает, что ни одна, ни другая сторона не руководствуется только фактами, обе привержены определенным когнитивным и моральным идеалам, т. е. представлениям о том, как лучше примирить наши интеллектуальные обязательства с нашим пониманием смысла жизни³.

---

¹ По словам Джеймса, метафизика (более точное определение которой он затрудняется дать) есть «обсуждение разнообразных темных, абстрактных, универсальных вопросов, которые обыкновенно ставятся, *но не решаются* науками и жизнью... вопросов широких и глубоких, относящихся к целокупности всех вещей или к их первоосновным началам» (*James W. Some Problems of Philosophy // The Works of William James. Vol. 7. Past Masters Electronic Edition. P. 21. — Курсив мой*).

² *James W. Pragmatism: A New Name for Some Old Ways of Thinking // The Works of William James. Vol. 1. Past Masters Electronic Edition. P. 9.*

³ Такой стратегии Джеймс придерживается, в частности, в «Воле к вере»: *James W. The Will to Believe and Other Essays in Popular Philosophy // The Works of William James. Vol. 6. Past Masters Electronic Edition. P. 13–33.*

Для Джеймса разбор метафизических контrovers — не просто упражнение в логической реконструкции, как для Пирса и Дьюи. И в форме, и в содержании соперничающих систем метафизики отражены философские методы, с помощью которых эти системы создавались. Использование логики научного исследования в качестве инструмента прояснения и разрешения споров (к чему призывали Пирс и Дьюи) показалось бы невозможным или, во всяком случае, проблематичным мыслителям, обладающим «мягким» складом ума, склонным думать, что знание не ограничивается результатами экспериментального анализа. С точки зрения Джеймса, прояснение сути спора — сродни постижению внутреннего мира другого человека. Необходимо проникнуться теми переживаниями и устремлениями, которые заставляют людей принимать одни метафизические идеи и отвергать другие¹.

По мнению Джеймса, метафизические противоречия не снимаются, поскольку участники споров движимы разными, одинаково законными потребностями: мыслители «жесткого» склада нуждаются в убеждениях, подтверждаемых фактами, мыслители «мягкого» не согласны на меньшее, чем обретение смысла жизни. Следовательно, разумное решение спора надо искать в разработке концепции мира, учитывающей обе указанные потребности и освобождающей нас от необходимости рассматривать их как нечто несовместимое. Именно такой подход к оценке метафизических взглядов — с точки зрения *как* интеллектуальной (в терминах их внутренней логичности и соответствия установленным фактам), *так и* моральной (по тому, какие идеалы и ценности ставятся во главу угла, как они согласуются с жизненными реалиями и друг с другом) —

---

¹ «Книги всех великих философов подобны многим живым людям. Мы чувствуем в каждом из таких произведений какой-то личный, характерный, но неопиcуемый аромат, и это чувство есть лучший плод нашего собственного законченного философского образования. Всякая философская система желает быть изображением этого великого Божьего мира; в действительности же она — нагляднейшее проявление того, как необычайно своеобразен аромат индивидуальности одного из наших ближних» (*James W. Pragmatism*. Р. 24. Цит. по: Джеймс У. Прагматизм: новое название для некоторых старых методов мышления / Пер. с англ. П. Юшкевича // Джеймс У. Воля к вере. М.: Республика, 1997. С. 221).

является, в понимании Джеймса, сущностью прагматического метода в философии.

Джеймсова интерпретация данного метода решительно отвергается Пирсом и Дьюи. По мнению Пирса, Джеймс необоснованно подчиняет знание (истину) действию (жизни) (СР 8.115, 8.250 и 8.257), ошибочно полагая, что когнитивные и моральные идеалы могут быть оправданы их полезностью или необходимостью для определенного уклада жизни (СР 2.113). Действительная цель рационального исследования, в том числе метафизического, возражает Пирс, заключается в поиске истины, а не в нашей личной удовлетворенности (fulfillment); логика исследования требует, чтобы теории были основаны исключительно на доказательствах — безотносительно того, какое влияние убеждения оказывают на нашу жизнь. В то время как Джеймс всюду видит «след человеческого»¹, Пирс настаивает на том, что рациональное исследование включает «метод, согласно которому наши убеждения определяются не чисто человеческими обстоятельствами, но некоторым внешним сознанию постоянством (permanency), на которое наше мышление не имеет никакого влияния» (СР 5.384). Поскольку исследование, по мнению Пирса, если и достигнет исчерпывающе полной реализации этой цели, то не иначе как в результате неопределенно долгого накопления опыта, оно предполагает некий идеал, превосходящий интересы любого отдельно взятого исследователя, — идеал, свидетелями осуществления которого индивиды, даже будучи предельно рациональными, могут не стать никогда. Как полагает Пирс, все «вопросы жизненной важности», которые нельзя откладывать до лучших времен, следует решать опираясь на уже имеющееся знание, проверенное опытом, и не рассчитывать на подсказки философской теории².

---

¹ James W. Pragmatism. P. 37.

² См.: Peirce C.S. Philosophy and the Conduct of Life // Peirce C.S. Reasoning and the Logic of Things / Ed. by K. Ketner. Cambridge: Harvard University Press, 1992. P. 105–122. Подробнее об этом: Forster P. Peirce on Theory and Practice // Charles Sanders Peirce in His Own Words: 100 Years of Semiotics, Communication and Cognition / Ed. by T. Thellefsen, B. Sorensen. Berlin; Boston: Mouton de Gruyter, 2014. P. 372–383; Idem. Peirce and the Threat of Nominalism. P. 232–246 (chapter 11).

С точки зрения Джеймса, постулируемая Пирсом критическая позиция по ту сторону личного морального горизонта иллюзорна¹. Доводы Пирса никоим образом не опровергают того, о чем, по мнению Джеймса, свидетельствует психология, а именно, что «темпераменты с их симпатиями и антипатиями определяют в действительности — и всегда будут определять — философские воззрения людей», и что «чисто объективной истины — истины, при установлении которой не играло бы никакой роли субъективное удовлетворение от сочетания старых элементов опыта с новыми элементами, — такой истины нигде нельзя найти»². Взыскав вселенной, которая отвечала бы научному темпераменту, философ, подобный Пирсу, предсказуемо «верит в любую картину мира, которая к нему подходит, [и] чувствует, что люди противоположного темперамента не находятся в гармонии с истинной сущностью мира, ...считает их непонимающими дела и “не на своем месте” в вопросах философии»³. Когда Пирс обращается к логике исследования, чтобы защитить свои теоретические и практические идеалы, он пытается «заглушить» темперамент, забывая, что уважение к нему является «самой мощной из всех... предпосылок»⁴. Считая уклонение от интеллектуального темперамента невозможным, а его подавление пагубным, Джеймс предлагает свой прагматический метод, позволяющий сделать явными столкновения идеалов и ценностей в философии, с тем чтобы тщательно их рассмотреть.

Нельзя сказать, чтобы Дьюи был более расположен к прагматизму Джеймса, чем его главный оппонент Пирс. Хотя он

---

¹ «Детали философских систем обдумываются по частям, и мыслитель, работающий над своей системой, часто, может быть, из-за деревьев не видит леса. Но когда работа закончена, когда дух произвел свою подводящую всему итог операцию синтеза, система начинает — подобно одушевленному существу — жить своей собственной жизнью с той простой своеобразной ноткой индивидуальности, которая навещает нашу память, как навещает человека призрак умершего друга или врага» (*James W. Pragmatism*. P. 24. Цит. по: Джеймс У. Прагматизм. С. 221).

² *James W. Pragmatism*. P. 24, 37. Цит. по: Джеймс У. Прагматизм. С. 221, 232.

³ *Ibid.* P. 11. Цит. по: Джеймс У. Прагматизм. С. 210–211.

⁴ Там же. С. 211.

далеко не сочувствует предложению Пирса вывести актуальные жизненные проблемы за рамки философского/научного исследования, он не готов подчинять метафизику обсуждению вопроса о том, какие убеждения способствуют достижению личных идеалов и целей, а какие нет. По мнению Дьюи, Джеймс смешивает два разных подхода: теоретический интерес ученого к экспериментальным последствиям гипотез как наилучшему из доступных критериев истины и практический интерес моралиста к последствиям убеждений и ценностей для наших судеб, характера, образа жизни и т. д.¹ С точки зрения Дьюи, решение экзистенциальных проблем человека никак не связано с теми абстрактными идеалами, которые Джеймс выделяет достаточно произвольно, чтобы распределить по темпераментам. Напротив, эти проблемы следует продумывать всякий раз заново и предметно, когда в той или иной ситуации у нас возникают сомнения в надлежащем способе действия. А если нет понимания того, как проблема должна исследоваться, ее невозможно не только решить, но даже поставить. По мнению Дьюи, темперамент мыслителя, философа или ученого, играет хотя и законную, но относительно несущественную и ограниченную роль в познании, результаты которого удостоверяются коллективно.

Критика Дьюи кажется Джеймсу столь же неубедительной, как и доводы Пирса. Дьюевский идеал разумности (*intelligence*) не обосновывается ссылками на факты о природных явлениях, но с самого начала *предполагается* ими. Этот идеал вытекает из приверженности Дьюи поведенческим наукам в качестве надежного (в противовес интроспекции, априорному анализу или трансцендентальной дедукции) основания логики, а также из убежденности философа в превосходстве экспериментального метода (в сравнении с диалектикой, чистым разумом или здравым смыслом). Джеймс полагает, что дьюевский подход к философии невозможно обосновать иначе, чем заранее согласившись с его представлениями о том, какие человеческие

---

¹ См.: Dewey J. What Pragmatism Means by Practical // The Collected Works of John Dewey, 1882–1953. Vol. 4. The Middle Works of John Dewey, 1899–1924. Past Masters Electronic Edition. P. 99–116.

способности, как наиболее ценные, должны поощряться и развиваться.

Эти противоречия между Джеймсом, Пирсом и Дьюи столь же трудноразрешимы, сколь и важны для нашего понимания прагматизма. Критицизм Пирса и Дьюи не затрагивает ни тщательно разработанной психологии веры и метафизики, лежащих в основе воззрений Джеймса, ни выдвигаемых им аргументов против ниспровержения метафизики как бесполезной, ненаучной и антиинтеллектуальной¹. Приписывая Джеймсу принцип, согласно которому метафизические взгляды оправданы тем, что служат личному удовлетворению (*personal fulfillment*), они искажают его философию. Следствием этого является ошибочное мнение, распространенное по сей день, что в «Прагматизме» и «Воле к вере» Джеймс не достиг заявленных целей и что эти работы представляют лишь историко-философский и культурологический интерес как реакционные попытки предупредить возникновение секулярной, научной философии. Внимательное рассмотрение обстоятельств возникновения этих текстов и более тщательный анализ их содержания, напротив, показывает, что расхождения между Джеймсом, Пирсом и Дьюи — расхождения, касающиеся психологического обоснования прагматизма, его спецификации и соотношения с другими философскими направлениями и традициями, — гораздо сложнее, чем даже казалось самим классикам. Эти расхождения легко упустить из виду при построении любой концепции, рассматривающей прагматизм как целостную традицию или философскую школу, сводимую к некоторому каноническому набору взглядов.

Образ прагматизма как такой традиции/школы кажется еще более сомнительным, если перейти к обсуждению его наследия — хотя бы потому, что литература, черпающая вдохновение у Пирса, Джеймса и Дьюи, огромна и разнообразна, как легко убедиться при самом беглом просмотре любого библиотечного каталога. Даже если ограничиться современными американскими философами, которых считают главными адепта-

---

¹ Подробнее об этом см.: *Richards R.J. The Personal Equation in Science: William James' Psychological and Moral Uses of Darwinian Theory* // *Harvard Library Bulletin*. 1982. Vol. 30. № 4. P. 387–425.

ми прагматизма, приходится констатировать чрезвычайный разброс идей и подходов.

Хотя работы Уилларда Куайна, к примеру, часто ассоциируются с прагматизмом, это сходство весьма поверхностно, как он сам и указывает. Обращение к прагматизму в заключительной части «Двух догм эмпиризма» не имеет ничего общего с интуициями классиков¹. Скорее, эта ссылка Куайна на прагматизм связана с его нежеланием проводить различие между прагматически обусловленным выбором лингвистической системы (исходя из ее полезности для определенных целей) и приписыванием истинности утверждениям, выраженным в терминах данной системы. Он отказывается от этого разделения, характерного для Р. Карнапа и К.И. Льюиса, поскольку оно опирается на дихотомию аналитических и синтетических истин. Его замечания по поводу аналитичности объясняются тем, что он не может сформулировать экстенционально адекватное определение этого термина, применимое к различным утверждениям в различных лингвистических контекстах и выраженное в терминах бихевиоризма². Эта проблематика не играет существенной роли в философии Джеймса, Дьюи или Пирса, да и Карнап с Льюисом не придают ей большого значения. Она становится значимой лишь при рассмотрении физикалистской реконструкции эмпирического базиса науки (и философии), проделанной Куайном и не имеющей аналогов в работах кого-либо из прагматистов.

О гипотетическом влиянии американского прагматизма на Куайна отнюдь не свидетельствует и его утверждение о том, что выбор теории и базовой онтологии должен определяться экономией средств, простотой, когерентностью, консерватизмом и т. д. Хотя эти принципы обычно считаются прагматистскими, их важность подчеркивается и во многих течениях эмпиризма, включая позитивизм Венского кружка.

---

¹ *Quine W. Two Dogmas of Empiricism // Quine W. From a Logical Point of View. Cambridge: Harvard University Press, 1980. P. 46.* Его собственное разъяснение на этот счет см.: *Quine W. Two Dogmas in Retrospect // Canadian Journal of Philosophy. 1991. Vol. 21. № 3. P. 265–274.*

² Хотя куайновское (псевдо)определение аналитического удовлетворяет этим критериям, оно не оправдывает эпистемологического разделения аналитических и синтетических суждений, на котором настаивают Льюис и Карнап. См.: *Quine W. The Roots of Reference. LaSalle: Open Court, 1974.*

Апелляции Куайна к Дьюи также немного переоценены. Следует помнить, что эти часто цитируемые места в «Онтологической относительности» являются более поздними добавлениями, связанными с тем обстоятельством, что Куайн открывал цикл лекций имени Дьюи в Колумбийском университете. В статьях, посвященных его философским предшественникам, Куайн даже не упоминает прагматистов¹. А в своих рассуждениях о наследии прагматизма он не находит «почти ничего общего и специфического» у признанных прагматистов и утверждает, что прагматизм «имеет весьма отдаленное отношение к пяти главным [по его мнению] поворотным пунктам пост-юмовского эмпиризма»².

Куайн справедливо отмечает, что Дьюи — в этом оба философа солидарны — отвергает «первую философию» и ратует за то, чтобы распространить на все знание, включая знание философское, стандарты доказательства, наилучшим образом выраженные в естественных науках. Однако не следует упускать из виду, что цель, которую преследовал Дьюи — сформулировать общие условия разумного решения (урегулирования) проблем (*intelligent problem-solving*) и через это способствовать развитию науки, морали, образования, политики и искусства, — существенно расходится с замыслом Куайна: раскрыть физиологические механизмы, отвечающие за нашу когнитивную деятельность — от раздражения нервных окончаний до формирования обоснованных систем убеждений.

В отличие от Куайна Хилари Патнэм опирается на наследие классиков прагматизма более открыто и артикулированно. Однако сложно сказать, в чем именно заключается это влияние,

---

¹ См., напр.: *Quine W. Epistemology Naturalized* // *Quine W. Ontological Relativity and Other Essays*. N.Y.: Columbia University Press, 1969. P. 69–90; *Idem. Theories and Things*. Cambridge: Harvard University Press, 1981. P. 67–72, 73–85; *Idem. From Stimulus to Science*. Cambridge: Harvard University Press, 1998. P. 1–14; *Idem. Two Dogmas in Retrospect*.

² *Quine W. The Pragmatists' Place in Empiricism* // *Pragmatism: Its Sources and Prospects* / Ed. by R. Mulvaney, P. Zeltner. Columbia: University of South Carolina Press, 1981. Куайн здесь «охотно признает», что «бихевиористская семантика является одной из отличительных черт прагматизма», и «приветствует это», однако подчеркивает, что «термин “прагматизм” вряд ли полезен в качестве альтернативного названия» данной позиции.

в том числе потому, что сам Патнэм не рассматривает себя как участника какого-либо общего философского проекта. В интеллектуальной автобиографии 2015 г. он излагает позиции, которых придерживался в течение своей жизни по широкому спектру вопросов (включая математику, физику, философию языка и сознания), а также намечает пути пересмотра и развития собственных взглядов, но не предлагает никакого общего метода или подхода к ним¹. Хотя Патнэм утверждает, что следует за прагматистами, отводя практике главенствующую роль в философском исследовании, он радикально расходится с ними, отвергая идею научности (или хотя бы теоретичности) философии. По его мнению, все, что может дать философия — это разнообразные «картины» реальности, соответствующие нашим лингвистическим практикам, нашему образу мыслей и действий. Таким пониманием философии Патнэм обязан скорее Витгенштейну, нежели Пирсу, Джеймсу или Дьюи.

Патнэм перечисляет несколько важных уроков, которые необходимо извлечь из истории прагматизма и постараться усвоить: (1) антискептицизм (требование проводить различие между «реальным» и «чисто философским» сомнением); (2) фаллибилизм (признание погрешимости знания и согласие с тем, что убеждения не должны быть закрыты для возможных проверок и пересмотра); (3) отрицание дихотомии факта и ценности; (4) примат практики в философии². Хотя Патнэм пишет, что эти принципы «лежат в основе философии Пирса, и тем более Джеймса и Дьюи», он также отмечает, что самими классиками прагматизма и другими философами они интерпретировались по-разному³. С учетом того, что он отказывается от концепций значения, истины и убеждения, в терминах которых ранние прагматисты раскрывали свое понимание данных принципов, трудно с уверенностью сказать, где именно в философии Патнэма проявляется влияние прагматизма.

---

¹ *Putnam H. Intellectual Autobiography // The Philosophy of Hilary Putnam / Ed. by R. Auxier, D. Anderson, L.E. Hahn. Carbondale: Southern Illinois University Press, 2015. P. 3–110.*

² *Putnam H. Words and Life. Cambridge: Harvard University Press, 1994. P. 152.*

³ *Ibid.*

Патнэм, далее, находит в прагматизме идеи, схожие с его взглядами на реализм, концептуальную относительность и отрицание дихотомий между концептами и перцептами, сознанием и реальностью, фактами и ценностями. Но оценивает он эти идеи исходя из своей перспективы, а именно ориентации на семантический экстернализм, антибихевиоризм, антиверификационизм и т. д. Ничего из этого он не заимствовал у прагматистов. Позиция зрелого Патнэма выкристаллизовалась в его противостоянии логическим позитивистам (особенно Карнапу), Рейхенбаху и Куайну, и происходило это одновременно с пересмотром его взглядов на математическую логику, философию сознания и философию науки — процессом, который напрямую не связан с прагматизмом. Конечно, Патнэм восхищается работами прагматистов как интеллектуальных предшественников и собеседников, но утверждать, что он защищает их взгляды, я бы не стал¹.

Ричард Рорти гораздо охотнее, чем Патнэм, демонстрирует свою приверженность прагматизму и объясняет, что именно было почерпнуто им из наследия классиков. У Пирса он не находит ничего ценного, помимо отрицания картезианства, зато Джеймса всячески превозносит — за настойчивость и изобретательность, с которыми он проводит мысль о том, что истина есть «разновидность благого» (а не соответствие фактам), что целью познания является взаимодействие с реальностью (а не репрезентация реальности), что назначение философии — производство идей и концепций, отражающих индивидуальные и общественные потребности (а не приближение к транскультурному идеалу). У Дьюи он одобряет критику поиска достоверности исходя из априорного знания или чувственно данного, убежденность в пользе делиберативной демократии как инструмента развития культуры и обращение к практике как единственному источнику нормативности. Однако продвигая эти идеи, Рорти ставит своей целью изменение философского дискурса, а не прояснение ключевых концептов. Ему хотелось бы увести философию от размышлений о достоверности и надежности высказываний об истине, благе и кра-

---

¹ См.: The Philosophy of Hilary Putnam. P. 799.

соте в сторону имажинативно-творческого мышления, освобожденного от ограничений эпистемологии, метафизики, этики и эстетики. Ничего подобного нет в философии Джеймса и Дьюи, в связи с чем Рорти неоднократно высказывал сожаление. Учитывая, что его постоянным желанием было возражать прагматистам и исправлять их ошибки, можно сказать, что автор «Философии и зеркала природы» был скорее решительным критиком, чем сторонником прагматизма.

Изучать традицию прагматизма в поисках идей, продвигающих современное обсуждение — это нормально. Старые идеи часто бывают и «современнее», и полезнее новых. А вот построение больших нарративов о философских традициях, их базовых принципах, методах и мотивах — совсем другое дело, гораздо более темное и проблематичное. Внимательное знакомство с литературой, относящейся к традиции американского прагматизма, показывает, что она значительно более разнообразна, глубока и трудна для понимания, чем принято думать сегодня, когда пытаются отделить «актуальное» в ней от вышедшего в тираж. Необходимо более осторожно, терпеливо и вдумчиво подходить к ее освоению, чтобы случайно не пропустить нечто важное — ведь даже философы, считавшие себя прагматистами, отвергали мысль Пирса как слишком метафизическую, не признавали Джеймса за субъективистский и персоналистский уклон, а Дьюи — за излишний инструментализм, верификационизм или антиреализм. Такой аккуратный, взвешенный подход к истории мысли позволяет, кроме всего прочего, выявлять «болевые точки», внутренние противоречия и тупики, встречающиеся в любом философском течении, включая разновидности прагматизма. Это, пожалуй, самое ценное, что может дать изучение философии и ее истории.

2. Такие термины, как «опыт», «язык» и «социальная практика» занимают важное место в работах многих нынешних прагматистов, но не только у них. Ни один современный философ, прагматист он или нет, не станет отрицать, что опыт играет решающую роль в языковой деятельности и в социальной практике. Также никем не оспаривается, что язык «наполняет» и определяет наши интерпретации ощущений и социаль-

ных взаимодействий. Социальные практики, в свою очередь, влияют на использование языка и проникают в личный опыт. Вопрос не в том, важны ли для прагматизма понятия «опыт», «социальная практика» и «язык» — безусловно, да, — а в том, какую основную идею (мотивацию) позднего прагматизма они отражают.

Среди современных прагматистов, насколько я знаю, нет единого мнения на этот счет. Роберт Брэндом увязывает практики выдвижения и обоснования утверждений с недискурсивным «знанием как» (know-how), а репрезентативное измерение языка оказывается у него производным от социальных практик аргументации и обмена доводами, что сразу приуменьшает важность связи с реальностью в объяснении содержания (хотя понятие до- или вне-дискурсивной реальности сохраняет у Брэндома определенный вес). Рорти, следуя Дональду Дэвидсону, настаивает на том, что практики радикальной интерпретации (столкновений, пересечений и взаимной коррекции «окказиональных» (passing) теорий в процессе коммуникации) занимают центральное место в объяснении истины и значения. Придерживаясь этой линии рассуждения, Рорти приходит к выводу, что говорить об экстралингвистических фактах совершенно бессмысленно, что истина — пустое понятие, а опыт может быть лишь каузальным и не имеет никакого семантического или эпистемологического измерения. Против этой позиции выступают Макдауэл и Патнэм. По их мнению, каузальным взаимодействием наш контакт с внешней реальностью не исчерпывается; референция (как и интенциональность) является *нормативным* и *семантическим* отношением. Сходства между концепциями перечисленных философов носят слишком общий характер, чтобы пролить свет на различия в том, как они формулируют проблемы, возникающие на пересечении опыта, социальной практики и языка, и чтобы оценить значение для современного прагматизма и философии в целом предлагаемых ими решений.

Выделить в большом массиве идей и мотивов, почерпнутых современными мыслителями из наследия прагматизма, что-то общее и одинаково признаваемое всеми, так же непросто. Одни подчеркивают важность фаллибилистской теории исследования

в противовес взглядам на знание как нечто определенное, необходимое и раз навсегда установленное. Другие считают перспективным переосмысление оппозиций рационализма и эмпиризма, объективизма и релятивизма, реализма и антиреализма. Иногда прагматизм принимается как противоядие от сциентизма, согласно которому только естественные науки основываются на фактах, а искусство, мораль, религия и т. д. опираются на традиции и условности. Мыслители, недовольные академической изоляцией профессионализированной философии, ее дистанцированием от насущных экзистенциальных и культурных проблем, превозносят прагматизм за пропаганду социально значимой философии. Некоторых привлекает в прагматизме идея открытого исследования, демократии и плюралистической терпимости, противостоящих любым иерархиям и разделением по классовому, расовому или половому признаку, в то время как другие ищут в нем союзника в борьбе с феминизмом и социальным реформаторством. А те, кого беспокоит взаимное отчуждение аналитической и континентальной философий, рассматривают прагматизм как средство примирения двух традиций. Нет и в помине консенсуса по вопросу о том, каким образом следует понимать, увязывать друг с другом или распределять по степени важности «интуиции» прагматизма, и ничто из всего перечисленного мною не указывает на наличие ясного и определенного лейтмотива в современном прагматизме.

Тезисы вроде «Точка зрения Бога недостижима», «Практика решает все», «Между ценностями и фактами не существует дихотомии» слишком двусмысленны, чтобы служить путеводными ориентирами новейшего прагматизма. Из-за них легко упустить из виду, насколько часто идеи, распространенные среди прагматистов, разделяются их философскими оппонентами. Ведь прагматисты далеко не единственные, кто считает, что нам не дано «прыгнуть выше головы» и занять трансцендентную позицию объективного наблюдателя. Они также не одиноки в своем отказе от картезианских попыток преодоления пропасти между мыслью (сознанием) и реальностью (миром), в критике эпистемологии и метафизики Просвещения. Неустраимая погрешимость (fallibility) знания, необ-

ходимость опираться на убеждения, в которых нельзя сомневаться изначально, неразрывная связь убеждений, интересов и ценностей — все это признается слишком многими, чтобы считать чем-то особенным, характерным для прагматизма и только для него. Прагматистам есть что привнести в современные дискуссии на эти общие темы, но если единственную заслугу их видеть в подрыве метафизических систем и ригидных дихотомий, а больше ни о чем не говорить, то можно упустить из виду существенные детали, действительно заслуживающие внимания и предметного изучения. Так называемый «прагматический поворот», наблюдаемый сегодня в философии, не является чем-то единым и монолитным — не более чем «лингвистический поворот» в философии XX в.

3. Думаю, термины «аналитическая» и «континентальная», так же как, впрочем, и «прагматизм», достаточно бесполезны для понимания философии и ее истории. Лучше отложить их в сторону и заняться изучением конкретного материала. Я далек от мысли, что у прагматистов, классических или современных, имеется какой-то особый метод, вооружившись которым, философы могли бы разрешать любые противоречия, возникающие из многообразия традиций. В то время как прагматисты справедливо поддерживают плюрализм и терпимость как средство преодоления существенных разногласий, им точно так же, как представителям других философских течений, могут быть свойственны близорукость и тенденциозность в оценках¹. Фактически, они так и не предложили нам рецепта, «как сделать наши идеи ясными» (Пирс)², ни способа «улаживания метафи-

---

¹ О некорректных интерпретациях философии Рассела и Сантаяны в работах Дьюи и философии Куайна в работах Патнэма и Рорти см.: *Forster P. The Case of Dewey and Russell // Cognition. 2014. Vol. 15. № 1. P. 73–88; Idem. Animal Faith or Natural Knowledge: Why Dewey and Santayana Can't Agree about Philosophy // Under Any Sky: Contemporary Readings of Santayana / Ed. by M. Flamm, K. Skowronski. Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 2007. P. 45–61; Idem. Objectivity in Science and Objectivity in Ethics: Quine versus Putnam and Rorty // Philosophical Forum. 2017. Vol. 48. № 3. P. 241–271.*

² *Peirce C.S. How to Make Our Ideas Clear // The Essential Peirce. Vol. 1 / Ed. by N. Houser, C. Kloesel. Bloomington: Indiana University Press. 1992. P. 257–276.*

зических споров, которые иначе тянулись бы бесконечно» (Джеймс)¹, ни метода «систематического описания контролируемого исследования» (Дьюи)². К некоторым рекомендациям прагматистов, тем не менее, стоит прислушаться. Чтобы философия не топталась на месте, а развивалась, полагали они, следует в первую очередь обращать внимание на то, какие вопросы ставятся, какого обоснования они требуют, и почему ответы на них имеют значение. Прагматисты не одиноки в стремлении к подобной ясности, но от этого само стремление не становится менее важным.

---

¹ *James W.* Pragmatism. P. 28.

² *Dewey J.* Logic: The Theory of Inquiry // The Later Works of John Dewey, 1925–1953. Vol. 12. Past Masters Electronic Edition. P. 29.

Сьюзан Хаак

(Университет Майами, США)

Начну с общего замечания. Потребовалась бы, наверное, целая книга, чтобы исчерпывающе полно ответить на поставленные вопросы. Формат интервью не позволяет сделать это. Мои ответы будут вынужденно лаконичными и очень выборочными.

1. «Оригинальная версия» прагматизма, как вы ее называете, выросла из философских дискуссий, которые Ч.С. Пирс и У. Джеймс вели на заседаниях «Метафизического клуба» (Кембридж, Массачусетс) в начале 70-х гг. XIX в. Ключевая идея, получившая выражение в максиме Пирса, состояла в том, чтобы увязать значение терминов и концептов с прагматическими, практическими и эмпирическими следствиями их применения. Однако классическая работа Пирса «Как сделать наши идеи ясными», опубликованная в 1878 г., не содержала слов «прагматический» и «прагматизм». Джеймс, а не Пирс, оказался тем человеком, благодаря которому мир узнал о рождении нового направления мысли. Впрочем, интерпретация прагматической максимы, предложенная Джеймсом в лекции «Философские концепции и практические результаты» (1898), значительно отличалась от трактовки Пирса, и каждый пошел своим путем.

Прагматизм Пирса и Джеймса нашел продолжение и развитие в трудах Дж. Дьюи, а также Дж.Г. Мида, в то время как некоторые современные нам версии (нео)прагматизма были фактически предвосхищены европейскими прагматистами — британцем Ф. К.С. Шиллером и итальянцем Дж. Папини, которые явно недооценивали Пирса, но с восторгом писали о Джеймсе как мыслителе более радикальном и смелом.

Классический прагматизм был традицией, а не школой. Ранние прагматисты составляли разнородную группу исследователей с дивергентными интересами, интеллектуальными

предпочтениями и профессиональными историями: Пирс, изучавший химию и естественные науки, пришел к философии через Канта, медик и физиолог Джеймс испытал влияние британского эмпиризма, а Дьюи переболел гегельянством. В центре внимания Пирса была семиотика, логика, философия науки и эпистемология, Джеймс занимался вопросами этики, психологии и религии, а чрезвычайно широкие интересы Дьюи включали философию образования и политическую теорию.

При всех различиях, однако, ранние прагматисты не ставили под сомнение максимуму прагматизма (формулировки которой могли варьироваться) и, что особенно важно, разделяли некоторые общие исходные положения и теоретические установки, а именно:

- неприятие вербализма; консеквенциалистский подход к значению;
- признание того, что значения терминов не пребывают в неподвижности, а меняются по мере развития и роста знания;
- критика априорного мышления; понимание философии как науки о мире, а не только сознания или языке;
- антидогматизм, подчеркнутая приверженность фаллибилизму;
- отказ от ложных дихотомий и метафизических оппозиций; акцент на непрерывности, транзитивности, связанности идей;
- осознание социальной природы языка и мышления и ее исследование;
- опора на результаты естествознания, серьезное отношение к теории эволюции;
- признание случайности, роли случая — как в человеческой жизни, так и в масштабах Вселенной.

Широта и многогранность творчества классиков прагматизма привлекали к ним не только философов, но и представителей других дисциплин, литературы, образования. Отдельного упоминания заслуживает вклад прагматизма в развитие правового мышления. О.У. Холмс-младший — член-учредитель «Метафизического клуба» и впоследствии судья Верховного суда США — разработал весьма основательную и глубокую теорию юридического реализма.

2. На мой взгляд, классический прагматизм был и остается бесценным философским ресурсом, сокровищницей идей, многие из которых опередили не только свое, но и наше время. Именно ввиду такого разнообразия и богатства, его невозможно охарактеризовать одним словом. В отличие, кстати, от неопрагматизма Ричарда Рорти, этой квазипостмодернистской мешанины, или концепции Роберта Брэндома, называющего себя «аналитическим» прагматистом, или юридического прагматизма Ричарда Познера, или каких-то еще новомодных доктрин, вполне поддающихся краткому изложению — и большего не заслуживающих.

Разочаровавшись в аналитической философии, с которой начиналась его карьера, Рорти состряпал невразумительный винегрет идей, щедро заправленный скептицизмом. Его «прагматизм без метода», в сущности, представляет собой огульное отрицание истины, объективной реальности, достоверности и т. д. — в пользу философии (вернее, *анти*-философии), не зиждущейся ни на чем, кроме пресловутого принципа «солидарности», или соглашения членов сообщества. Кажется, нет нужды объяснять, насколько эта позиция самопровозглашенного прагматиста расходится с идеями классиков, Пирса, Джеймса, Дьюи и всех остальных, разрабатывавших проблемы, на которые у Рорти не нашлось времени.

Опираясь на наследие Рорти и философию Дэвидсона, постепенно теряющую сторонников, Роберт Брэндом сегодня пытается модернизировать прагматизм, придав ему форму аналитической философии. Результат не впечатляет. Фактически Брэндом клонировал старую, всем до боли знакомую теорию значения-как-употребления, только очень ее усложнил, окутав пространными и почти недоступными пониманию рассуждениями о «социальных практиках», которые наделяют слова значениями. Хотя эта стратегия имеет ряд схожих черт с прагматизмом, брэндомовскую программу в целом куда больше связывает с философией позднего Витгенштейна и Уилфрида Селларса, чем, например, с семиотикой Пирса или теорией эволюции языка и сознания Мида. Это типично аналитический подход, подменяющий философскую проблематику лингвистической, ставящий философию языка во главу угла, что не характерно для раннего прагматизма.

Расстроенный неудачами аналитической философии права и ее главного оппонента — критической теории (Critical Legal Theory), которая оказалась слишком политизированной, бывший федеральный судья Ричард Познер вынес на всеобщее обсуждение собственную доктрину, которая снимает с судебных решений всякие теоретические ограничения и выставляет прагматизм как антитеоретическую «философию». Холмс же в свое время писал, что у нас налицо «скорее недостаток теории, чем ее переизбыток», имея в виду, что мы плохо понимаем, как правовая система возникает, эволюционирует и функционирует; на это же указывали другие прагматисты, в частности, судья Бенджамин Кардозо и Дьюи.

3. Я не знаю, где у Джеймса сказано, что прагматизм является или может стать «методом улаживания метафизических споров». Тем не менее, как показывает эта цитата, ранние прагматисты — в отличие от позитивистов — не были настроены враждебно по отношению к метафизике как таковой.

Максима прагматизма, согласно Пирсу и Джеймсу, полезна не только в разрушительных целях, когда нужно продемонстрировать прагматическую бессмысленность традиционных метафизических споров, но и в целях созидательных — при постановке и обсуждении действительно важных вопросов метафизики. Все без исключения классики прагматизма внесли значительный вклад в метафизику: это и «схоластический реализм» Пирса, его универсальные категории, агапизм и тихизм, это и «плюралистическая Вселенная» Джеймса, его теория нейтрального монизма, воспринятая философией сознания XX в., это и дьюевская философия опыта и природы.

Однако к противостоянию аналитической и континентальной философии прагматистская метафизика имеет весьма косвенное отношение. Во-первых, это соперничество — явление более позднее, чем классический прагматизм. Во-вторых, континентально-аналитический раскол воспринимается и осмысливается по-разному в разных контекстах: историки спорят о дивергентных тенденциях и перспективах развития философии в Европе, с одной стороны, и США и Великобритании — с другой, но также обсуждается борьба между философскими

факультетами американских университетов за то, какую философию преподавать (хотя последнее уже не столь актуально, учитывая почти повсеместное доминирование аналитической мысли).

Тем не менее я полагаю, что в арсенале американского прагматизма достаточно средств, чтобы помочь двум философским традициям преодолеть разделяющие их противоречия (во многом надуманные) — не за счет решения какого-то метафизического вопроса, а показав, как можно сочетать преимущества обоих подходов: точность и ясность аналитической аргументации и глубину, широту охвата и экзистенциальную релевантность, к которым стремится континентальная философия. Да, интегрировать эти две парадигмы непросто, но, как показывает история прагматизма, не невозможно. Классикам этой традиции удалось, разными способами и с разной степенью успешности, осуществить то, о чем многим из нас, профессиональных философов, сегодня остается только мечтать: создать философию, открытую миру (а не замкнутую на субъекте и категориях, которыми он оперирует) и полностью удовлетворяющую запросы как «жесткого» (*tough-minded*), так и «мягкого» (*tender-minded*) интеллектуальных темпераментов.

Джеймс Э. Хакет

(Государственный университет Саванны,
США)

1. Исторически прагматизм следует понимать как постоянную заботу о том, чтобы теоретический поиск направлялся интересами практической деятельности. Всякий раз, когда мы забываем об этом, наши концептуальные рассуждения утрачивают гибкость, становятся доктринерскими и не дают результата. Эта максима составляет ядро взглядов по крайней мере одного представителя прагматизма — Уильяма Джеймса, философией которого я прилежно и с увлечением занимаюсь с аспирантуры. Сказанное, впрочем, в той или иной степени относится и к Селларсу с Рорти, так же как к Пирсу и Дьюи. Поэтому на вопрос о *преемственности* я отвечаю, что прагматизм — это история постоянных споров о том, *как именно практическая деятельность направляет теорию*, — споров, в которые были втянуты и ранние, и поздние прагматисты. При том что сама максима понимается очень по-разному, ключевой вопрос, по моим наблюдениям, остается неизменным.

Говоря конкретнее, американский прагматизм как движение начинается с момента интеграции деятельности и знания, учреждения полного их единства, возвращающего философскую мысль к культурным пространствам, которые старая философия, от картезианства XVII в. до немецкого идеализма XIX в., сочла бы неприемлемыми. Философия обращается к праксису, практическим следствиям убеждений. Прагматическая мысль, иными словами, имеет дело с конкретным опытом. Отвергая доктрину Декарта и прочие фундаменталистские системы, все прагматисты согласны в том, что философия начинается не с универсального сомнения и не нуждается ни в каком привилегированном, беспредпосылочном, нивелирующем контексте знания, которое служило бы отправной точкой исследования. Такие Архимедовы точки недостижимы! В Новое время (the

modern period) с тех же предположительно беспредпосылочных знаний философы начинали свой поиск достоверностей и непреложных истин. В действительности, непреложные и вневременные истины представляют собой идеализации временных истин человеческой жизни. Для прагматистов эти идеализации — всего лишь моменты теоретической достоверности.

Я выделил бы четыре основных импликации вышеозначенной интеграции знания и деятельности (теории и практики), которые можно обозначить как смысловые константы (continuities) и с которыми согласны большинство прагматистов с классических времен до наших дней.

Во-первых, прагматисты акцентируют внимание на отношении человека к природе, что обычно предполагает рассмотрение природных явлений как процессов. Мир природы не статичен и не телеологичен; мир эволюционирует. Какое же место, спрашивают прагматисты, занимает человек в таком универсуме? Существует ли Бог в рамках этой картины мира? Приверженцы классического прагматизма не сторонятся эволюционной теории Дарвина, а многие (как, например, Дьюи и Куайн) фактически призывают к принятию натурализма. Это означает, что прагматисты в подавляющем большинстве являются натуралистами *sui generis*. Если Бог вообще присутствует в их философии, то в нелегко узнаваемом экспериментальном облики. Нам предлагают различные, как правило, нетрадиционные способы примирения божественного начала с природой. Это особая метафизика, описывающая каузальные процессы эволюционирующего природного мира возможностей и изменений и противопоставляемая метафизическим формалистским системам средневековой схоластики и рационализма Нового времени, немецкого идеализма включительно. Прагматисты не имеют ничего против философского системосозидания, если авторы философских систем относятся к собственным утверждениям как к наиболее правдоподобным (всего лишь) предположениям, которые могут быть опровергнуты или пересмотрены.

Во-вторых, каким бы ни было наше место в мире и какими бы ни были наши мысли по поводу этого, критерием истинности человеческих убеждений является опыт, убеждения же суть

вовсе не пропозиции, отображающие реальность подобно географической карте. Их истинность проистекает из привычек, порождаемых убеждениями. Последние носят экспериментальный характер, а теоретические построения и системы подлежат пересмотру. То есть философские убеждения трактуются скорее как научные гипотезы, чем как догмы замедленного действия, и поэтому прагматизм считается прежде всего методом оценки практически значимых убеждений, а не философско-теоретическим способом рассмотрения бесконечных и непримиримых споров вокруг различных эпистемологических, метафизических и этических проблем. Прагматисты, следовательно, являются фаллибилистами. Наши убеждения связаны с жизненным опытом, укоренены в нем; мы подгоняем их к собственным экзистенциальным и прагматическим нуждам в границах опыта. Когда прагматисты, особенно Джеймс, говорят о жизненном опыте, они напоминают экзистенциальных феноменологов, нацеленных на исследование содержания и структуры опыта, из которого «вырастают» убеждения, и как бы погружающихся в него. Аналогично философы-прагматисты исповедуют тот же антифундаментализм, что и их собратья экзистенциалисты.

Однако у каждого прагматиста имеется своя более-менее разработанная система, которая наполняет содержанием его эпистемологические и метафизические взгляды с акцентом на центральное место опыта (будь то Джеймсов тезис о «практических следствиях» рассматриваемого объекта или положение Дьюи о приспособлении организма к условиям окружающей среды). Деятельность и знание связываются, «стягиваются» в единое целое, а вводящие в заблуждение классические философские различия, например, человеческого сознания и физической реальности, субъекта и объекта, фактов и ценностей — оставляются за бортом. Опыт всегда играет центральную роль (даже если конкретный прагматист употребляет другое слово), а интеграция сознания и мира предполагает уход от субъект-объектной и прочих дихотомий, принизывающих все западное мышление начиная с Платона. Философов-прагматистов, таким образом, занимают жизненные проблемы, с которыми человеческие существа сталкиваются в реальности,

и они с подозрением относятся к фундаменталистским теориям эпистемического обоснования и метафизическому системостроительству.

Иначе говоря, опыт диктует нам образ мыслей и задает направление нашему эпистемологическому взаимодействию (contact) с реальностью; никакой эпистемологии модернистского типа не дано объять человеческий опыт во всей его многосложности и конкретности. Современные эмпиристы, например, полагают, что основанием знания может быть непосредственно данное нам в чувственном восприятии. Такой фундаменталистский, наивный эмпиризм отвергается в принципе, потому что объекты мира (согласно прагматизму) не отделены от нас в опыте, но постигаются в свете ожидаемых «практических следствий»¹ этих объектов и наших возможных реакций на них. По этой самой причине философу-прагматисту нужен мир. Он не бежит от него и не пытается заменить другим «истинным» миром, невидимым глазу, но более реальным, чем видимая реальность (платоновскими идеями, декартовским *res cogitans* и т. п.). Он привязан к нему; теории, которые он предлагает — это всегда интерпретации и классификации, а не апелляции к неким непосредственным данным, как в эмпиризме, или к абстрактным сверхчувственным фикциям, как в рационализме. Теории — исторически опосредованные и временные конструкторы, подлежащие пересмотру; содержание опыта является их «материалом». Классики прагматизма и современные прагматисты, при всех различающихся подходах к пониманию опыта, его эпистемологической и метафизической природы, едины в стремлении *опираться* на опыт и описывать его во всей нередуцируемой полноте и сложности. Что касается Джеймса, то его прагматизм — это эпистемологическая теория опыта, а радикальный эмпиризм — теория опыта метафизическая.

В-третьих, в прагматизме подчеркивается открытость к возможностям и изменениям, поскольку наш доступ к миру опыта опосредован разнообразными случайными интересами,

---

¹ James W. Pragmatism: A New Name for Some Old Ways of Thinking. Cambridge: Harvard University Press, 1998. P. 29.

интеллектуальными историями, языковыми и дискурсивными практиками, а также исследованиями этих историй и интересов, и поскольку Вселенная в целом (если только, за отсутствием перспективы извне, мы вправе вообще говорить о вселенной) представляется как процесс, процесс непрерывного динамического развития и роста. Я часто размышляю над тем, что новейший научный подход к исследованию прошлого, описанию настоящего и предсказанию будущего вселенной в ее имманентной динамике и развитии в точности совпадает с философским подходом Джеймса к рассмотрению «потока сознания» и его пониманием опыта как «непосредственного потока жизни, дающего материал нашей последующей рефлексии с ее концептуальными категориями»¹. Говоря негативно, перспектива извне (точка зрения «ниоткуда») философски недостижима, но признание данного факта не означает, что мы должны отказаться от той мелиористической роли, которую мог бы играть и играет прагматизм как посредник между крайностями, беспрестанно порождаемыми нашим философским воображением при теоретических изысканиях. На самом деле, исследование — всякое — разворачивается *in media res*.

Как уже отмечалось, нам не дано выйти за рамки мира, в котором мы изначально присутствуем, чтобы получить привилегированный, чисто теоретический доступ к реальности как она есть. Любая теория исторически обусловлена и производна. Слово «традиция» восходит к латинскому *tradere*, означающему «передавать», транслировать от одного поколения к другому. Существующий мир, в представлении прагматистов, никому себя не «навязывает», а мы не имеем доступа к нему без учета этих обусловленных и унаследованных моментов. Описывая мир и его объекты, мы сами решаем, какими инструментами и теориями пользоваться и какие, если потребуется, вносить изменения в них. Джеймс отвергал представление о целостности вселенной, ее «замкнутости» и завершенности («the block-universe»). Вселенная открыта, подвижна, изменчива. Точно так же прагматические решения не могут быть окон-

---

¹ James W. Essays in Radical Empiricism. N.Y.: Dover Publications, 2003. P. 49.

чательными. Мы, прагматисты, рассматриваем наличные обстоятельства и условия, от которых зависит реализация той или иной возможности, увязывая свои теоретические искания с практической деятельностью. Нет такой вещи, как теория, которая не диктовалась бы практикой. Деятельность и практический интерес всегда направляют развитие мысли о мире, порождая эту деятельность и практическую заинтересованность. В самом деле, любой человек, зараженный духом немецкого идеализма или гуссерлианской феноменологии, предпочтет выстраивание философских систем и метафизически комфортных учений тому, что конкретно переживается в опыте. В таких формальных системах перцепты неправомерно подменяются концептами; теоретические решения становятся более важными, чем урегулирование отношений между людьми и миром, описываемым этими теориями. Поэтому прагматисты отказываются искать общие и окончательные ответы на так называемые вечные метафизические вопросы, являясь приверженцами конкретных экспериментальных решений, зависящих от контекста и поставленной цели. Как указывал Джеймс, «каждый серьезный метафизический спор имеет в виду какое-нибудь практическое следствие, хотя бы лишь вероятное и далекое»¹.

В-четвертых, интеграция деятельности и знания обуславливает глубокую заинтересованность прагматизма в урегулировании социальных, политических и культурных проблем, с которыми мы сталкиваемся повседневно. Философия рассматривается в первую очередь как инструмент решения этих проблем. Сегодня в центре внимания американских прагматистов находятся вопросы расовой, гендерной, культурной политики и экономики. Культивировавшееся древними греками представление о философии, ее общественной миссии и терапевтической функции, возрождается в прагматизме (не случайно связь с философией пронизывает работы психолога Джеймса)². «Фи-

---

¹ James W. Pragmatism. P. 52.

² Джеймс Кэмпбелл придумал неологизм «психолоф» (psycholopher), замечательно отражающий суть такого понимания (см.: Campbell J. Experiencing William James: Belief in a Pluralistic World. Charlottesville: University of Virginia Press, 2017. P. 25).

лософия есть врачевание больной души», — говорил Эпиктет. По мнению прагматистов, задача интеллектуала не в том, чтобы исповедовать какой-то оторванный от жизни интеллектуализм, а в проявлении непреходящего интереса к людям и в заботе о благе общества. В целом прагматисты делают ставку на демократию, сообщество и индивидуализм, хотя справедливости ради надо заметить, что разные мыслители часто пренебрегают одним ради другого. Возможно, главное разногласие между последователями Джеймса и Дьюи касается вопроса о том, до какой степени индивидуализм допустим в социальной жизни и каким должно быть соотношение личного и общественного интересов. В силу такой ориентации на практику прагматисты часто печатаются в неакадемических изданиях, черпая вдохновение в работах как Джеймса, так и Дьюи, стремясь быть «публичными интеллектуалами».

Итак, я придерживаюсь мнения, что классиков прагматистской традиции, неопрагматистов и представителей современного прагматизма связывает определенная тематическая преемственность. Ключевая идея, в самой общей формулировке, заключается в признании взаимозависимости практики и теории, деятельности и знания. Говоря конкретнее, можно выделить четыре (как минимум) импликации этой базовой установки: (1) понимание мира как развивающегося, а не статичного, и рассмотрение отношения человека к этому эволюционирующему, но не телеологичному миру; (2) признание того, что критерием истинности человеческих убеждений является опыт, и отказ считать убеждения пропозициями, отображающими независимую от нас и фиксированную реальность; (3) открытость прагматизма и его устремленность в будущее, восприимчивость к новому, экспериментализм; констатация небеспредпосылочности наших знаний и опосредованности нашего доступа к миру опыта разнообразными интересами, интеллектуальными биографиями и практиками; (4) внимание к социальным, политическим и культурным проблемам и согласие в том, что урегулирование этих проблем (наряду с переосмыслением традиционной метафизической проблематики) является задачей философии — ее главной инструментальной функцией.

Тан Сор Хун

(Национальный университет Сингапура,
Сингапур)

1. Современный прагматизм, как и прежде, сопротивляется «кабинетному» философствованию и ратует за обращение философии к реальным проблемам, с которыми сталкивается человек, живущий в мире. Рамки профессиональной академической философии оказываются тесными для прагматизма и в другом смысле. Многие прагматисты, защитившие диссертацию по философии, вынуждены работать в других дисциплинах по причине того, что прагматизм как метод исследования и направление зачастую не поощряется на философских факультетах.

2. Ключевое понятие современного прагматизма — «социальная практика».

3. В обеих традициях, континентальной и аналитической, содержится много ценного и стимулирующего для прагматизма. Причина же сохраняющегося раскола заключается в ущербности философского образования, в узкой специализации и, соответственно, ограниченности кругозора философов. Несомненно, прагматисты могли бы противодействовать данной тенденции, чтобы сделать философию более открытой и инклюзивной, но до сих пор те, кто прилагал усилия к этому, не добивались успеха и в конце концов сами, как правило, оставляли философские факультеты в поисках более интересной работы.

Ванг Ченгбинг

(Пекинский университет, Китай)

1. Невозможно составить адекватное представление об американском прагматизме как интеллектуальной традиции, не углубляясь в историю философии и не пытаясь связать прагматизм с предшествовавшими ему и некоторыми современными течениями мысли. Первые более-менее серьезные опыты осмысления исторических предпосылок и генеалогии прагматизма, принадлежащие Джеймсу и Дьюи, увы, не отличались основательностью и широтой охвата, а позднейшие мыслители не прибавили к тому, что было сказано классиками, почти ничего существенного. В последнее время исследователи в Китае и других странах стали уделять больше внимания данной проблеме. В частности, Ричард Бернштейн в одной из своих недавних работ показывает, как прагматизм, появление которого было подготовлено всем ходом западной философской мысли, постепенно «прорастал» на американской почве и какую роль в этом захватывающем процессе сыграли Чарльз Сандерс Пирс и Уильям Джеймс¹.

Будучи несистематической философией, прагматизм сочетает в себе ряд характерных черт как современного западного позитивизма, так и гуманистической философии. Балансируя между этими двумя направлениями, он пытается нащупать третий, «срединный» путь. Прагматизм противостоит традиционному рационализму, одновременно дистанцируясь от новейшего европейского эмпиризма. Во многих философских дискуссиях он незримо присутствует как альтернатива крайним подходам. Некоторые авторы считают возможным выделять прагматизм как одно из трех — наряду с англо-американской аналитической и континентальной европейской традициями — и наиболее перспективное направление современной философии².

---

¹ *Bernstein R.* The Pragmatic Turn. Cambridge: Polity Press, 2010.

² *Margolis J.* Pragmatism's Advantage: American and European Philosophy at the End of the Twentieth Century. Stanford: Stanford University Press, 2010.

Анализ развития западной мысли в течение последних столетий показывает, что важнейшие прагматистские интуиции и вопрошания были и остаются в центре внимания профессиональных философов. Можно сказать, что прагматизм, при всех его особенностях и отличиях от других течений современной философии, движется параллельным курсом с большинством из них. Многие школы западной философии, к примеру, эволюционировали от ниспровержения традиционной метафизики к постепенному смягчению антиметафизического настроя и затем к фактическому восстановлению метафизики в ее правах. Схожим образом классический прагматизм, при всем его неприятии спекулятивной философии, не мог избежать постановки метафизических вопросов. Фанероскопия Пирса, радикальный эмпиризм Джеймса и теория опыта Дьюи — метафизически нагруженные концепции. Пирс, обсуждая феноменологию в 1902–1903 гг., высказывал мнение, что феноменологический метод может быть полезен для прагмати(ци)зма¹. Герберт Шпигельберг отмечал «значительные параллели» между философией Пирса и феноменологическим направлением². Недостаточное внимание исследователей к этим моментам частично объясняется маргинальным статусом прагматизма, его фактической изоляцией от академической философии.

---

¹ См.: The Essential Peirce: Selected Philosophical Writings. Vol. 2. P. 147.

² Spiegelberg H. The Phenomenological Movement. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1994. P. 17.

Пол Шерлин

(Миннеаполис коммьюнити & техникал
колледж, США)

1. Современный прагматизм характеризуется многообразием, даже раздробленностью, и это отчасти роднит его с прагматизмом первой волны. Уже само название будущей философской традиции вызвало жаркие споры и стало причиной раздора между Пирсом и Джеймсом. Первый, чтобы дистанцироваться от второго, ввел для обозначения своего детища новый термин, *пфрагматтицизм* — «имя достаточно уродливое, чтобы не бояться похитителей слов». Что касается Дьюи, то он более чем настороженно относился к понятию «прагматизм», предпочитая ему «натурализм». Этим терминологическим спором, конечно, не исчерпывались разногласия классиков прагматизма — Ройса, Пирса, Джеймса, Дьюи. Метафизические воззрения, которых они придерживались, не были вариациями какой-то одной идеи. Кроме того, они не раз подвергались ревизиям, критическим интерпретациям и переоценкам, так что нет одного Пирса или Дьюи, а есть множество Пирсов и Дьюи, причем некоторые из них имеют мало общего друг с другом.

Однако при всех различиях, между ранним прагматизмом и поздним существует преемственность, которая, на мой взгляд, заключается в следующем: мы, прагматисты, отвергаем мышление, оторванное от жизни, и делаем акцент на практическом опыте. В то время как идеализм утратил свою доминирующую роль в философии, более традиционно настроенные представители прагматизма по-прежнему противостоят тем, кто трактует эпистемологию как *philosophia prima*. Мы исходим из того, что человеческий опыт не сводится лишь к познавательной деятельности; опыт шире. С точки зрения прагматистов, наши умозрительные суждения и оценки непременно должны проверяться этим широким опытом и более инклюзивной, чем когнитивное поле, экономикой сущего (*economy of existences*).

Еще одним общим моментом является противостояние прагматизма редукционистской метафизике материалистического толка, выросшей на почве естественных наук. *Бытие* понимается прагматистами как прежде всего *отношение* (транзактивные связи вещей), а не как ансамбль атомарных продуктов рефлексии (*products of reflection*). Континуальность существований неустраима. Потенциальное столь же реально, как и все актуальное и «фактическое». Сверх того, радикализированный эмпиризм приписывает такую же реальность идеям, эмоциям, культурным феноменам и их отношениям; описания литературного, поэтического или феноменологического свойства «соответствуют» действительности не хуже любых других описаний. Думаю, большая часть современных философов-прагматистов относится к этому абсолютно серьезно; лучшим критическим инструментом, имеющимся в нашем распоряжении, является воображение (и способность видеть перспективу), считают они.

Из негативных сторон современного прагматизма я отмечаю тенденцию к идеологизации. Мы гордимся тем, что прагматизм «плюралистичен», «экспериментален» и «фаллибилистичен». Мы мыслим «адогматично» и «исторично», признаем «социальный контекст», «нарратив» и т. д. Мы — «антифундаменталисты». Это, конечно, ценные идеалы, но меня беспокоит, что часто они ничего за собой не несут, а представляют фактически голые декларации. История прагматизма может научить нас тому, что интеллектуальное благодушие, самоуспокоенность и конформизм, наблюдаемые у многих наших коллег, чреваты пагубными последствиями. Наша практика должна базироваться на исследовании, а не идеологии, на экспериментировании, а не конформности правилам.

2. Как я уже отмечал, прагматизм достаточно мозаичен, и было бы неправильно говорить о какой-то одной «мотивации», определяющей его развитие. Верно, что многих аналитических толкователей прагматизма интересует преимущественно язык, который, однако, не следует путать с «коммуникацией» Дьюи — более широким по смыслу концептом, или же с социальными (*communal*) практиками/структурами Пирса и Ройса. Лингви-

стическая проблематика оставалась в центре внимания Ричарда Рорти. Тем не менее Рорти не был склонен к гипостазированию языка: напротив, подчеркивая случайность и относительность «конечных словарей», он боролся с сомнительными, как ему представлялось, тенденциями формальной эпистемологии. Другие прагматисты и комментаторы прагматизма не придают языку большого значения (во всяком случае, в каком-то специальном узкофилософском или эпистемологическом смысле), а фокусируются на *социально-практическом*, охватывающем самые разные темы, от демократии, образования и расового вопроса до феминизма, защиты животных и массовой культурной индустрии. Достаточно просмотреть выпуски профессиональных журналов, чтобы убедиться в актуальности всех этих тем.

Понятие «опыт», важное для прагматизма, по-прежнему используется в дискуссиях о социальных (и в меньшей степени лингвистических) практиках, но как самостоятельный термин уходит на второй план. Одна из причин этого, на мой взгляд, заключается в размытости самого термина. Понимание опыта ранними прагматистами существенно отличается от классических эмпиристских представлений: это и не субъективный, и не непосредственный опыт, и не то, что может быть редуцировано к «корреспондентной функции» интеллекта — определению (степени) соответствия нашего знания объективной реальности. Роберт Брэндом упускает из виду данное обстоятельство, когда рассуждает о прагматизме как «втором Просвещении», которое полагает науку (а не метафизику) «мерой всех вещей». В своих работах я пытался привлечь внимание к более нюансированному подходу Дьюи. Согласно его трактовке, человеческий опыт многослоен и состоит из ряда эмерджентных областей с различными частично совпадающими функционалами; это культура, знаково-семантические системы, коммуникативные сети, подсознательное, сознание и (в самом узком смысле) познание. Думаю, здесь есть большой простор для исследований, и мне хотелось бы, чтобы прагматистский концепт «опыта» был творчески пересмотрен.

3. Я убежден, что полноценная натуралистическая метафизика может оказаться незаменимым средством в теоретическом прояснении и урегулировании противоречий, разделяющих

аналитических и континентальных философов, в трансформации всего дискурса этих споров. Несомненно, определенными ресурсами для этого располагает и прагматизм, но я предпочитаю метафизику, включающую следующие основные принципы. Природа — непрерывное эмерджентное множество *отношений*, как актуально реализованных, так и возможных. Все, что может вступать в какие бы то ни было отношения — эмоции, культурные предпочтения, верования, истории, заблуждения — должно наделяться онтологическим статусом, равным тому, который имеют вещи, идентифицируемые нами как «материальные». Таким образом, натуралистическая метафизика, о которой я говорю, принимает в расчет и описывает не только физические каузальные отношения, но и отношения между явлениями, удаленными друг от друга в пространстве и времени. Эти отношения и их сочетания определяют *квалитативное* содержание нашего опыта, откуда мы черпаем *смыслы*; они являются базовыми условиями для выделения объектов исследований, основанием нашего знания. Такая метафизика не позволяет приписывать свойства объектам из чисто «субъективных» соображений, произвольно. Мы связаны с «вещами», сосуществуем с объектами в едином континууме, и нам нет нужды оставаться скептиками или довольствоваться признанием неустранимой субъективности, скатываясь к пагубному фаллибилизму (отрицанию «объективной истины»). В отличие от последнего здоровый фаллибилизм выражается в признании того, что мысль и ее объекты — суть непрерывные операции (*continuous operations*), которые имеют общие основополагающие структуры (*fundamental patterns*), являются несовершенными и неизбежно незавершенными и вовлечены в постоянный процесс взаимной модификации и аккомодации.

Если относиться к ним серьезно, эти метафизические презумпции могут многое добавить к спорам о материализме, функции языка, границах науки, сфере морали и природе знания. Это потребует, впрочем, радикальной ревизии теоретических словарей, которыми пользуется философия по обе стороны океана, и трансформации наших представлений о мире, наших способов постижения реалий и их отношений. Необходимо, чтобы аналитические и континентальные философы по-настоящему раскрылись прагматизму.

Не вдаваясь в детали, я хотел бы коснуться темы непростых отношений философов-аналитиков, континенталов и прагматистов. Есть несколько выдающихся представителей аналитической философии, которые попытались, с разной степенью успеха, сочетать в своем творчестве элементы каждой из трех традиций. Я имею в виду Ричарда Рорти, Хилари Патнэма и Роберта Брэндома (если называть самых известных). Но они — исключение. В основном профессиональные аналитические философы в США уделяют мало внимания континентальным мыслителям, равно как и прагматизму. Крайне редко мы оказываемся свидетелями содержательных философских дискуссий между отдельными представителями этих школ или группами философов. Дискурс аналитической философии в целом неинтересен и малодоступен неаналитическим профессиональным философам и, к большому сожалению, гуманитариям, работающим в других областях. Американисты довольно часто обращаются к континентальной мысли, но многие континенталы, с которыми мне доводилось общаться и работать, склонны игнорировать прагматизм как неинтересную философию, которую можно свести к банальной рекомендации «пользуйся наилучшим для данной проблемы инструментарием». Интеллектуальное разногласие требует диалога; апатия или антипатия — плохое подспорье для разговора. Чтобы прагматизм мог улаживать споры или хотя бы влиять на ход обсуждения, необходимо, как минимум, заинтересовать в нем актуальных или потенциальных участников спора, привлечь к прагматистской литературе студентов, преподавателей и исследователей философии. Увы, добиться этого здесь, в Америке, не получается. Историки прагматизма, классического и современного, совсем не востребованы в университетах и колледжах; возможности изучать прагматизм минимальны. По иронии судьбы, философское движение, зародившееся в Северной Америке, сегодня чувствует себя лучше в Европе, Азии и Южной Америке. Спасибо за это нашим зарубежным коллегам.

Ульф Шуленберг

(Бременский университет, Германия)

1. Философы-прагматисты, такие разные, как Уильям Джеймс, Джон Дьюи и Ричард Рорти, рассказывают схожие антифундаменталистские истории прогресса. Тем самым они радикализируют наследие Просвещения. История прагматизма учит нас пониманию смысла и далеко идущих последствий этой радикализации.

Роберт Брэндом, обсуждая философские идеи своего учителя Ричарда Рорти, его критику эпистемологии и фундаментализма, разъясняет, что имел в виду автор «Философии и зеркала природы», когда говорил об исчерпанности «проекта Просвещения» и необходимости его завершения. Первая фаза Просвещения связана с критикой религии и теологического сознания, идеи греховности, ничтожности и зависимости человека от божественного Другого; вторая фаза поставила под вопрос понятия объективной истины и достоверности в естественных науках XVII–XVIII вв. По мнению Рорти (и Брэндома), явление прагматизма знаменует третью, завершающую фазу эмансипации человеческого сознания. «Это попытка полной реализации проекта Просвещения, как он мыслился Кантом в “Was ist Aufklärung?”: приведения человечества из несовершеннолетия к состоянию зрелости через принятие *ответственности* за себя там, где прежде люди были способны лишь подчиняться диктату чужого *авторитета*. Рорти считает, что следующим шагом в развитии нашего понимания вещей и самих себя будет отказ от эпистемологии, которой уготована участь религии»¹.

Прагматизм — практическая философия, сосредоточенная на динамическом характере социальных практик и материаль-

---

¹ *Brandom R.* Introduction // *Rorty and His Critics* / Ed. by R. Brandom. Malden: Blackwell, 2000. P. XI.

ной активности в определенных исторических обстоятельствах. Кроме того, это историцистская философия, делающая акцент на процессе, развитии, переходе и непредсказуемости изменений. Эволюционной теории Дарвина философия Пирса, Джеймса и других прагматистов обязана интересом к творчески-преобразовательной деятельности человеческих существ в мире, который не был создан для них. Что касается идеи «третьего Просвещения» (Хилари Патнэм), то нужно заметить, что прагматизм, ставя под вопрос традиционные философские дуализмы и бинарные оппозиции (теория — практика, знание — действие, фактуальное — ценностное), подготавливает почву для постметафизической, т. е. подлинно гуманистической культуры. Ф. К.С. Шиллер, Джеймс, Дьюи, Ричард Бернстайн и Рорти помогают оценить следствия интерпретации прагматизма как разновидности гуманизма. Точнее, эти философы-прагматисты, как я полагаю, завершают проект Просвещения, демонстрируя связь между прагматизмом, гуманизмом, антиавторитаризмом и постметафизикой.

Изобретательность действия и сила воображения играют центральную роль в философии Джеймса и Дьюи. Любопытно, до какой степени знаменитое высказывание Джеймса о «человеческом следе», который «змеится повсюду»¹, и его замечание о «божественно-творческой силе человека»² перекликаются с дьюевской характеристикой философии как «проницательности, воображения, рефлексии»³ и с идеей о том, что человек «есть в первую очередь существо, обладающее воображением»⁴. Слава Дьюи померкла почти сразу после его смерти в 1952 г. Аналитическим философам пришлось не по вкусу не только его теория логики и исследования, концепция опыта и натуралистическая эпистемология, но и такие книги, как «Реконструкция в философии» (1920) и «Поиск достоверности» (1929),

---

¹ *James W. Pragmatism and Other Writings* / Ed. by G. Gunn. N.Y.: Penguin, 2000. P. 33.

² *Ibid.* P. 113.

³ *Dewey J. The Need for a Recovery of Philosophy // The Essential Dewey. Vol. 1: Pragmatism, Education, Democracy* / Ed. by L.A. Hickman, T.M. Alexander. Bloomington: Indiana University Press, 1998. P. 67.

⁴ *Dewey J. Reconstruction in Philosophy*. Boston: Beacon, 1957. P. 118.

которые, исходя из сегодняшней перспективы, представляются наиболее ценными, стимулирующими работу мысли и яркими текстами Дьюи. Антифундаменталистские истории прогресса и эмансипации, в них изложенные, показывают, как именно связаны между собой прагматизм, гуманизм, антиавторитаризм и постметафизика. Неудивительно, что «Логике: теории исследования» и «Опыту и природе» Рорти предпочел «Поиск» и «Реконструкцию».

Влияние антифундаментализма Дьюи на прагматизм Рорти очевидно. Рорти, как и следовало ожидать, продолжил дьюианскую критику поиска достоверности. Хотя ему и претила фиксация классиков прагматизма на понятии опыта (которое он предлагал отбросить и перейти к «разговору о языке»), и несмотря на более чем скептическое отношение к «метафизике Дьюи» (выражение, которое Рорти вынес в название статьи 1977 г.), он высоко оценивал начатую Дьюи атаку на традиционные теории знания и репрезентации. В «Философии и зеркале природы» Рорти с восхищением пишет о Витгенштейне, Хайдеггере и Дьюи, трех «наиболее важных философах XX века»¹, отвергших саму идею репрезентации вместе с предположением, что философское или научное знание нуждается в каких-либо основаниях. Фактически, они усомнились в эпистемологии и метафизике «как возможных дисциплинах»².

Контуры прагматистского просвещения приобретут более четкий вид, если мы обратим внимание на такую деталь: начиная с «Философии и зеркала природы» и заканчивая последним прижизненным томом «Философских работ», Рорти исподволь, но настойчиво проводит мысль о том, что его антифундаментализм, антиэссенциализм и антирепрезентационизм следует рассматривать как предложение взглянуть на американский прагматизм и его историю по-новому — так, чтобы увидеть в нем, прежде всего, философию *гуманизма*. Интеллектуальный прогресс, с точки зрения Рорти, предполагает понимание того, что все трансцендентальное и метафизическое создано человеком. Иными словами, прогресс может быть достигнут толь-

¹ Rorty R. *Philosophy and the Mirror of Nature*. Princeton: Princeton University Press, 1979. P. 5.

² Ibid. P. 6.

ко тогда, когда мы покинем платоновский мир идей, отвергнем концепт трансцендентного Блага и радикально поставим под вопрос идею адекватного отражения внутренней природы реальности, сущности вещей и истинной сути самости. Вместо того чтобы принимать императивы и законы традиционной эпистемологии и моральной философии, человек должен наконец осознать, что его или ее единственным долгом является долг по отношению к другим человеческим существам в мире практической деятельности и общественной интеракции.

Чтобы в полной мере оценить радикальность антифундаменталистского прогрессизма Рорти, нужно увидеть, как у него связаны друг с другом идея завершения просвещенческого проекта и понятие постметафизической и поэтизированной культуры. Рорти предлагает нам отказаться от обожествления чего бы то ни было. Иными словами, он ратует за секуляризацию, полное осуществление которой будет означать признание человеческими существами того, что они не нуждаются ни в чем, кроме творческого воображения, изобретательности и везения. В своей книге «Случайность, ирония и солидарность» Рорти формулирует это следующим образом: «Ход мысли Блуменберга, Ницше, Фрейда и Дэвидсона нацелен на то, чтобы мы больше уже *ничему* не поклонялись и *ни с чем* не обращались как с квази-божеством, чтобы мы обращались со *все*м — с нашим языком, нашей совестью, нашим сообществом — как с продуктом времени и случая»¹.

2. Современный (построртианский) прагматизм больше не задается вопросом о том, что важнее для наших целей — «социальная практика» или «язык». Скорее, мы рассматриваем язык в качестве наиболее важной разновидности социальной практики («игры в обмен доводами», по Брэндоу). Изобретение новых словарей и способов описания мира, замена одних метафор другими (например, метафор «глубины» или «вертикали» с ее «верхом» и «низом» метафорами «широты» и «го-

---

¹ Rorty R. Contingency, Irony, and Solidarity. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. P. 22. Цит. по: *Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность* / Пер. с англ. И. Хестановой, Р. Хестанова. М.: Русское феноменологическое общество, 1996. С. 45.

ризонтالي» с движением «вперед» и «вспять»), вплетение эмерсоновских, уитменовских и дьюианских понятий и образов в наши повествования о прогрессе, эмансипации, секуляризации и т. д. — все эти *дискурсивные* практики одновременно являются и *социальными*, раз мы надеемся, что наши оригинальные словари и метафоры не сгинут бесследно, а будут усвоены другими людьми и использованы ими в самых различных целях. Когда романтическая и дэвидсоновская идея о том, что язык не является медиумом репрезентации, соединяется с представлением о независимости человеческого мышления от «самой-по-себе-реальности», которой оно должно «соответствовать», мы приближаемся к пониманию сути прагматистского разбожествления мира. Оно достигает своей кульминации в осознании нашей случайности и конечности, в отказе от вредной иллюзии, будто мы, конечные, смертные, случайные существа, «можем вывести смысл своей жизни из чего-то иного, большего или лучшего, чем мы сами и другие, такие же как мы, конечные, смертные, случайные человеческие существа»¹.

3. Если мы хотим продолжать дьюианское и рортианское повествования о прогрессе и эмансипации, нам не следует беспокоиться о расколе между аналитической и континентальной традициями. Более того, не имеет смысла выяснять, занимается ли кто-то настоящей философией или скорее интересуется историей философии (со всеми ее темными зонами и тяжело-весными текстами вроде «Феноменологии духа» Гегеля). Мы сможем двигаться в русле прагматистского просвещения, антифундаментализма и прогрессизма, если отбросим понятие философии как «предмета», *Fach*, и обратимся к философии «нарративной»². Вместо того чтобы заикливаться на континентально-аналитических разногласиях, мы должны озаботиться поисками наиболее точных, элегантных и убедительных способов объединения аналитической философии, континентальной мысли, интеллектуальной истории, литературоведения, американистики и т. д. (комбинации, позволяющие слагать

¹ Rorty R. Contingency, Irony, and Solidarity. P. 45.

² Rorty R. Philosophy as Poetry. Charlottesville: University of Virginia Press, 2016. P. 41.

и рассказывать истории-нарративы о прогрессе Запада, могут быть самыми разными). Утверждение Джеймса о том, что прагматизм «размягчает любые теории»¹, может быть продуктивно (хотя бы и ложно) интерпретировано как приглашение к изобретению новых жанров. Что это будут за жанры, как мы их назовем («критикой культуры», как предложил Рорти, или как-то иначе) — совсем не важно. Быть может, нам следует воздержаться от именования нового (интеллектуального? литературного? философского?) жанра, а просто наслаждаться его гибридным статусом.

---

¹ *James W. Pragmatism and Other Writings*. P. 28.

Указатель имен

- Августин (Augustine) 48, 131, 133
Аддамс, Джейн (Addams, Jane) 9,
107, 142, 146
Айер, Альфред Джулс (Ayer,
Alfred Jules) 11
Александр, Томас (Alexander,
Thomas) 56, 220
Аллан, Джордж (Allan, George) 120
Андерсон, Виктор (Anderson,
Victor) 120
Андерсон, Дуглас (Anderson,
Douglas) 23, 128, 192
Андерсон, Элизабет (Anderson,
Elizabeth) 165
Анжель, Паскаль (Engel, Pascal) 26
Апель, Карл-Отто (Apel, Karl-
Otto) 13, 72–74, 125
Аппли, Джойс (Appleby, Joyce) 37
Аристотель (Aristotle) 48, 90, 179
Архимед (Archimedes) 204
Асеев, Юрий (Aseev, Yuri) 176
- Баграмян, Мария (Baghramian,
Maria) 111
Бадью, Ален (Badiou, Alain) 93
Батлер, Брайан (Butler, Brian) 28
Бауэрс, Фредсон (Bowers, Fredson)
105, 118
Бергсон, Анри (Bergson, Henri) 59,
75
Бернштейн, Ричард (Bernstein,
Richard) 11–14, 17–19, 33, 98, 99,
111, 121, 128, 147, 212, 220
Бёркс, Артур (Burks, Arthur) 10, 26
Бланшард, Бранд (Blanshard,
Brand) 12
Блумберг, Альберт (Blumberg,
Albert) 11
Блуменберг, Ганс (Blumenberg,
Hans) 222
- Бойдстон, Джо Энн (Boydston, Jo
Ann) 18
Бойсверт, Раймонд (Boisvert,
Raymond) 36
Борковски, Людвик (Borkowski,
Ludwik) 131
Борос, Янош (Boros, János) 16
Боррадори, Джованна (Borradori,
Giovanna) 12
Брэндом, Роберт (Brandom,
Robert) 10, 17, 19, 20, 24, 26, 27,
34, 35, 37, 49–51, 70, 78–79, 99–
101, 103, 107, 109, 117, 118, 131–
134, 137, 147, 165, 195, 201, 216,
218, 219, 222
Будин, Джон Элоф (Boodin, John
Elof) 134
Бурдьё, Пьер (Bourdieu, Pierre) 66
Буркхардт, Фредерик (Burkhardt,
Frederick) 105
Бэн, Александр (Bain, Alexander)
83
- Вааль де, Корнелис (Waal De,
Cornelis) 39
Вайс, Пол (Weiss, Paul) 10, 12, 120
Ванчугов, Василий (Vanchugov,
Vasily) 43
Вдовина, Ирена (Vdovina, Irena) 51
Веретенников, Андрей
(Veretennikov, Andrey) 48
Витгенштейн, Людвиг
(Wittgenstein, Ludwig) 17, 27, 40,
50, 58, 60, 88–90, 103, 117, 118,
172, 176, 192, 201, 221
Вундт, Вильгельм (Wundt, Wilhelm)
59
- Гадамер, Ганс-Георг (Gadamer,
Hans-Georg) 67, 103, 168
Ганн, Джайлс (Gunn, Giles) 220

- Гаррисон, Джим (Garrison, Jim) 53
 Гегель, Георг Вильгельм Фридрих (Hegel, Georg Wilhelm Friedrich) 17, 91, 96, 97, 168, 223
 Гейзенберг, Вернер (Heisenberg, Werner) 131, 133
 Гельмгольц фон, Герман (Helmholtz von, Hermann) 59
 Гемпель, Карл (Hempel, Carl) 59
 Гендель, Чарльз (Hendel, Charles) 12
 Гёдель, Курт (Gödel, Kurt) 131
 Глауд, Эдди (Glaude, Eddie) 120
 Годфри-Смит, Питер (Godfrey-Smith, Peter) 61
 Грайс, Пол (Grice, Paul) 130
 Гранж, Джозеф (Grange, Joseph) 120
 Грёшнер, Александер (Gröschner, Alexander) 18
 Грин, Николас (Green, Nicholas) 39
 Гудмен, Нельсон (Goodman, Nelson) 13, 51, 70, 72, 165
 Гудмен, Рассел (Goodman, Russell) 118
 Гуссерль, Эдмунд (Husserl, Edmund) 59, 71, 126
 Данто, Артур (Danto, Arthur) 12, 136
 Дарвин, Чарльз (Darwin, Charles) 9, 36, 88, 164, 166, 205, 220
 Декарт, Рене (Descartes, Rene) 62, 70, 156, 204
 Делёз, Жиль (Deleuze, Gilles) 118
 Деппю, Дэвид (Depew, David) 11, 117
 Деррида, Жак (Derrida, Jacques) 27, 103, 168
 Джеймс, Генри (James, Henry) 158
 Джеймс, Уильям (James, William) 9–11, 13, 14, 17, 18, 20, 23, 24, 26–30, 33, 34, 36, 39–41, 43–46, 48, 49, 51–54, 56, 57, 59–62, 64, 67, 70, 74, 75, 78, 81–83, 85–89, 97, 98, 100, 102, 105, 107, 110–111, 113, 115, 118–120, 122, 123, 125, 128, 130, 133–135, 138–143, 145, 146, 148, 150, 152, 154, 155, 157, 158, 161–165, 167, 170–177, 180, 183–190, 192–194, 198–202, 204, 206–210, 212–214, 219, 220, 224
 Джонсон, Марк (Johnson, Mark) 56
 Джохадзе, Игорь (Dzhokhadze, Igor) 20, 51
 Дикстейн, Моррис (Dickstein, Morris) 11, 14, 20
 Дили, Джон (Deely, John) 128, 131
 Дмитриев, Тимофей (Dmitriev, Timofey) 51
 Дунс Скот (Duns Scotus) 48
 Дьюи, Джон (Dewey, John) 10–14, 16–18, 20, 23, 24, 26, 28, 30, 33, 36, 37, 40, 41, 44, 48–51, 55–62, 64, 69, 70, 72, 74, 77, 78, 81, 85–87, 89, 98, 100, 102, 105, 107, 110, 115, 117, 118, 120, 122, 125, 126, 128, 129, 131, 133, 135, 140–143, 145, 146, 150, 154–165, 167, 174, 175, 180–183, 185–194, 197–202, 204–206, 210, 212–216, 219–221
 Дэвидсон, Дональд (Davidson, Donald) 12, 13, 17, 40, 48, 103, 114, 120, 121, 165, 168, 195, 201, 222
 Дэниш, Роберт (Danisch, Robert) 62
 Дюбуа, Уильям (Du Bois, William) 107
 Дюран, Вилл (Durant, Will) 11
 Зелтнер, Филипп (Zeltner, Philip) 191
 Ишида, Масато (Ishida, Masato) 64
 Йоас, Ханс (Joas, Hans) 71–72, 118, 119
 Кааг, Джон (Kaag, John) 61

- Кавелл, Стэнли (Cavell, Stanley) 12, 17, 27, 104
- Калкатерра, Роза (Calcaterra, Rosa) 11
- Каллен, Хорас (Kallen, Horace) 11, 78
- Кант, Иммануил (Kant, Immanuel) 33, 58, 82, 90, 93, 171, 200, 219
- Кантор, Георг (Cantor, Georg) 171
- Кардозо, Бенджамин (Cardozo, Benjamin) 202
- Карнап, Рудольф (Carnap, Rudolf) 11, 59, 78, 88, 146, 165, 190, 193
- Кастро де, Сузана (Castro De, Susana) 65
- Кетнер, Кеннет (Ketner, Kenneth) 186
- Килпинен, Эрки (Kilpinen, Erkki) 66
- Кирющенко, Виталий (Kiryushchenko, Vitaly) 51
- Китаро, Нисида (Kitaro, Nishida) 75
- Китчер, Филипп (Kitcher, Philip) 19, 100, 107
- Клозель, Кристиан (Kloesel, Christian) 197
- Клоппенберг, Джеймс (Kloppenber, James) 11, 17, 81–82
- Козлова, Мария (Kozlova, Maria) 176
- Колесников, Анатолий (Kolesnikov, Anatoly) 69
- Кочанович, Лежек (Koczanowicz, Leszek) 72
- Коэн, Джеральд Аллан (Cohen, Gerald Allan) 168
- Крипке, Сол (Kripke, Saul) 27, 50
- Куайн, Уиллард Ван Орман (Quine, Willard Van Orman) 12, 13, 17, 25, 27, 48–49, 51, 61, 70, 72, 78, 86, 107, 121, 125, 165, 190–191, 193, 197, 205
- Кувакин, Валерий (Kuvakin, Valery) 11
- Куклик, Брюс (Kuklick, Bruce) 16, 78
- Кун, Томас (Kuhn, Thomas) 12, 72
- Купман, Колин (Koorman, Colin) 18, 19, 109
- Куртц, Пол (Kurtz, Paul) 11
- Кэмпбелл, Джеймс (Campbell, James) 209
- Лавджой, Артур (Lovejoy, Arthur) 17, 134, 139, 146
- Латур, Бруно (Latour, Bruno) 37
- Левинас, Эмманюэль (Levinas, Emmanuel) 115
- Лейбниц, Готфрид Вильгельм (Leibniz, Gottfried Wilhelm) 171
- Ливингстон, Джеймс (Livingston, James) 81
- Логинов, Евгений (Loginov, Evgeny) 51, 83
- Лукашевич, Ян (Lukasiewicz, Jan) 131
- Льюис, Кларенс Ирвинг (Lewis, Clarence Irving) 17, 26, 27, 78, 107, 135, 165, 190
- Макартур, Дэвид (Macarthur, David) 13
- Макбет, Даниэль (Macbeth, Danielle) 85
- Макдауэлл, Джон (McDowell, John) 35, 195
- Макдермид, Дуглас (McDermid, Douglas) 95
- Макдермотт, Джон (McDermott, John) 14, 18, 98
- Макеева, Лолита (Makeeva, Lolita) 51
- Макинтайр, Аласдер (MacIntyre, Alasdair) 12, 135

- Маккенна, Эрин (McKenna, Erin) 101
- Малачовски, Алан (Malachowski, Alan) 14
- Малецки, Войцех (Malecki, Wojciech) 99, 100
- Малуа, Стивен (Mailloux, Steven) 19, 62, 105
- Марголис, Джозеф (Margolis, Joseph) 14, 17, 19, 212
- Маркетти, Сарин (Marchetti, Sarin) 107, 111
- Марсоне, Мишель (Marsonet, Michele) 11, 114
- Марсубян, Армен (Marsoobian, Armen) 14
- Мах, Эрнст (Mach, Ernst) 59, 75
- Махмуд, Заки Наджиб (Mahmud, Zaki Najib) 77
- Мейясу, Квентин (Meillassoux, Quentin) 93
- Мельвиль, Юрий (Melvil, Yuri) 50, 69
- Менанд, Луис (Menand, Louis) 17, 81
- Мерло-Понти, Морис (Merleau-Ponty, Maurice) 115, 144
- Мёрфи, Джон (Murphy, John) 121
- Мид, Джордж Герберт (Mead, George Herbert) 13, 14, 56, 59, 64, 72, 78, 142, 146, 170, 174, 199, 201
- Мисак, Шерил (Misak, Cheryl) 109, 115, 150, 165
- Милль, Джон Стюарт (Mill, John Stuart) 9
- Митрофанова, Анастасия (Mitrofanova, Anastasia) 11
- Мицуро, Мутто (Mitsuro, Muto) 75
- Мишура, Александр (Mishura, Alexander) 116
- Моррис, Чарльз (Morris, Charles) 11, 130
- Мулвани, Роберт (Mulvaney, Robert) 191
- Мур, Джордж Эдвард (Moore, George Edward) 160
- Мур, Элиаким Гастингс (Moore, Eliakim Hastings) 181
- Муравьев, Валериан (Muravyov, Valerian) 44
- Нагель, Томас (Nagel, Thomas) 104
- Нагель, Эрнест (Nagel, Ernest) 11, 88, 165
- Нагль, Людвиг (Nagl, Ludwig) 117
- Невилл, Роберт (Neville, Robert) 19, 120
- Нибуhr, Рейнхольд (Niebuhr, Reinhold) 17, 158
- Никоненко, Сергей (Nikonenko, Sergey) 51
- Ницше, Фридрих (Nietzsche, Friedrich) 222
- Нозик, Роберт (Nozick, Robert) 12, 168
- Нубиола, Хайме (Nubiola, Jaime) 121, 122
- Нуссбаум, Марта (Nussbaum, Martha) 168
- Окс, Питер (Ochs, Peter) 128
- Оксьер, Рэндалл (Auxier, Randall) 134, 192
- Остин, Джон (Austin, John) 160
- Папини, Джованни (Papini, Giovanni) 9, 44, 81, 123, 199
- Парменид (Parmenides) 57
- Патнэм, Рут Анна (Putnam, Ruth Anna) 13, 15
- Патнэм, Хилари (Putnam, Hilary) 12, 14–16, 19, 27, 33, 37, 40, 48–49, 51, 70, 86, 89, 100, 103, 107, 111, 117, 118, 121–122, 125, 126, 139, 147, 165, 180, 191–193, 195, 197, 218, 220
- Пилстрём, Сами (Pihlström, Sami) 67, 118, 137

- Пирс, Чарльз Сандерс (Peirce, Charles Sanders) 9, 10, 13, 14, 16–18, 20, 23–29, 33, 36, 39, 41, 44, 48–51, 54, 56, 58–59, 64, 67, 69, 70, 72, 74, 78–79, 81, 83–87, 89, 90, 92, 95, 100, 102, 105, 107, 115, 120–125, 128–133, 135, 139, 142, 145, 146, 148, 150, 154–157, 163–165, 167, 170–176, 180–183, 185–190, 192–194, 197, 199–202, 204, 212–215, 220
- Платон (Plato) 62, 206
- Познер, Ричард (Posner, Richard) 201–202
- Покровский, Никита (Pokrovsky, Nikita) 51
- Прайс, Хью (Price, Hew) 10, 19, 26, 101, 107, 109, 165
- Пуансо, Джон (Poinsot, John) 131, 133
- Райдер, Джон (Ryder, John) 14, 139
- Райт, Чонси (Wright, Chauncey) 9, 171
- Рамсей, Фрэнк (Ramsey, Frank) 26, 40
- Рансьер, Жак (Ranciere, Jacques) 168
- Рассел, Бертран (Russell, Bertrand) 11, 48, 99, 197
- Рейхенбах, Ганс (Reichenbach, Hans) 59, 155, 193
- Решер, Николас (Rescher, Nicholas) 19, 20, 145, 165
- Риденфельт, Хенрик (Rydenfelt, Henrik) 146
- Риккерт, Генрих (Rickert, Heinrich) 75
- Ричардс, Роберт (Richards, Robert) 189
- Робин, Ричард (Robin, Richard) 132
- Розенталь, Сандра (Rosenthal, Sandra) 14, 19, 98
- Ройс, Джосайя (Royce, Josiah) 9, 14, 64, 78, 122, 128, 146, 214, 215
- Рокмор, Том (Rockmore, Tom) 17
- Ролз, Джон (Rawls, John) 168
- Романо, Карлин (Romano, Carlin) 150
- Рорти, Ричард (Rorty, Richard) 10–14, 18–20, 24, 26–28, 34, 36–37, 41, 48–50, 58, 60, 65, 70–72, 78–79, 81, 82, 89, 99, 100, 103, 107, 109–111, 117, 118, 120, 121, 125, 127, 131–137, 141, 142, 147, 150, 158, 165, 180, 193–195, 197, 201, 204, 216, 218–222, 224
- Руссо, Жан-Жак (Rousseau, Jean-Jacques) 135
- Рэнделл, Джозеф (Ransdell, Joseph) 124
- Сааткамп, Герман (Saatkamp, Herman) 127
- Салливан, Шеннон (Sullivan, Shannon) 101, 152
- Сантаяна, Джордж (Santayana, George) 9, 161–162, 197
- Селларс, Рой Вуд (Sellars, Roy Wood) 24
- Селларс, Уилфрид (Sellars, Wilfrid) 13, 24, 48–49, 57, 79, 88, 89, 93, 121, 165, 168, 201, 204
- Сёрл, Джон (Searle, John) 168
- Сигфрид, Шарлин Хэддок (Siegfried, Charlene Haddock) 81–82, 180
- Сидорски, Дэвид (Sidorsky, David) 152
- Сингер, Питер (Singer, Peter) 104
- Сковронски, Кшиштоф Пиотр (Skowronski, Krzysztof Piotr) 17, 197
- Скрупскелис, Игнас (Skrupskelis, Ignas) 105, 118
- Слипер, Ральф (Sleeper, Ralph) 14

- Смит, Джон (Smith, John) 12, 14, 120, 128
- Смит, Томас Вернор (Smith, Thomas Vernor) 78
- Сократ (Socrates) 126
- Сорель, Жорж (Sorel, Georges) 81
- Соренсен, Бент (Sorensen, Bent) 186
- Сосэки, Нацумэ (Soseki, Natsume) 75
- Спенсер, Герберт (Spencer, Herbert) 10
- Сэндбот, Майк (Sandbothe, Mike) 18, 47
- Тавризян, Гаянэ (Tavrizyan, Gayane) 51
- Талисс, Роберт (Talissee, Robert) 164
- Тарский, Альфред (Tarski, Alfred) 59
- Тейлор, Чарльз (Taylor, Charles) 118–119
- Теллефсен, Торкильд (Thellefsen, Torkild) 186
- Тенкей, Хасэгава (Tenkei, Hasegawa) 75
- Троцкий, Лев (Trotsky, Leon) 50
- Тугендхат, Эрнст (Tugendhat, Ernst) 72
- Тулмин, Стивен (Toulmin, Stephen) 72
- Уайт, Мортон (White, Morton) 11
- Уэст, Корнел (West, Cornet) 12, 14, 16, 17, 19, 100, 101, 165, 180
- Уилсон, Дэниел (Wilson, Daniel) 10–11, 14
- Уильямсон, Тимоти (Williamson, Timothy) 27
- Фаббрикези, Роселла (Fabbrichesi, Rossella) 170
- Файн, Артур (Fine, Arthur) 27
- Ферре, Фредерик (Ferre, Frederick) 120
- Фестль, Михаэль (Festl, Michael) 178
- Фехнер, Густав (Fechner, Gustav) 59
- Фиш, Стэнли (Fish, Stanley) 17, 62, 179
- Фламм, Мэтью (Flamm, Matthew) 197
- Фома Аквинский (Thomas Aquinas) 48
- Форстер, Пол (Forster, Paul) 180, 183, 186, 197
- Франкель, Чарльз (Frankel, Charles)
- Фреге, Готлоб (Frege, Gottlob) 17, 48, 103, 146
- Фрейд, Зигмунд (Freud, Sigmund) 222
- Фуко, Мишель (Foucault, Michel) 112, 118, 168
- Фут, Филиппа (Foot, Philippa) 160
- Фэн Юлань (Feng Youlan) 77
- Хаак, Сьюзан (Haack, Susan) 14, 19, 109, 165, 199
- Хабермас, Юрген (Habermas, Jürgen) 13, 34, 71, 72, 78, 112, 147, 168
- Хайдеггер, Мартин (Heidegger, Martin) 17, 25, 27, 58–60, 67, 72, 78, 103, 112, 221
- Хакет, Джеймс (Hackett, James) 204
- Хан, Льюис Эдвин (Hahn, Lewis Edwin) 192
- Хант, Линн (Hunt, Lynn) 37
- Харлан, Джош (Harlan, Josh) 126
- Харман, Гилберт (Harman, Gilbert) 26
- Хартсхорн, Чарльз (Hartshorne, Charles) 10, 120
- Хаузер, Натан (Houser, Nathan) 197

- Хвостов, Вениамин (Khvostov, Veniamin) 44
Хестанов, Руслан (Khestanov, Rouslan) 222
Хестанова, Ирина (Khestanova, Irina) 222
Хикман, Ларри (Hickman, Larry) 18, 56, 220
Хинтиikka, Яакко (Hintikka, Jaakko) 58
Холл, Дэвид (Hall, David) 120
Холлинггер, Роберт (Hollinger, Robert) 11, 117
Холмс, Оливер Уэнделл (Holmes, Oliver Wendell) 9, 200, 202
Хоннет, Аксель (Honneth, Axel) 168
Ху Ши (Hu Shi) 44, 76–77
Хук, Сидней (Hook, Sidney) 11, 78, 81, 158, 165
Хун, Тан Сор (Hoon, Tan Sor) 211
Хунтонджи, Полин (Hountondji, Paulin) 77
Хэмпшир, Стюарт (Hampshire, Stuart) 160
Цёльнер, Иоганн (Zollner, Johann) 56
Ченгбинг, Ванг (Chengbing, Wang) 212
Шерлин, Пол (Cherlin, Paul) 214
Шиллер, Фердинанд Каннинг Скотт (Schiller, Ferdinand Canning Scott) 9, 10, 23, 44, 99, 105, 146, 199, 220
Шмитт, Карл (Schmitt, Carl) 81
Шнайдер, Герберт (Schneider, Herbert) 78
Шоу, Миранда (Shaw, Miranda) 75
Шпигельберг, Герберт (Spiegelberg, Herbert) 213
Шрёдер, Эрнст (Schröder, Ernst) 171
Штумпф, Карл (Stumpf, Carl) 59
Шук, Джон (Shook, John) 29
Шуленберг, Ульф (Schulenberg, Ulf) 219
Шустерман, Ричард (Shusterman, Richard) 10, 14–15, 18–20, 37, 100
Эббот, Фрэнсис (Abbot, Francis) 9
Эдман, Ирвин (Edman, Irwin) 11
Эйзеле, Каролин (Eisele, Carolyn) 124, 181
Эйкин, Скотт (Aikin, Scott) 166
Эймс, Роджер (Ames, Roger) 120
Эльзенханс, Теодор (Elsenhans, Theodor) 122
Эмерсон, Ральф Уолдо (Emerson, Ralph Waldo) 17
Эпиктет (Epictetus) 210
Юлина, Нина (Yulina, Nina) 16, 51
Юм, Дэвид (Hume, David) 82
Юшкевич, Павел (Yushkevich, Pavel) 185
Якоб, Маргарет (Jacob, Margaret) 37
Якоби, Рассел (Jacoby, Russell) 16

Научное издание

**Прагматизм и его история:
Современные интерпретации**

Корректор: Иванченко С.Ю.
Компьютерная верстка: Крылов К.А.
Группа допечатной подготовки изданий:
Зеленцов П.О.
Иванова М.В.
Исакова Т.В.
Коновалова Т.Ю.

Подписано в печать 03.10.2018. Формат 84 × 108/32.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 12,18. Тираж 1000 экз. (1-й завод — 300 экз.). Заказ №

Издательство «Академический проект»
(общество с ограниченной ответственностью),
адрес: 111399, г. Москва, ул. Мартеновская, 3;
сертификат соответствия
№ РОСС RU. АЕ51. Н 16070 от 13.03.2012;
орган по сертификации РОСС RU.0001.11АЕ51
ООО «Профи-сертификат».

Отпечатано: Акционерное общество
«Т8 Издательские Технологии»,
адрес: 109316, г. Москва, Волгоградский просп., 42, корп. 5,
телефон: +7 499 322 3832

**По вопросам приобретения книги
просим обращаться в издательство:**

телефоны: +7 495 305 3702, +7 495 305 6092,
факс: +7 495 305 6088,
e-mail: info@aproject.ru, zakaz@aproject.ru,
интернет-магазин: www.academ-pro.ru.